

9 (С-М)

В 40

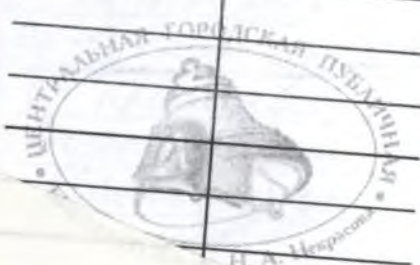
63.3(2-2м)

Вешняков В.

О причинах возвышения
Московского княжества

63.3(2-2M)
9(С-М) 755161. P.P.

В 40 Вешняков В
О призывах воз-
вышения Моск.
1851 250-00

Пробер. 032

755161

В. И. ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Вешняков В.

О ПРИЧИНАХЪ

ВОЗВЫШЕНІЯ

МОСКОВСКАГО КНЯЖЕСТВА.

РАЗСУЖДЕНІЕ

ВЛАДИМИРА ВЕШНЯКОВА,

СТУДЕНТА ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА, ЮРИДИЧЕСКАГО
ФАКУЛЬТЕТА, ПО КАМЕРАЛЬНОМУ РАЗРЯДУ, III КУРСА,

УДОСТОЕННОЕ

ПО ОПРЕДЕЛЕНІЮ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА, НА ПУБЛИЧНОМЪ
АКТѢ 8 ФЕВРАЛЯ 1851 ГОДА,

ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ.

Печатано иждивеніемъ Университета.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1851.

М. 9236

63.3(2-2M)

B40 ✓

9(c-M)

ПОСВОБЕДИТЕЛИ

Печатать по^зволяется,

по определению Историко-Филологического Факультета Императорского С. Петербургского Университета. 12 Марта 1851 года.

Деканъ Факультета Н. Устряловъ.

21581

ОТД. ПРАВЕДЕНИЯ

Петербургская Публичная Библиотека
И. А. ПРАССОВА

755161

63.3(2-2M) + 63.3(2)43

ЗАДАЧА,

НАЗНАЧЕННАЯ ВЪ 1850 ГОДУ

ОТЪ

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА,

ПО КАФЕДРЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ,

ДЛЯ СОНСКАНІЯ НАГРАДЫ УСТАНОВЛЕННЫМИ МЕДАЛЯМИ,

СТУДЕНТАМЪ и СЛУШАТЕЛЯМЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА:

«На основаніи лѣтописей и другихъ истори-
ческихъ источниковъ, изложить причины посте-
пеннаго возвышенія Государства Москов-
скаго, отъ начала его до установленія едино-
державія, съ объясненіемъ обстоятельствъ, со-
дѣйствовавшихъ перевѣсу его надъ окрестными
Княжествами, и съ критическимъ разборомъ мнѣ-
нія Карамзина и другихъ писателей по этому
предмету.»

ВЫПИСКА ИЗЪ ПРАВИЛЪ

О НАЗНАЧЕНИИ И РАЗСМОТРѢНІИ ЗАДАЧЪ, И ПРИСУЖДЕНИИ ЗА НИХЪ
РѢШЕНІЕ УСТАНОВЛЕННЫХЪ МЕДАЛЕЙ.

1. Къ соисканію награды медалями допускаются, согласно съ § 103 Устава, Студенты всѣхъ курсовъ, казенные и своекоштные, равно какъ и Вольнослушающіе, и по задачамъ всѣхъ Факультетовъ, безъ различія, не ограничиваясь тѣмъ, къ которому каждый принадлежитъ.

2. Каждое отдѣленіе Историко-Филологическаго, Физико-Математическаго и Юридическаго Факультетовъ назначаютъ по одной задачѣ изъ круга наукъ, по очереди, слѣдующаго порядку, въ какомъ Учебные предметы поименованы въ Уставѣ.

3. Предлагаемая для рѣшенія задачи объявляются въ торжественномъ Университетскомъ собраніи, бывающемъ обыкновенно 8 Февраля.

6. Разсужденіе, запечатанное въ пакетъ безъ имени автора и безъ всякаго адреса, должно быть доставлено дежурному въ Правленіи Университета Чиновнику; вмѣстѣ съ пакетомъ должна быть ему доставлена на особой бумажкѣ слѣдующая надпись: «Разсужденіе на тему, данную отъ такого-то Факультета».

7. Въ пакетъ должно быть вложено: 1, разсужденіе безъ подписи и имени автора, но непременно съ какою нибудь девизомъ или знакомъ, который долженъ быть поставленъ и въ началѣ и въ концѣ сочиненія; 2, обыкновенный письменный запечатанный пакетъ безъ всякаго адреса; въ этомъ пакетѣ должны находиться на особенной бумагѣ девизъ разсужденія и имя автора.

8. Ректоръ вскрываетъ большой пакетъ, выставляетъ тотъ самый номеръ, который дежурнымъ былъ выставленъ на пакетѣ, и отсылаетъ сочиненіе къ Профессору, по наукѣ котораго задана тема; на маломъ пакетѣ выставляетъ тотъ же номеръ и девизъ разсужденія, и оставляетъ этотъ пакетъ у себя не распечатаннымъ.

11. Къ дню, назначенному Деканомъ для Факультетскаго собранія по сему предмету, Профессоръ, по наукѣ котораго задана тема разсужденія, вноситъ въ Факультетъ письменный разборъ двухъ разсужденій, которыя, по его мнѣнію, превосходятъ всѣ другія. Тѣ изъ членовъ Факультета, которые читали сочиненія, заявляютъ свои мнѣнія въ самомъ собраніи словесно.

14. Факультетъ опредѣляетъ сочиненію, превосходному какъ по мысли, такъ по способу изложенія, въ награду золотую медаль, а сочиненію, всѣхъ ближе подходящему къ этому серебряную. Само собою разумѣется, что сочиненія, которымъ присуждается та или другая награда, должны имѣть не относительное только превосходство по сравнению съ другими, представленными въ томъ же году для соисканія награды разсужденіями по сему Факультету, но и удостоить ни одного сочиненія положенной Уставомъ награды, и ограничиться представленіемъ Совѣту, что такіа то два разсужденія лучше прочихъ.

17. Въ день, назначенный Совѣтомъ для разсужденій по сему предмету, Ректоръ вноситъ въ Совѣтъ всѣ нумерованные пакеты, которые у него хранились. По окончательномъ утвержденіи первенства разсужденій, которымъ въ награду присуждаются медали, вскрываются только пакеты съ девизами и нумерами разсужденій, коимъ опредѣлена награда. Всѣ же прочіе пакеты съ девизами не вскрытые сожигаются въ присутствіи Совѣта.

23. Сочиненіе, въ которомъ замѣченъ будетъ необыкновенный талантъ и основательное знаніе, будетъ напечатано издѣніемъ Университета по § 27 Общаго Устава и, за разсылкою въ другіе Университеты и высшія учебныя и учебныя заведенія, равно какъ и раздачею членамъ Университета, остальные экземпляры обращаются въ пользу автора.

Градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ
градахъ русскихъ, и въздуть руки
его на плеча врагъ его, и просла-
вится Богъ въ немъ.

Ник. Мѣт. III. 135.

Приступая къ рѣшенію вопроса: о причинахъ возвышенія и перевѣса надъ другими Княжествами Княжества Московскаго, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о значеніи этого вопроса въ нашей Исторіи и о системѣ, которой мы намѣрены слѣдовать при историческомъ его развитіи.

Москва соединила разрозненные силы Россіи, которая, никогда не престававшая быть однимъ органическимъ цѣлымъ, была однакоже до основанія потрясена и системой удѣльной, и игомъ Монгольскимъ. Москва дала окрѣпить этимъ силамъ, возвысилась сама, а съ тѣмъ возвысилась и всю

Россію. Москва сообщила новое направленіе, новый характеръ событіямъ нашей Исторіи. Москва возвела Россію на степень Государства, сильнаго и независимаго; Петръ Великій придалъ ему характеръ Европейскаго! И въ этомъ смыслѣ, можно сказать, что Москва была предшественницей нашего безсмертнаго Петра.

Надобно-ли распространяться послѣ этого о томъ, какъ важно значеніе Москвы въ нашей Исторіи. Въ ея рукахъ была судьба Россіи! И если мы найдемъ тѣ тайныя пружины, ту непрерывную нить фактовъ, въ слѣдствіе коихъ возвысилась Москва; мы поймемъ и то, почему устояла Россія въ послѣдствіи, отсюда окруженная врагами, и то, почему наконецъ Петръ Великій могъ приступить къ своему преобразованію.

Въ историческомъ развитіи нашего вопроса мы будемъ слѣдовать системѣ Княженій, а не системѣ причинъ возвысившихъ Москву (какъ это сдѣлалъ на примѣръ г. Станкевичъ); потому что возвышеніе Москвы было произведено главнымъ образомъ умной политикой ея Князей. Политика эта, хотя и имѣла въ виду постоянно одну цѣль, но измѣнялась болѣе или менѣе съ каждымъ Княземъ. Князья Московскіе, отличаясь умомъ, осторожностью и благоразуміемъ, дѣйствовали постоянно согласно съ духомъ времени и обстоятельствами; а такъ какъ то и другое измѣнялось съ однимъ или двумя поколѣніями, очевидно и политика Московская должна была развиваться подъ вліяніемъ этихъ новыхъ условий. Если и были туго еще другія, побочныя причины, то все опѣ, за

исключеніемъ особаго покровительства Провидѣнія и благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, болѣе или менѣе вытекали изъ политики Князей. Такъ напримѣръ, Монголы въ началѣ содѣйствовали возвышенію Москвы, но не Князья-ли Московскіе сдѣлали ихъ своимъ орудіемъ? Москва нашла опору въ Духовенствѣ, но не Іоаннъ-ли Калита умѣлъ расположить его въ свою пользу? Бояре много помогли Москвѣ; но не у самихъ-ли Князей ея заимствовали они свои мудрыя начала? Другими словами, возвышеніе Москвы было рѣшительно дѣломъ умной политики Князей Московскихъ, и потому всего естественнѣе принять систему по Княженіямъ, а не другую.

Мы раздѣлимъ все наше разсужденіе на три главныя части:

I. Часть критическую,

и въ 1-мъ Отдѣлѣ сдѣлаемъ обзоръ нашихъ источниковъ и пособій;

во 2-мъ — критику новѣйшихъ изслѣдованій по нашему предмету: Карамзина, Профессоровъ: Погодина, Каченовскаго и Соловьева и гг. Полеваго и Прандунаса.

II. Часть историческую, которая будетъ посвящена нашимъ собственнымъ изслѣдованіямъ.

III. Приложенія, которыя будутъ состоять:

1. изъ основныхъ положеній нашего разсужденія;
2. изъ статьи о приращеніяхъ Москвы, съ присовокупленіемъ географической карты, на которой, по

мѣрѣ возможности, эти приращенія будутъ означены; и

3. изъ родословной таблицы тѣхъ Князей Русскихъ, имена которыхъ будутъ встрѣчаться на страницахъ нашего разсужденія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБІЯ.

Источники, которыми мы пользовались, были трехъ родовъ: 1) *Лѣтописи*; 2) *Акты Государственные*; 3) *Путешествія иноземцевъ* и одно *поэтическое сказаніе* нашей Литературы.

Лѣтописи, служившія намъ главнымъ источникомъ вмѣстѣ съ древними Актами, были: *Никоновская*, *Воскресенская* и тѣ, которыя изданы Археографическою Коммисією съ 1846 — 1848 г. подъ заглавіемъ: *Полное собраніе Русскихъ Лѣтописей*.

Русская Лѣтопись по Никонову списку, изданная въ 8 частяхъ подъ смотрѣніемъ Императорской Академіи Наукъ (съ 1767 — 1792 г.), начинаясь, подобно всѣмъ нашимъ Лѣтописямъ, *Временникомъ Нестора* и оканчиваясь 1630 годомъ, въ III, IV, V и VI томахъ содержитъ обильный запасъ фактовъ, относящихся къ нашему вопросу; но не вездѣ представляетъ одинаковую достовѣрность, часто повторяетъ, искажаетъ, вставляетъ и запутываетъ событія.

Такъ перѣдко Никоновскіи Лѣтописецъ по нѣскольку разъ жешить и хоронить однихъ и тѣхъ же Князей ¹⁾. Такъ борьба Михаила съ Георгіемъ преисполнена подробностей, которыя ничѣмъ болѣе не подтверждаются, а иногда и прямо противорѣчатъ другимъ извѣстіямъ болѣе досто-вѣрнымъ. «Такъ Лѣтописецъ Никоновскіи изобрѣлъ, пи-«шетъ Карамзинъ, что Юрій, предъ отъѣздомъ къ Хану, «убилъ въ Москвѣ Боярина Михаила, Александра Мар-«ковича, и что Кавгадый посылалъ изъ орды, на встрѣчу «къ Великому Князю, многихъ Татаръ, чтобы на дорогѣ «убить его ²⁾».

Еще ранѣе, читаемъ въ Никоновской Лѣтописи, что Георгіи, возвратясь изъ Орды отъ Узбека, въ 1317 г. съ пожалованіемъ, уступилъ съ притворнымъ великоду-шіемъ сопернику это право и вслѣдъ за тѣмъ началъ коварно готовиться къ войнѣ съ нимъ ³⁾ — извѣстіе, кото-рое противорѣчитъ и Воскресенской Лѣтописи, и Степен-ной книгѣ ⁴⁾. Впрочемъ не смотря на все то, и нашъ безсмертный Исторіографъ, говоря объ источникахъ Рос-сійской Исторіи до XVII вѣка ⁵⁾, замѣтилъ, что «Нико-«новскіи списокъ въ XIV вѣкѣ сообщаетъ вѣроятныя, «дополнительныя извѣстія о Тверскомъ Княженіи; а далѣе «уже сходствуетъ съ другими, уступая имъ однакожь въ «исправности»; и потому, не взирая на многія свои не-«совершенства, Никоновская Лѣтопись, какъ рассказъ не-«прерывный о событіяхъ, которыя должны были войти въ наше разсужденіе, послужила намъ основой; тѣмъ болѣе, что въ ней событія со временъ Іоанна Калиты разсказываются весьма подробно. Изъ нея-то черпали мы большую часть приводимыхъ нами фактовъ, сличая, до-

¹⁾ См. Ник. Лѣт. III, ст. 85 и 89. ²⁾ См. Ист. Гос. Рос. Карамз. IV, пр. 229. ³⁾ См. Ник. Л. III, с. 112—113. ⁴⁾ См. Ист. Гос. Рос. IV, пр. 225. ⁵⁾ См. Ист. Гос. Рос. I, стр. XVI.

полняя и исправляя ихъ извѣстіями другихъ лѣтописцевъ.

Русская Лѣтопись съ Воскресенскаго списка, подареннаго въ оной Воскресенской монастырь Патріархомъ Никономъ въ 1658 году, состоящая изъ 2 частей и изданная при Императорской Академіи Наукъ въ 1793 году, будучи гораздо исправнѣе и достовѣрнѣе Никоновской, весьма удовлетворительно и обстоятельно объясняетъ для насъ борьбу Георгія съ Михаиломъ и нѣсколько короче — Княженія Іоанна Калиты и Симеона Гордаго; но къ сожалѣнію, даже не доходитъ до смерти Симеона Гордаго, оканчиваясь 6853 (1345) годомъ, именно статьей: о верѣ отъ Магнуша и боемъ на Жабче полѣ — событіями изъ Истории Новагорода. Воскресенская Лѣтопись важна для насъ еще въ другомъ отношеніи: въ ней мы находимъ матеріалы для составленія родословныхъ таблицъ — Князей Тверскихъ и Рязанскихъ со всеми отраслями отъ нихъ происшедшими, именно: Князьями Дорогобужскими, Холмскими, Микулинскими, Пронскими, Муромскими и другими; находимъ перечень городовъ Русскихъ, именно: Смоленскихъ, Рязанскихъ и Залѣскихъ, въ числѣ которыхъ помѣщена и Москва; находимъ также положительное извѣстіе о построеніи Твери въ 1232 (6740) году Ярославомъ Всеволодовичемъ. Все это дѣлаетъ для насъ Лѣтопись Воскресенскую однимъ изъ главныхъ источниковъ.

Въ 4 томахъ *Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей*, изданныхъ съ 1846 — 1848 годъ Археографическою Коммиссіею, мы имѣемъ самый драгоценный лѣтописный источникъ; ибо они представляютъ намъ матеріалы, очищенные строгою критикою отъ всякихъ нелѣпостей и изданные по самымъ вѣрнымъ спискамъ, съ вариантами и примѣчаніями.

1-ый томъ Полнаго Собранія содержитъ лѣтописи: *Лаврентьевскую* и *Троицкую*.

Лаврентьевская, состоящая изъ Временника Нестора и его продолжателей, доходитъ только до 1305 года, но за то драгоценна для насъ, заключаая въ себѣ нѣсколько, хотя и весьма мало, извѣстій о роли, которую играла Москва до того времени. Подъ 1147 годомъ, правда, въ ней не упоминается имя Москвы; но есть указанія подъ годами: 1175 ⁶⁾, 1176 ⁷⁾, 1207 ⁸⁾, 1213 ⁹⁾, 1237 ¹⁰⁾, 1285 ¹¹⁾, 1287 ¹¹⁾, 1297 ¹²⁾, 1301 ¹³⁾.

Троицкая, начинаясь 1206 годомъ, хотя и доходитъ до 1419 г.; но въ ней событія отъ самаго 1239 года отмѣчены коротко и не представляютъ ничего особеннаго; а потому ея значеніе для насъ второстепенно.

II-й томъ Полнаго Собранія содержитъ Лѣтописи: *Ипатьевскую* и *Густинскую*. Въ первой имя Москвы встрѣчается не разъ; одно мѣсто даже утверждаетъ насъ въ томъ мнѣніи, что нѣкогда Москва была селеніемъ Кучковыхъ ¹⁴⁾; но и ея значеніе для насъ не такъ важно, ибо она оканчивается 1292 годомъ.

Густинская Лѣтопись по причинамъ, которыя мы укажемъ въ другомъ мѣстѣ нашего разсужденія, рѣшительно не можетъ служить для насъ источникомъ. Она важна только для Историка Западной Руси.

Лѣтописи Новгородскія, помѣщенные въ III томѣ Полнаго Собранія, важны преимущественно для Исторіи Новгорода, объясняя отношенія къ нему Князей Московскихъ—да и тѣ только 1-я и 2-я; 3-я содержитъ Исторію Владыкъ Новгородскихъ и потому почти вовсе къ намъ неприкосновенна.

⁶⁾ См. П. С. Р. Л. т. I, стр. 158. ⁷⁾ *ibid.* 159. ⁸⁾ *ibid.* 181. ⁹⁾ *ibid.* 185. ¹⁰⁾ *ibid.* 196. ¹¹⁾ *ibid.* 207. ¹²⁾ *ibid.* 208. ¹³⁾ *ibid.* 209. ¹⁴⁾ См. П. С. Р. Л. т. II, с. 118, пр. 6.

4-ая Лѣтопись Новгородская и 1-ая Псковская составили IV томъ Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, которому и суждено, играть въ нашемъ разсужденіи роль весьма значительную. Будучи составлена, какъ говорятъ издатели, изъ Лѣтописей Новгородскихъ, Псковскихъ, Московскихъ, Южно и Западно-Русскихъ, не содержа въ себѣ извѣстій, которыя бы не встрѣчались въ другихъ Временникахъ, и продолжаясь до начала XVI вѣка, 4-ая Новгородская Лѣтопись вмѣстѣ съ своимъ окончаніемъ Академическаго списка (1447 — 1515), Хронографомъ отъ 1385 — 1405 и его окончаніемъ, съ 1447 — 1496 годъ, очевидно должна заключать огромное число фактовъ изъ Исторіи Москвы, составляя какъ бы сводъ многихъ Лѣтописей. Дѣйствительно, вмѣстѣ съ Никоновскою она служила намъ самымъ важнымъ источникомъ; остальные только дополняли ихъ.

1-ая Псковская Лѣтопись, служа болѣе для Исторіи Пскова, весьма полезна однако для объясненія дѣла Александра Михайловича Тверскаго и отношеній Іоанна III къ Новгороду въ промежутокъ времени отъ 1471—1478 г.—отношеній, изложенныхъ весьма подробно¹⁵⁾.

Въ числѣ прибавленій къ IV тому Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей находится: *Слово о житіи и о преставленіи Великаго Князя Дмитрія Ивановича Царя Рускаго* (слово «Царь» показываетъ, что все это писано не современникомъ Дмитрія)¹⁶⁾.

Послѣ Лѣтописей, вторымъ не менѣе важнымъ родомъ источниковъ служили для насъ: *Акты Государственные*. Между ними должны занять первое мѣсто Акты, включенные въ *Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи* (нынѣ Ми-

¹⁵⁾ См. П. С. Р. Л. т. IV, стр. 235—256. ¹⁶⁾ *ibid.* стр. 349—357.

нистерствѣ) *Иностранныхъ Дѣлъ и изданныхъ издживеніемъ Графа Румянцова*. Драгоцѣнный сборникъ, который бросаетъ яркій свѣтъ на жизнь и отношенія къ окружавшему ихъ міру — Князей Московскихъ! I-й томъ этого Собранія состоитъ: 1) изъ 20 Грамотъ Новгородскихъ, (1265 — 1471 г.), уясняющихъ намъ, что такое была *воля Новгородская*, и 2) изъ древнихъ Грамотъ — Великихъ Князей Московскихъ, Тверскихъ, Смоленскихъ и прочихъ Удѣльныхъ Князей, — Грамотъ содержанія различнаго. Для насъ всего дороже Завѣщанія Князей Московскихъ, также нѣкоторыхъ Удѣльныхъ, и Договоры Князей. Непрерывный рядъ Завѣщаній Великихъ Князей Московскихъ отъ Іоанна Калиты до Іоанна III много раскрываетъ для насъ политику Московскую, показывая, чѣмъ утверждали Калита и его потомки господство за своимъ Домомъ, какъ дѣятельно и какъ умно развивали свои планы и какъ достигли наконецъ желанной цѣли. Въ тоже время они даютъ намъ возможность опредѣлить постепенное територіальное расширеніе Московскаго Княжества до самыхъ временъ Іоанна III, содержа подробное исчисленіе владѣній каждаго Князя въ моментъ написанія духовной Грамоты. II-й томъ Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, заключающа въ себѣ нѣкоторыя дополненія къ I-му весьма любопытенъ и въ высшей степени важенъ по слѣдующимъ матеріаламъ для нашего вопроса: по Ярлыкамъ Хановъ Россійскимъ Митрополитамъ и всему Духовенству, по нѣкоторымъ благословеннымъ Грамотамъ Митрополитовъ напр. Кипріяна и Фотія, по Грамотѣ Ордынскаго Князя Эдигея къ Великому Князю Московскому Василью Димитріевичу, болѣе полной, нежели помѣщенная въ Никоновской Лѣтописи и Четвертой Новгородской, и по нѣкоторымъ другимъ древнимъ Грамотамъ, не вошедшимъ въ I-ю часть Собранія Грамотъ и Договоровъ Гр. Румянцова.

I-й томъ *Актовъ* (съ 1294 — 1598 г.) *Археографической Экспедиции*, издашый въ 1836 году и содержащій преимущественно Грамоты жалованныя разнымъ монастырямъ, заключаая въ себѣ однако и нѣсколько договорныхъ Грамотъ Великихъ Князей Московскихъ съ Новымъ-городомъ и Князьями Удѣльными, Договоръ Новагорода съ Казимиромъ, отреченную грамоту Архіепископа Теофила и нѣкоторыя другія, служилъ намъ значительнымъ пособіемъ къ уразумѣнію отношеній Москвы въ разныя времена къ другимъ удѣламъ и Новгороду, а также и къ уразумѣнію Исторіи Новагорода, тѣсно связанной съ Исторіей Москвы.

I-й томъ *Актовъ Историческихъ*, собранныхъ и изданныхъ въ 1841 году Археографическою Коммиссіею, содержитъ одну договорную Грамоту Василя Темнаго съ Новымъ-городомъ, Акты относящіеся къ Исторіи Новагорода предъ покореніемъ его Іоанномъ III, неоднократныя посланія всего Россійскаго Духовенства и Митрополита Іоны къ Димитрію Шемякѣ, посланіе Россійскаго Духовенства на Угру къ Іоанну III, дѣла Князей Сѣверскаго и Рязанскаго при Васильѣ Іоанновичѣ и много другихъ любопытныхъ актовъ изъ разбираемаго нами времени, дополнилъ событія Княженій Василя Темнаго, Іоанна III и Василя Іоанновича. Не бесполезенъ былъ для насъ и I-й томъ Дополненій къ Актамъ Историческимъ (изданіе 1846 г.)

Третій родъ нашихъ источниковъ состоялъ изъ Путешествій иноземцевъ и одного поэтического сказанія отечественной Литературы.

Путешествіе къ Татарамъ Іоанна Пано-Карпини, напечатанное въ Русскомъ переводѣ вмѣстѣ съ подлинникомъ, писаннымъ на Латинскомъ языкѣ, въ *Собраніи Путешествій къ Татарамъ*, изданія Языкова 1825 года, и во Французскомъ переводѣ въ изданіи Бержера: *Voyages*

faits principalement en Asie. La Haye 1735. поясняетъ для насъ многое въ характерѣ Татаръ, въ ихъ системѣ держать покоренныя земли и въ существѣ нашего ига. Иоаннъ Плато-Карпини, Францисканскій монахъ, отправленный съ дружескими Грамотами отъ Папы Иннокентія IV къ Великому Хану, былъ въ самомъ Каракорумѣ, въ одно время съ нашимъ Княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ (*dux Ieroslaus*, какъ онъ его называетъ) при возведеніи въ Ханы Гаюка (Куине), видѣлъ униженіе, какому подвергали варвары нашихъ Князей и вообще нашихъ предковъ, и сообщилъ намъ много любопытнаго о Татарахъ.

Изъ записокъ другихъ путешественниковъ, бывшихъ на Востокъ, какъ напр. *Асцелина, Рубруквиса, Марко-Поло*, записокъ изданныхъ также Бержерономъ въ его *Voyages faits principalement en Asie*, хотя и можно извлечь весьма многое о характерѣ Монголовъ и ихъ жизни, но для насъ это вовсе не такъ важно. Упомянемъ только объ одномъ, что Марко-Поло, Венеціанецъ, жившій между ними весьма долго въ XIII ст., при описаніи странъ, ими покоренныхъ, замѣтилъ слѣдующее о Россіи и ея отношеніяхъ къ Татарамъ: «Русскіе (Бержеронъ перевелъ: «*les Rutheniens, Rucheni ou Russiens*), говоритъ онъ, занимаютъ весьма большую провинцію, которая простирается почти до сѣвернаго полюса. Они платятъ дань Царю Татаръ (*au Roi des Tartares*), которымъ принадлежатъ сосѣди со стороны восточной. Они (Русскіе) владеютъ огромнымъ количествомъ дорогихъ мѣховъ и имѣютъ много серебряныхъ рудниковъ»¹⁷⁾.

Важнѣе Записки Венеціанца *Контарини*, бывшаго въ Россіи на возвратномъ пути изъ Персіи. Ихъ также издалъ Бержеронъ. Находясь довольно времени въ Москвѣ при Иоаннѣ III и будучи ему представленъ, Контарини

¹⁷⁾ Bergeron. Voyage de Marc. Paul. l. III, chap. L. p. 162.

ОТДѢЛЪ II.

КРИТИКА НОВѢЙШИХЪ ИЗСЛѢДОВАНІЙ:

КАРАМЗИНА, ПРОФЕССОРОВЪ: ПОГОДИНА, КАЧЕНОВСКАГО
И СОЛОВЬЕВА И ГГ. ПОЛЕВАГО И ПРАНДУНАСА.

Исторія Государства Россійскаго есть твореніе безсмертное, которое навсегда останется классическимъ въ нашей Литературѣ. Богатство собранныхъ и стройно расположенныхъ въ немъ фактовъ, живость и увлекательность разказа, а что всего дороже, очевидная привязанность къ истинѣ даютъ этому сочиненію цѣну труда самаго добросовѣстнаго, безпристрастнаго и занимательнаго. Но въ то же время это превосходное сочиненіе служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что человѣкъ не можетъ создать ничего вполне совершеннаго, и что самыя великіе умы, одушевленные безкорыстною любовью къ истинѣ, не бываютъ всегда свободны отъ ошибокъ. Нельзя не замѣтить, что въ образцовомъ твореніи Карамзина мы найдемъ мнѣнія и выводы не довольно вѣрные и основательные, систему не совсѣмъ строгую, ясность изложенія не вездѣ одинаковую. Конечно огромность труда и самостоятельность разработки историческихъ матеріаловъ, Карамзинымъ первымъ очищенныхъ, служатъ достаточнымъ извиненіемъ всѣхъ возможныхъ недостатковъ его заслуженнаго сочиненія. Но для насъ дороги и самыя его ошибки; ибо многіе, принимая ихъ за окончательные, несомнѣнные выводы, повторяли потомъ письменно и устно. А потому Историкъ, рѣшающій какой нибудь вопросъ изъ Русской Исторіи, никогда не долженъ упускать изъ виду, что

думалъ о его вопросѣ Карамзинъ и, въ случаѣ неосновательности его мнѣнія, ясными, неопровержимыми доводами долженъ доказать это.

Посмотримъ же, что сказалъ нашъ Исторіографъ о возвышеніи Москвы. Въ V т. Исторіи Государства Россійскаго въ главѣ IV: «о состояніи Россіи отъ нашествія Татаръ до Іоанна III» въ § «Зло имѣеть и добрыя слѣдствія» на стр. 222 мы читаемъ слѣдующее: «Исторія не терпитъ Оптимизма и не должна въ происшествіяхъ искать доказательствъ, что все дѣлается къ лучшему; ибо сіе мудрованіе не свойственно обыкновенному здравому смыслу человѣческому, для коего она пишется». Мысль совершенно справедливая, которую всякій Историкъ долженъ имѣть постоянно въ виду, дабы не уклониться отъ пути истины. Но посмотрите, какъ, едва выразивъ столь высокое, столь драгоценное для Исторіи начало, Карамзинъ самъ увлекается духомъ оптимизма, самъ впадаетъ въ опасность, отъ которой только что предостерегъ насъ. «Нашествіе Батыево, говоритъ онъ, «кучи пепла и труповъ, неволя, рабство толь долговременное составляютъ конечно одно изъ величайшихъ бѣдствій, извѣстныхъ намъ по лѣтописямъ Государствъ: «однакожь и благотворныя слѣдствія онаго несомнительны²⁹⁾». Очевидно, что здѣсь Исторіографъ имѣеть въ виду только одни физическія несчастія и потерю личной свободы Россіянъ, бывшія слѣдствіемъ ига; онъ отвергаетъ въ другомъ мѣстѣ³⁰⁾ вліяніе Татарскаго ига на внутренній бытъ нашихъ предковъ, хотя оно и несомнѣнно. (Упадокъ промышленности въ слѣдствіе тягости налоговъ, новыя, жестокія, дотолѣ неизвѣстныя формы суда, загроубніе нравовъ, замедленіе успѣховъ просвѣщенія въ Россіи, вотъ бѣдствія нашего отечества, которыхъ корень

²⁹⁾ Ист. Гос. Рос. т. V, гл. IV, стр. 222. ³⁰⁾ *ibid.* стр. 225—226.

лежалъ въ Татарскомъ владычествѣ и которыя не могутъ быть уравниваемы никакими благотворными слѣдствіями.) Но какое же доброе слѣдствіе имѣло зло? «Лучше, говоритъ Карамзинъ, если бы ктонибудь изъ потомковъ Ярославовыхъ отвратилъ сіе несчастье возстановленіемъ «Единовластія въ Россіи, и правилами Самодержавія, ей «свойственнаго, оградилъ ея вышнюю безопасность и «внутреннюю тишину; но въ два вѣка не случилось того. «Могло пройти еще сто лѣтъ и болѣе въ Княжескихъ «междоусобіяхъ: чѣмъ заключились бы оныя? вѣроятно, «погибелію нашего отечества: Литва, Польша, Венгрія, «Швеція могли-бы раздѣлить оное: тогда мы утратили «бы и государственное бытіе и Вѣру, которыя спаслися «Москвою: (Москва же обязана своимъ величіемъ Ханамъ)¹⁾». Мы не можемъ согласиться съ такимъ ошибочнымъ мнѣніемъ нашего великаго Исторіографа и не имѣли бы даже права говорить о томъ, до какой степени вѣрно предположеніе Карамзина о вѣроятномъ раздѣленіи Россіи сосѣдями и объ утратѣ ею и Вѣры и самобытности, при продолженіи Княжескихъ междоусобій, если бы вздумали опираться только на одну силу разсудка и воображенія, не подкрѣпляя ихъ фактами; но мы имѣемъ въ нашей Исторіи одинъ моментъ, который былъ ужаснѣе для Россіи всѣхъ смуть удѣльнаго періода, моментъ, въ который Россіи угрожало почти неминуемое раздробленіе, угрожало иго разныхъ иноплеменниковъ, тягчайшее Татарскаго; потому что оно не оставило бы намъ ни Вѣры, ни древнихъ обычаевъ, ни стариннаго устройства и управленія, а совершенно стерло бы нашу національность. И не смотря на то, что самое сердце Россіи было уже въ рукахъ враговъ, и совершенный недостатокъ власти въ нашемъ отечествѣ облегчалъ имъ путь къ владычеству, —

¹⁾ См. Ист. Гос. Рос. V, гл. IV, стр. 222—223.

Россія спаслась! Чѣмъ? «Общимъ, славнымъ возстаніемъ «народа подѣ знаменемъ нѣкоторыхъ вѣрныхъ отечеству «Бояръ», говоритъ самъ Карамзинъ въ своей рукописи о Древней и Новой Россіи ³²⁾. Имѣя такое неопровержимое доказательство того, что можетъ сдѣлать патриотизмъ Россіянъ и ихъ привязанность къ Вѣрѣ и обычаямъ праотцевъ, можно-ли согласиться, чтобы, среди междоусобія Князей, эта чудная добродѣтель народа угасла, и онъ позволилъ ненавистнымъ иноземцамъ расхитить свои родовыя земли? Никогда! Князья забыли бы наконецъ свою вражду, какъ забывали во времена Половцевъ, когда умный Владиміръ Мономахъ водилъ ихъ къ побѣдамъ, и ополчились бы единодушно. Скажутъ: отъ чего-же позволили они Татарамъ поработить Русь? 1) Отъ того что при первомъ появленіи ихъ въ нашей землѣ, сочли ихъ народомъ ничтожнымъ, съ которымъ не трудно совладѣть, и не приняла надлежащихъ мѣръ къ защитѣ, очнувшись же, когда было поздно; 2) они подчинились ихъ игу, отъ того что Татары не коснулись ни Вѣры, ни внутренняго гражданскаго устройства нашихъ предковъ. Народъ Русскій терпѣлъ, потому что видѣлъ не все еще потеряннымъ для себя. Вспомнимъ, какое жестокое сопротивленіе встрѣтила попытка Шевкала ввести въ Твери Магометанскую вѣру и управленіе Татарскими Князьями. (Россія дѣйствительно спаслась Москвою; но Москва не обязана своимъ величіемъ Ханамъ, какъ полагаетъ нашъ Исторіографъ.)

(Одного покровительства Хановъ было недостаточно для возвышенія Москвы. Вспомнимъ, что, утвердивъ свое владычество въ Россіи, они оказывали постоянно особенное предпочтеніе и покровительство которой нибудь отрасли Князей Русскихъ, съ тою цѣлью, чтобы такимъ

³²⁾ См. Ист. Гос. Рос. Изд. Эйверлингга прил. II, стр. XLIV.

образомъ держать и остальныхъ въ покорности. Но едва покровительствуемая отрасль начинала усиливаться, Ханы тотчасъ противопоставляли ей соперниковъ и осыпали своими милостями другую отрасль. Такимъ образомъ благоволеніе Ханское обошло почти всѣхъ Князей сѣверной Россіи.) Первые пользовались имъ Князья Суздальскіе. Ярославъ Всеволодовичъ, Андрей Ярославичъ, Александръ Невскій, Василій Ярославичъ, Андрей Александровичъ — вотъ Князья, слѣдовавшіе почти непосредственно одинъ за другимъ на престолѣ Великокняжескомъ со времени нашествія Батыя и всѣ принадлежавшіе къ обширной отрасли Князей Суздальскихъ. Замѣтивъ, что они начинаютъ усиливаться, Ханы тотчасъ обратили свои взоры въ другую сторону и обнаружили видимое предпочтеніе Твери, впрочемъ — не надолго. (Скоро Москва смѣнила Тверь въ милости Ханской; когда же и Москва возвысилась значительно, что было около времени Княженія Дмитрія Донскаго, Ханы напрягли всѣ свои силы, чтобы лишить ее первенства, перѣдко возвращали свою милость и Суздаю, и Твери, стали-было видимо покровительствовать Рязани, но все напрасно. Подорвать могущество Москвы было уже дѣломъ невозможнымъ. И такъ, мы видимъ, что вся сила здѣсь не въ покровительствѣ Монголовъ и не въ милости Ханской. Тѣмъ и другимъ пользовались и прежде, и послѣ и другія Княжества; отъ чего же они не возвысились подобно Москвѣ? Отъ того что имъ недоставало *чего-то*, недоставало какихъ-то особенныхъ условій для возвышенія, которыя въ послѣдствіи явились въ Москвѣ. Монголы конечно играли въ возвышеніи Москвы извѣстную роль, но роль страдательную. Князья Московскіе первые обратили ихъ въ свое орудіе, и падо сказать правду, что въ рукахъ Іоанна Калиты и его преемниковъ Ханы были прекраснымъ орудіемъ. Іоаннъ Калита возвысилъ и Москву, и свою власть, но опираясь не

на однихъ Хановъ; итъ, онъ искалъ опоры въ Духовенствѣ и въ обогащеніи казны своей. Говоря вообще, покровительство Монголовъ ни въ какомъ случаѣ не могло содѣйствовать значительно успѣхамъ возвышенія Москвы; ибо непосредственное подкрѣпленіе Великаго Князя Татарскими послами и войскомъ только разоряло Россію; содѣйствія же Хановъ посредствомъ одного благоволенія и утвержденія Князей на престолѣ Владимірскомъ безъ подкрѣпленія существеннаго было недостаточно; потому что Князья удѣльные не чувствовали для себя обязательной силы повиноваться Великому Князю, когда онъ не владѣлъ другими болѣе надежными средствами для водворенія своей власти, и если власть Князей Московскихъ Іоанна I и Симеона была уважаема, то не столько потому что они пользовались расположеніемъ Хановъ, сколько потому что, дѣйствуя всегда хитро и умно, они были подкрѣплены авторитетомъ Духовенства. Впрочемъ, пока на Ханскомъ престолѣ были Узбекъ и Чанибекъ, Москва дѣйствительно пользовалась ихъ расположеніемъ и покровительствомъ. Со смертью ихъ въ Ордѣ открылись междоусобія; Ханы рѣза ись, смѣняли другъ друга, являлись по нѣскольку въ одно время, и можно-ли было тутъ ожидать покровительства прочнаго, постояннаго? Уже при Іоаннѣ II Князья Русскіе терпятъ *истому* отъ посла Татарскаго Кошака ⁸⁵). По смерти Іоанна, Ханъ отдаетъ престолъ Великокняжескій Князю Суздальскому; но бояре Московскіе, пользуясь орднскими неустройствами, почти вырываютъ оный у него и доставляютъ торжество Дмитрію Іоанновичу. Соперники его, Князья Суздальскій и Тверскій, продолжаютъ выносить себѣ ярлыки на Великое Княженье, но Дмитрій, утвердись однажды на престолѣ Великокняжескомъ, не уступаетъ его болѣе никому, пре-

⁸⁵) См. П. С. Р. Л. т. IV. Нов. 4. годъ 6865, стр. 63.

зираетъ ярлыки Ханскіе, смиряетъ и Дмитрія, и Михаила, и безпокойнаго Олега и притомъ однимъ собственнымъ оружіемъ, безъ всякаго содѣйствія Хановъ. Напротивъ, онъ даже вступаетъ въ открытую борьбу съ Татарами и торжествуетъ, потомъ вскорѣ подвергается нашествію Тохтамыша, и гдѣ-же тутъ покровительство Хановъ? Кто не сознаетъ, что Дмитрій положилъ прочную основу могуществу Москвы? Но помощи Хановъ мы не видимъ. Съ Дмитрія Донскаго Москва была, такъ сказать, предоставлена самой себѣ. Сынъ его, правда, былъ утвержденъ на Великокняжескомъ престолѣ Ханомъ, но и къ нему отношенія Орды не всегда были благопріятны: при немъ Россія испытала ужасы нашествій Тамерлана и Эдигея. Грозное письмо Эдигея къ Василью Дмитріевичу лучше всего доказываетъ, что Москва должна была ждать отъ Татаръ не покровительства, а опалы. Возразятъ: Ханы содѣйствовали разширенію владѣній Василья Дмитріевича, подаривъ ему цѣлую область Нижегородскую; но вспомнимъ, что, получивъ этотъ даръ, Василій долженъ былъ еще завоевать его, въ чемъ и успѣлъ только къ концу своего Княженія. Также и утвержденіе Василья Васильевича въ достоинствѣ Великокняжескомъ — Ханомъ Улу-Махметомъ было пустой формой: оно не заставило его соперниковъ оставить ихъ притязанія, и онъ долженъ былъ посвятить всю свою жизнь на борьбу съ ними, дабы доставить торжество своему праву и новой системѣ престолонаслѣдія. Наконецъ, (Іоаннъ III дѣйствовалъ во всемъ, не прибѣгая къ Ханамъ, и даже свергнулъ ихъ иго.)

Этихъ доказательствъ достаточно, кажется, чтобы убѣдиться въ неосновательности положенія Карамзина, будто Москва обязана своимъ величіемъ Ханамъ. Если мы скажемъ, что Георгіи, Іоаннъ Калита и Симеонъ Гордый возвысились при содѣйствіи Хановъ, даже одного Узбека,

а не другихъ, это будетъ справедливо; но ихъ преемники утверждали свою власть единственно собственнымъ умомъ и оружіемъ, покупая только золотомъ не покровительство, а спокойствіе отъ Татарь.

Ни у одного изъ писателей Русской Исторіи не находимъ мы такого вѣрнаго и яснаго взгляда на причины возвышенія Москвы, такой живой и яркой картины этого возвышенія, какъ у Пр. Погодина, давно подвизающагося съ честью на поприщѣ Отечественной Исторіи. Въ числѣ мелкихъ статей его, собранныхъ и изданныхъ имъ въ одной книгѣ, въ 1846 году, подъ заглавіемъ: Историко-Критическіе Отрывки, находимъ весьма любопытную статью, прямо относящуюся къ нашему вопросу, именно: *О Москвѣ* ³⁴). Найдемъ его мысли о Москвѣ и въ его *Очеркъ Русской Исторіи*, помѣщенномъ тамъ-же ³⁵). Вотъ его мнѣніе. Воздавая Георгію честь, какъ первому виновнику возвышенія Москвы, который «пустилъ неожиданный вопросъ на рѣшеніе обстоятельствъ: кому быть: «Москвѣ или Твери ³⁶)?» и «своей жизнью и смертью «вызвалъ такія происшествія, которыя погубили совершенно Тверь во мнѣніи Ханскомъ и очистили путь Москвѣ къ возвышенію ³⁷)», Пр. Погодинъ полагаетъ, что «Юанномъ и его калитою упрочено первенство Москвы ³⁸)»; показываетъ важность для возвышенія Москвы того обстоятельства, что Юаннъ избралъ ее своею резиденціею, — выгоду ее положенія въ средоточіи всѣхъ *важныхъ* Княжествъ того времени ³⁹), слѣдствіе для казны Юанновой довѣрія Узбѣка, который сдѣлалъ его своимъ *управителемъ* въ Россіи ⁴⁰), и силу, которую приобрѣли Князья Московскіе, утвердивъ за собою маіоратъ Великокняже-

³⁴) Ист.-Кр. Отр. стр. 133—159. ³⁵) *ibid.* 25—30. ³⁶) Ист.-Кр. Отр. стр. 135 о Москвѣ. ³⁷) *ibid.* 138 о Москвѣ. ³⁸) *ibid.* 141 о Москвѣ. ³⁹) *ibid.* 138 о Москвѣ. Средоточіе, о которомъ говоритъ Пр. Погодинъ, не есть центральность Пр. Каченовскаго. ⁴⁰) *ibid.* 139 о Москвѣ.

скій ⁴¹⁾. Далѣ, онъ видитъ спасеніе Москвы въ черной смерти ⁴²⁾, которая предупреждаетъ междоусобія Князей Московскихъ, — отдаетъ должную дань заслугамъ Московской аристократіи ⁴³⁾, которая возвела на престолъ Дмитрія, пользуясь междоусобіями въ Ордѣ, указываетъ на славу осіявшую Москву послѣ удачнаго опыта на Куликовѣ полѣ ⁴⁴⁾, на необыкновенный шагъ въ Исторіи Русской, который ступилъ Дмитрій къ усиленію Москвы, отказавъ *самъ по себѣ* Великое Княженъ сыну, объясняетъ, какъ пронесъ Богъ мимо Москвы тучу Литовскую ⁴⁵⁾, какъ разсѣялась туча Татарская при Василѣ Дмитріевичѣ, какъ Богъ спасъ Москву при Василѣ Василевичѣ отъ опасности, ей угрожавшей со стороны внутренняго междоусобія, и какъ Москва *стала сама за себя* ⁴⁶⁾. Объясняя тѣ тайныя пружины, въ слѣдствіе коихъ Москва возвысилась, Пр. Погодинъ принимаетъ вмѣстѣ со всѣми, что покровительство Монголовъ возвысило Москву, но принимаетъ, не безусловно: «Дмитрій, говоритъ онъ, пошелъ войною на Монголовъ въ 1380 году, слѣдовательно дружественныхъ отношеній уже тогда не было, а это случилось только черезъ сорокъ лѣтъ послѣ Калиты. Самое возшествіе на престолъ Дмитрія было противъ воли Хана, отдававшего въ 1359 году Великое Княжество другому Князю, — слѣдовательно покровительство могло продолжаться передъ тѣмъ только лѣтъ тридцать ⁴⁷⁾».

Пр. Погодинъ приписываетъ главнымъ образомъ возвышеніе Москвы чудесному стеченію обстоятельствъ, благопріятныхъ для Москвы, не благопріятныхъ для ея враговъ. «Всѣ болѣзни, пишетъ онъ, насылались на Москву не вдругъ, а какой-то чередой, когда уже готовы

41) Ист.-Кр. Отр. Очеркъ Рус. Ист. 26. 42) *ibid.* — 43) *ibid.* 142—143 о Москвѣ. 44) *ibid.* 144. 45) *ibid.* 145. 46) *ibid.* 149. 47) *ibid.* 152.

«для нихъ были врачеванія; какъ будто бы только для «ея вразумлѣнія, указанія, воспитанія: сыновья Давиловы «боролись съ Тверью: Донской съ Монголами и удѣльною системою; отъ Литвы берегъ Василий; на долю «Темнаго достались послѣдніе удѣльные Князья; Іоаннъ «воевалъ послѣдовательно съ Новымъ городомъ, Тверью, Литвою и Ордою ⁴⁸⁾». Какъ хорошо подмѣчены и поняты здѣсь всѣ главныя обстоятельства, содѣйствовавшія развитію Москвы, какъ вѣрно каждому указано его мѣсто и какъ ясно, осязательно выражена тайна возвышенія! Это — чудная историческая картина съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ освѣщенія! Но, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, и статья Пр. Погодина не безукоризненна. Ее можно упрекнуть въ отсутствіи полиоты. Такъ напр. отъ чего, говоря о рѣшительномъ вліяніи бояръ на возвышеніе Москвы, даже самаго народа, который помогаль Василию Темному утвердиться на престолѣ, Пр. Погодинъ не только не приписываетъ никакой чести въ этомъ дѣлѣ Духовенству, участіе котораго несомнѣнно, но и не упоминаетъ о немъ? Вспомнимъ, какъ много былъ обязанъ Іоаннъ Калита Митрополитамъ Петру и Теофиосту, Іоаннъ II — Митрополиту Алексѣю; Донской — ему-же и Преподобному Сергію, какъ дѣятельно старались Митрополиты Фотій и Іона и все Россійское Духовенство о возведеніи Василія Темнаго на престолъ и какъ краснорѣчиво убѣждали они его враговъ остановить брань междуусобную; и Іоаннъ III имѣлъ вѣрнаго помощника въ Митрополитѣ Филиппѣ. Вообще Князья Московскіе имѣли въ Духовенствѣ опору твердую отъ первой минуты своего возвышенія и до окончательнаго утвержденія за собою единодержавія. Въ величайшихъ опасностяхъ религія съ своими высокими служителями всегда являлась имъ на помощь.

⁴⁸⁾ Историко-Критическіе Отрывки. стр. 153—154. О Москвѣ.

Не упоминаетъ Пр. Погодинъ въ своей статьѣ еще и о другихъ многихъ причинахъ, имѣвшихъ вліяніе рѣшительное на судьбу Москвы, причинахъ, которыя можно открыть, при подробномъ изученіи лѣтописей и другихъ историческихъ матеріаловъ съ этою цѣлью. Впрочемъ статья Пр. Погодина была имъ писана съ особенною цѣлью, которая требовала болѣе правильности взгляда, чѣмъ полноты.

Покойный Профессоръ Московскаго Университета, Каченовскій, отличаясь скептическимъ и вообще оригинальнымъ взглядомъ на Русскую Исторію, сохранилъ свою оригинальность и при рѣшеніи нашего вопроса. Тоже направленіе отразилось и во многихъ изъ его учениковъ, а потому мы, разбирая статью одного изъ нихъ г. Станкевича: «О причинахъ постепеннаго возвышенія Москвы до смерти Юанпа III», сообщенную самимъ Каченовскимъ въ Записки Московскаго Университета 1834 — 1835 годъ (№ 1. Июль и № 2. Августъ) и слѣдовательно писанную подъ его редакціею, будемъ разбирать, собственно говоря, мнѣніе самого Каченовскаго.

Г. Станкевичъ принимаетъ за исходный пунктъ своего разсужденія мысль, основанную на сочиненіяхъ Геерена и Гизо, что какъ первый шагъ народа къ гражданственности есть избраніе постоянныхъ жилищъ, такъ первый моментъ его политической значительности есть централизація, а первое условіе централизаціи — преобладаніе одного города, одной области, одного владѣтеля надъ другими. Это начало, выведенное изъ Исторіи Всемирной древнихъ, среднихъ и новыхъ временъ, г. Станкевичъ хочетъ примѣнить и къ нашей Исторіи, именно къ вопросу о возвышеніи Москвы⁴⁹⁾.

Безъ сомнѣнія, преобладаніе есть первое условіе возвы-

⁴⁹⁾ Уч. Зап. Моск. Унив. 1834. № 1. стр. 31—35.

шенія; ибо и самое слово: *возвышеніе* указываетъ на существованіе нѣсколькихъ дѣятелей, изъ коихъ одинъ получаетъ перевѣсъ надъ остальными. Но г. Станкевичъ, приписывая возвышеніе Москвы централизациі, забываетъ, что она бываетъ двоякая: нравственная и физическая. Важность первой несомнѣнна; ибо нѣтъ ничего естественнѣе предположенія о возможности соединенія въ одно цѣлое частей, хотя бы и разнородныхъ, силою нравственной воли одного или многихъ лицъ, явившихся одно послѣ другаго; совѣмъ другое дѣло съ централизацией физической, которая зависитъ отъ географическаго положенія мѣста и, только при особенныхъ выгодахъ онаго, можетъ утвердить преобладаніе извѣстнаго города или области. А этой-то послѣдней централизациі т. е. географическому положенію и приписываетъ г. Станкевичъ первую причину возвышенія Москвы (всѣхъ причинъ было по его мнѣнію 4). Но какія же особенныя выгоды представляетъ географическое положеніе Москвы? Развѣ она стоитъ на берегу моря? или орошаютъ ее большія судоходныя рѣки? или защищена она самой природой отъ враговъ внѣшнихъ? Совѣмъ нѣтъ. Г. Станкевичъ говоритъ, что Москва, занимая середину одного цѣлаго, образовавшагося изъ двухъ частей: сѣверной и южной,—мысль, которая можетъ оставаться не болѣе какъ одной гипотезой,—разширеніемъ своимъ приобрѣтала все большую центральность и, разрывая связь между Князьями, не позволяла имъ думать о самостоятельности; далѣе, что Москва, не подвергаясь опасности отъ сосѣдей, имѣла возможность утвердить свою власть надъ ними, пользуясь слабостью Князей Русскихъ, разширяла предѣлы свои болѣе и болѣе, приобщая къ себѣ независимыя владѣнія, и наконецъ образовала Московское Государство, обращаясь изъ центра въ окружность⁵⁰). Но положеніе Мо-

⁵⁰) Уч. Зап. Моск. Универс. 1834. № 1. 43—47.

сквы никогда не было центральнымъ. Пока Русь западная и Русь восточная составляли одно неразрывное цѣлое — оно было боковое; по отпадении же Княжествъ Кіевскаго и Смоленскаго къ Литвѣ, она заняла положеніе болѣе южное, даже почти юговосточное. Можно скорѣе согласиться съ Пр. Погодинымъ, что Москва находилась въ средоточіи *только главныхъ* Княжествъ Русскихъ и могла до нихъ рукой достать. Ибо дѣйствительно, ее раздѣляло и отъ Твери, и отъ Ярославля, и отъ Владимира, и отъ Суздаля, и отъ Рязани, и отъ Калуги и отъ Тулы, воротъ къ городамъ Сѣверскимъ и Малой Россіи, почти одинаковое разстояніе, около 180 или 200 верстъ ⁵¹). Но и это положеніе, сколько извѣстно, не имѣло никакого вліянія на возвышеніе Москвы.

Несправедливо полагаетъ г. Станкевичъ, что разширеніе содѣйствовало Москвѣ еще болѣе къ пріобрѣтенію центральности. До Іоанна III, Москва разирилась преимущественно на востокъ и сѣверо-востокъ; Іоаннъ раздвинулъ ея предѣлы на западъ, сѣверо-западъ и сѣверъ; такъ что она очутилась наконецъ не въ центрѣ, даже не въ сторонѣ своихъ владѣній; но почти въ равномъ отдаленіи отъ границъ южной и западной.

Пріобщеніе къ Москвѣ сосѣдственныхъ, независимыхъ Княжествъ произошло вовсе не отъ того, что она своимъ географическимъ положеніемъ разрывала ихъ взаимную связь. Положеніе Москвы, окруженной отъсюду владѣніями Князей самостоятельныхъ, было опасно скорѣе для нея, чѣмъ для нихъ; ибо послѣдніе легко могли-бы охватить ее какъ цѣпью и уничтожить общими силами ея самобытность. Къ счастью этого не случилось; потому что Князей разъединяла постоянная политика ихъ дѣйствовать не единомушно, а отдѣльно, собствен-

⁵¹) Историко Критическіе Отрывки г. Погодина: о Москвѣ. стр. 138.

ными силами. Какъ мало истины въ мнѣніи г. Станкевича о центральности Москвы, это доказывается отсутствіемъ всякой мысли въ той фразѣ, въ которой онъ полагаетъ наибольшую силу, именно: что Москва при расширеніи своемъ обращалась изъ центра въ окружность. Это не болѣе какъ одна блестящая, пустая фраза; ибо центръ не существуетъ безъ окружности. Гораздо основательнѣе три другія причины возвышенія Москвы, принимаемыя г. Станкевичемъ.

[Мы согласны съ нимъ, что нашествіе и господство Монголовъ (2-я причина, и по его сознанію только косвенная)⁵²⁾, содѣйствовали утратѣ Владиміромъ принципата, слѣдовательно приобрѣтенію онаго Москвою, содѣйствовали также и обогащенію казны Великокняжеской⁵³⁾; но едва-ли мысль общей защиты со временъ Дмитрія Донскаго соединяла Князей? Князей соединяла сильная, непреклонная воля В. Князей Московскихъ, и мы гораздо чаще видимъ Князей удѣльныхъ, ополчающихся за дѣло собственно Московскаго Князя противъ Твери и Новагорода, чѣмъ противъ Татаръ. Князья оставались даже спокойными зрителями нашествій Тохтамыша, Тамерлана и Эдигея, не думая о соединеніи съ Москвою, которая была главною цѣлью всѣхъ этихъ вторженій.

Всего лучше понято г. Станкевичемъ вліяніе пребыванія въ Москвѣ Митрополита на ея возвышеніе. Дѣйствительно, оно возвысило Москву во мнѣніи народа, сдѣлало ее центромъ духовныхъ сношеній, сблизившихъ всѣ части Русской земли, и дало Князьямъ ея возможность пользоваться вліяніемъ Духовенства для утвержденія ихъ власти⁵⁴⁾. 4-я причина — характеръ, политика и внѣшнія отношенія Князей Московскихъ, изложенные въ разбирае-

⁵²⁾ Ученыя Записки Моск. Универс. 1834. № 1. с. 48. примѣч. ⁵³⁾ *ibid.* стр. 49, 53 и 54. ⁵⁴⁾ Уч. Зап. М. Ун. № 2. стр. 251, 255.

мой нами статьѣ преимущественно на основаніи договорныхъ и духовныхъ грамотъ В. Князей Московскихъ — объяснена довольно обстоятельно и вѣрно ⁵⁵). Дѣйствія каждаго Князя безспорно были непосредственными причинами возвышенія Москвы. Но замѣтимъ, что Даниилъ Московскій, отдалясь отъ Андрея Городецкаго, держался стороны Князя не Тверскаго, а Переяславскаго, и что договоръ Симеона Гордаго съ братьями былъ заключенъ *на гробѣ отнѣ*, слѣдовательно въ Москвѣ, а не во Владимірѣ, какъ полагаетъ г. Станкевичъ ⁵⁶).

Въ заключеніе этого разбора, скажемъ нѣсколько словъ о недостаткѣ логической строгости въ принятой г. Станкевичемъ системѣ: главныя причины поставлены имъ въ одномъ ряду съ побочными. Такъ умная политика Князей, положившая прочную основу могуществу Москвы, поставлена рядомъ съ вліяніемъ пребыванія Митрополита въ Москвѣ, которое было дѣломъ этой самой политики; такъ вліяніе Монголовъ на возвышеніе занимаетъ второе мѣсто въ ряду причинъ г. Станкевича, хотя и по его сознанію оно было только косвенное; такъ вліяніе географическаго положенія Москвы поставлено имъ во главѣ, хотя оно совсѣмъ не существовало.

И такъ статья г. Станкевича, служащая для насъ выраженіемъ мнѣнія Пр. Каченовскаго, отличаясь отсутствіемъ строгости въ системѣ, невѣрностью основной мысли, т. е. что централизаци, географическому положенію, одолжена Москва главнымъ образомъ своимъ возвышеніемъ, заключаетъ со многими недостатками и нѣкоторыя достоинства, впрочемъ весьма слабыя въ сравненіи съ первыми.

⁵⁵) Ученыя Записки Моск. Универс. № 2 стр. 255—277. ⁵⁶) *ibid.* 262.

Теперь перейдемъ къ разбору мнѣнія о нашемъ вопросѣ нынѣшняго Профессора Московскаго Университета г. Соловьева.

Утверждая, что исключительное господство родового быта характеризуетъ и внутреннюю жизнь древнихъ Славянъ ⁵⁷⁾, и отношенія Княжескія до Андрея Боголюбскаго ⁵⁸⁾, Пр. Соловьевъ видитъ въ борьбѣ Москвы съ другими Княжествами стремленіе замѣнить родовыя отношенія государственными, обратить Князей изъ родичей въ подручниковъ. Вотъ смыслъ, который приданъ г. Соловьевымъ возвышенію Москвы. Не будемъ разбирать его; ибо это увлекло бы насъ слишкомъ далеко за предѣлы нашего разсужденія, а поищемъ лучше, чему приписываетъ г. Соловьевъ это возвышеніе Москвы, или, говоря его языкомъ, это торжество отношеній государственныхъ надъ родовыми.

Блестящая гипотеза о старыхъ и новыхъ городахъ, гдѣ, въ первыхъ крѣпко усвоилось понятіе общности, нераздѣльности владѣнія одного рода всею землею, и гдѣ, во вторыхъ родилось понятіе о правѣ собственности неотъемлемой, объ отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ, по волѣ Княжеской, основанной на завѣщаніи, которое впервые явилось на сѣверѣ, а не на югѣ, эта блестящая гипотеза привела Пр. Соловьева къ мысли, что съ утвержденіемъ собственности, съ полученіемъ ею преобладанія надъ родовыми отношеніями, съ осѣдлостью Князей явилась возможность увеличенія и усиленія наследственнаго удѣла примыслами, на которые родъ не имѣлъ права; что стоило только какимъ нибудь случаемъ В. Княжескому достоинству нѣсколько разъ сряду доста-

⁵⁷⁾ Арх. Ист. Юрид. Свѣдѣній — Калачова. кн. I. отд. I. Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ преимущественно Восточныхъ. Соч. Пр. С. М. Соловьева. стр. 1—54. ⁵⁸⁾ Ист. отношеній между Русск. Князьями Рюрикова Дома. 1847. Вступленіе стр. IX и X.

ваться Князьямъ одного и того же удѣла и тогда эти Князья, пользуясь своею силою, необходимо должны были поработить всѣхъ прочихъ и стать единовластителями, и что такъ точно поступали Князья Московскіе⁵⁹⁾.

Конечно, преемственность В. Княжескаго достоинства въ родѣ Калиты, которая не была однако случайною, ибо была подготовлена политикою Іоанна и Симеона Гордаго, эта преемственность, говоримъ, была однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ силы Москвы; но основаніе г. Соловьева не довольно прочно; гипотеза о городахъ новыхъ и старыхъ должна пройти сквозь горнило самой строгой критики⁶⁰⁾. Обратимъ лучше вниманіе на причины болѣе положительныя, о которыхъ говорить г. Соловьевъ въ своей *Исторіи отношеній между Русскими Князьями Рюрикова Дома*.

Основываясь па томъ, что Іоаннъ Димитріевичъ Переяславскій отказалъ свой удѣлъ Даниилу Московскому и что послѣдній его принялъ, г. Соловьевъ предполагаетъ со стороны Іоанна признаніе старшинства Даниилова предъ Андреемъ Городецкимъ и Михаиломъ Тверскимъ, со стороны Даниила притязаніе на В. Княжескій престолъ, такъ какъ Переяславль всегда считался городомъ Великокняжескимъ⁶¹⁾. Но Іоаннъ былъ самъ однимъ изъ младшихъ потомковъ Невскаго, слѣдовательно его признаніе старѣйшинства Даниилова не могло имѣть никакого вѣса. Даниилъ былъ также моложе братьевъ, слѣдовательно, и по самому естественному порядку вещей, не могъ при ихъ жизни претендовать на В. Княженіе. Не гораздо-ли проще видѣть въ отказѣ Іоанномъ его отчины Даниилу

⁵⁹⁾ Объ отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ С. Соловьева. Москва стр. 16—22. ⁶⁰⁾ Нѣкоторые изъ рецензентовъ «Исторіи отношеній между Русскими Князьями Рюрикова дома», очень часто разбирали въ подробности гипотезу г. Соловьева о старыхъ и новыхъ городахъ и не безъ основанія объявляли ее произвольною. ⁶¹⁾ Ист. отн. м. Р. Княз. Рюр. Д. стр. 290.

одинъ знакъ расположенія родственнаго, одно выраженіе благодарности за долговременный союзъ. Смерть Андрея Городецкаго считаетъ г. Соловьевъ сигналомъ къ великой борьбѣ Москвы съ Тверью ⁶²⁾, борьбѣ, основанной на правѣ силы, а не на правѣ старшинства ⁶³⁾, и которая должна была имѣть слѣдствіемъ соединеніе и могущество Россіи; ибо въ борьбѣ между Князьями по смерти Невскаго «шло дѣло о томъ: быть Государемъ всей Русской «земли или слугою этого Государя»: отсюда это видимое различіе въ правахъ и средствахъ Князей, различіе основанное на правѣ самосохраненія ⁶⁴⁾. «Главною заботою «Московскихъ Князей было собираніе Русской земли, при- «мысли, прибыли. Изъ Князей, вождей дружины Князя «Московскіе стали Князьями — собственниками, хозяевами ⁶⁵⁾». Этимъ стремленіемъ ихъ обуславливался и характеръ ихъ политики, характеръ бережливости и благо-разумія ⁶⁶⁾. «Усиленіе во чтобы то ни стало своего Кня- «жества на счетъ другихъ удѣловъ» имѣли постоянно въ виду всѣ Князья Московскіе ⁶⁷⁾. Такимъ образомъ г. Соловьевъ признаетъ, что умной политикѣ своихъ Князей Москва много обязана своимъ возвышеніемъ. Но, преслѣдуя главнымъ образомъ мысль, не всегда совпадающую съ нашимъ вопросомъ, г. Соловьевъ только изрѣдка упоминаетъ о заслугахъ, въ дѣлѣ этого возвышенія, отдѣльныхъ Князей Московскихъ, тѣмъ не менѣе однако онъ упоминаетъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, особенно о Димитріѣ Донскомъ, Василіѣ Димитріевичѣ и Иоаннѣ III. Заслуга перваго, по его мнѣнію, въ томъ, что онъ остался вѣренъ впечатлѣніямъ младенчества: «воспитанный въ не- «повиновеніи Хану, и возмужавъ, не побоялся выступить «противъ Мамаю» и «напитанный въ младенчествѣ отъ

⁶²⁾ Ист. отн. м. Р. Кв. Рюр. Д. с. 291. ⁶³⁾ *ibid.* с. 292. ⁶⁴⁾ *ibid.* с. 281. ⁶⁵⁾ *ibid.* с. 529. ⁶⁶⁾ *ibid.* с. 333. ⁶⁷⁾ *ibid.* с. 333.

«бояръ наследственной мыслью Московскихъ Князей уси-
«ливать во чтобы то ни стало свое Княжество», не из-
мѣнилъ ей и во всю жизнь ⁶⁸⁾. Заслуга Василя Дими-
тріевича въ томъ, что онъ «умѣлъ отстоять независимость
«сѣверо-восточной Руси противъ Витовта и рѣшилъ
«борьбу съ Литвою въ пользу Москвы ⁶⁹⁾. Заслуга Іоанна III
въ томъ, что, уничтожая удѣлы не только Московскіе,
но и всѣ другіе, онъ «при своей смѣлвости воспринялъ
«преданія Имперіи, принесенныя ему Греческою Царе-
«вною Софьею, и первый явился Грознымъ на Москов-
«скомъ В. Княжескомъ престолѣ, явился для Двора и
«народа Монархомъ, требующимъ безпрекословнаго пови-
«новенія и строго карающимъ за ослушаніе, первый воз-
«высился до царственной недосыгаемой высоты, передъ
«которою бояринъ, Князь, потомокъ Рюрика и Гедимина
«должны были преклониться благоговѣнно на равнѣ съ
«последнимъ изъ подданныхъ ⁷⁰⁾.

Изъ этого видно, что, по мнѣнію Пр. Соловьева, [✓]честь
возвышенія Москвы *принадлежитъ* ей Князьямъ; но честь
эту онъ имъ приписываетъ *не исключительно*. Политика
Князей Московскихъ стоитъ у него въ сильной зависи-
мости отъ бояръ, и чуть-ли не считаетъ онъ послед-
нихъ въ дѣлѣ возвышенія Москвы болѣе могуществен-
ными, чѣмъ самихъ Князей. Если вліяніе личности Кня-
зей Московскихъ на возвышеніе не довольно развито въ
его сочиненіи, то участіе бояръ въ этомъ дѣлѣ пред-
ставлено имъ въ самыхъ яркихъ чертахъ. Нельзя не со-
знаться, что эта сторона вопроса такъ хорошо имъ обра-
ботана, что послѣ него не остается болѣе ничего сказать
объ этомъ предметѣ, и потому мы обратимъ особенное
вниманіе на его мнѣніе о боярахъ Московскихъ.

⁶⁸⁾ Ист. отн. м. Рус. Княз. Рюр. Д. стр. 403. ⁶⁹⁾ *ibid.* с. 409. ⁷⁰⁾ *ibid.* стр. 530 и 531.

Уже торжество Иоанна Даниловича надъ Тверскими войсками и бояриномъ Акипоомъ подъ Переяславлемъ приписываетъ г. Соловьевъ знаменитому Кіевскому боярину Родіону Несторовичу, который искалъ службы у Князей Московскихъ ⁷¹). Бояре же Московскіе (Василій Качева и Миняй) упрекали Ростовъ при Иоаннѣ Калитѣ, съ цѣлью усилить Москву ⁷²). Бояръ же Московскихъ, и притомъ «старыхъ — отцевскихъ, получившихъ осядлость въ слѣдствіе новаго порядка вещей, — завѣщаетъ слушаться Симеонъ братьямъ своимъ ⁷³)». Далѣе г. Соловьевъ указываетъ, какъ соединенные интересы бояръ и самого Князя требовали уже при Иоаннѣ II уничтоженія сана Тысяцкаго, который, «спручивъ къ себѣ народъ и приобрѣтя его распоряженіе, могъ стѣснять ихъ власть ⁷⁴)». Всего рѣшительнѣе является вліяніе бояръ при Димитріѣ Донскомъ. «Ихъ интересы въ это время были уже тѣсно связаны съ интересами рода Калиты. Привыкнувъ быть боярами Великокняжескими, они не хотѣли принимать роль второстепенную. Наслѣдственные слуги дяди и отца Димитріева не хотѣли перебраться къ новому В. Князю въ Нижній или Тверь, гдѣ не могли вытѣснить изъ благосклонности Князя дѣдовскихъ бояръ, и потому-то они такъ умно воспользовались силами Москвы, приготовленными Калитою и Симеономъ, чтобъ удержать В. Княженіе Владимірское за своимъ малолѣтнимъ Княземъ ⁷⁵)». Боярамъ же принадлежатъ, по мнѣнію г. Соловьева и это совершенно справедливо — та заслуга, что они умѣли утвердить въ молодомъ Димитріѣ двѣ благодѣтельныя мысли: о неповиновеніи Хану и объ усиленіи Московскаго Княжества во чтобы то ни стало, чему лучшимъ оправданіемъ служить предсмертная рѣчь самого Димитрія ⁷⁶).

⁷¹) Ист. Отн. к. Р. Кн. Рюр. Д. стр. 294. ⁷²) *ibid.* 343 и 344. ⁷³) *ibid.* 350—351. ⁷⁴) *ibid.* 359—361. ⁷⁵) *ibid.* 402. ⁷⁶) *ibid.* 403—405.

Изъ письма Эдигеева къ Василию Димитріевичу выводитъ г. Соловьевъ несомнѣнное доказательство вліянія бояръ на Московскую политику при Василиѣ и заключаетъ, что пока живы были бояре отца Василиева, напр. Феодоръ Кошка, «дѣла ордынскія стояли на первомъ планѣ, потому что бояре Димитрія не могли стать въ уровень съ «настоящими потребностями Государства и, отвлекая В. Князя отъ замысловъ Витовта, совѣтовали, какъ старики, смѣры осторожныя въ отношеніи къ ордѣ»; когда же окружили Василия «бояре молодые, въ челѣ которыхъ «былъ Иванъ Феодоровичъ Кошка, то они уразумѣли, что «отношенія Литовскія должны играть первую роль, и что «опасность отъ издыхающей орды вовсе не такъ велика, «какъ со стороны Литвы, и потому убѣдили В. Князя смѣрами рѣшительными положить преграду замысламъ «Витовта касательно примысловъ въ Московской Руси⁷⁷⁾». Торжество Василия Василевича въ Ордѣ было дѣломъ «боярина хитраго, ловкаго, находчиваго, стоявшаго въ «челѣ Московскаго боярства — Ивана Димитріевича⁷⁸⁾. «Могущество Москвы, утвержденное, по словамъ г. Соловьева, съ помощью предковъ этого Ивана и его самого «было такъ прочно, что въ послѣдствіи всѣ попытки «этого честолюбиваго боярина, озлобленнаго на своего «Князя, попытки пробудить старинные замыслы въ Князьяхъ Константинѣ Димитріевичѣ и Борисѣ Александровичѣ Тверскомъ остались тщетны⁷⁹⁾». — «Усилению Московскаго Княжества содѣйствовалъ также весьма много «вольный переходъ бояръ и дворянъ вообще, которымъ «лестнѣе было служить сильнѣйшему т. е. В. Князю, «чѣмъ удѣльному», тѣмъ болѣе, что отчины боярина переходившаго — въ другихъ удѣлахъ оставались за нимъ⁸⁰⁾.

⁷⁷⁾ Ист. Отв. и. Рус. Кн. Рур. Д. стр. 420—422. ⁷⁸⁾ *ibid.* стр. 433. ⁷⁹⁾ *ibid.* стр. 434—435. ⁸⁰⁾ *ibid.* стр. 467.

«В. Князя даже нарочно тѣснили бояръ удѣльныхъ, «чтобы они переходили къ нимъ на службу⁸¹⁾». Наконецъ Іоаннъ III, понимая, что приспѣлъ часъ упрочить торжество единой державы и положить начало самодержавію, «устранилъ вліяніе бояръ, началъ думать особо свою «думу, показалъ, что съ пониженіемъ всѣхъ Княжествъ «предъ Московскимъ переходъ бояръ могъ имѣть мѣсто «только отъ удѣльныхъ Князей къ нему, Великому Князю «всєя Руси», а кромѣ этого случая «сдѣлался противенъ «самому естественному порядку вещей и противорѣчилъ «даже здравому смыслу⁸²⁾». Въ духовномъ завѣщаніи своемъ онъ прямо ограничилъ право отъѣзда бояръ и дѣтей боярскихъ⁸³⁾. Такимъ образомъ, сколько необходимо было дѣятельное участіе бояръ Московскихъ для первоначальнаго возвышенія Москвы, столько же необходимо было его удаленіе для окончательнаго утвержденія онаго. Однимъ словомъ, чрезъ все протяженіе времени отъ Іоанна Калиты до Іоанна III, мы постоянно видимъ бояръ на первомъ планѣ. Бояре Московскіе дѣйствуютъ непосредственно; бояре удѣльные усиливаютъ Москву своимъ переходомъ къ ея Князю; бояре Владиміра Андреевича являются вповниками его розмирія съ братомъ⁸⁴⁾; бояре Нижегородскіе (при Василіѣ Димитріевичѣ — особенно Румянецъ)⁸⁵⁾, бояре Тверскіе (при Іоаннѣ III)⁸⁶⁾, помогаютъ утвержденію господства Московскаго въ областяхъ своихъ Князей.

Все, что можно было сказать, о боярахъ Московскихъ г. Соловьевъ сказалъ и сказалъ совершенно основательно, опираясь на прямыя, несомнительныя указанія древнихъ памятниковъ.

⁸¹⁾ Ист. Отн. м. Рус. Кн. Рюр. Д. стр. 467. ⁸²⁾ *ibid.* стр. 520. ⁸³⁾ *ibid.* стр. 573—574. ⁸⁴⁾ *ibid.* стр. 398. ⁸⁵⁾ *ibid.* стр. 410 и 411. ⁸⁶⁾ *ibid.* стр. 506—508.

Соглашаясь вполне съ его мнѣніемъ объ этомъ предметѣ, мы позволяемъ себѣ сдѣлать единственное замѣчаніе: не увеличиваетъ ли слишкомъ много г. Соловьевъ значеніе боярства Московскаго на счетъ личныхъ способностей самихъ В. Князей? Не слишкомъ ли велика становится зависимость Князей отъ бояръ? Думаемъ, что какъ ни рѣшительно было вліяніе бояръ; но и собственные заслуги В. Князей также весьма велики. Важную роль въ дѣлѣ возвышенія Москвы приписываетъ г. Соловьевъ и Духовенству. Утвержденіе стола Митрополичьяго въ Москвѣ, по его мнѣнію, «сдѣлавъ ее средоточіемъ церковнаго управленія⁸⁷⁾», съ одной стороны поставило отчасти всю Россію въ зависимость отъ Москвы, съ другой обратило Духовенство въ орудіе Князей Московскихъ⁸⁸⁾. Говоря, «что «не должно упускать изъ виду великаго вліянія на судьбу «Москвы Митрополита Алексѣя, Митрополита всея Руси, «жившаго въ Москвѣ⁸⁹⁾», г. Соловьевъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что «когда Московскіе Князья начали стремиться къ единовластію, то ихъ стремленія совершенно совпали со стремленіемъ духовенства, и что вмѣстѣ съ «мечемъ свѣтскимъ и Великокняжескимъ противъ удѣльныхъ Князей былъ постоянно направленъ мечъ духовный⁹⁰⁾».

(Вотъ стороны, на которыя г. Соловьевъ обратилъ вниманіе въ вопросѣ о возвышеніи Москвы, который не былъ однако главнымъ предметомъ его изслѣдованія, а неизбежно долженъ былъ составить часть онаго. Изъ всего сказаннаго нами доселѣ очевидно, что бережливую и осторожную политику Князей, интересы бояръ, тѣсно связанные съ интересами потомковъ Калиты, и стремле-

⁸⁷⁾ Ист. Огн. м. Рус. Кн. Рюр. Д. стр. 335. ⁸⁸⁾ *ibid.* стр. 335 и Обь отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ. С. Соловьева. стр. 76. ⁸⁹⁾ Ист. Огн. м. Рус. Кн. Рюр. Д. стр. 402. ⁹⁰⁾ *ibid.* стр. 468.

ніе Духовенства дать царственное значеніе Московскому Дому считаетъ Пр. Соловьевъ главными причинами возвышенія Москвы. Безспорно, всё три имѣли мѣсто; но, развивъ съ должной полнотой двѣ послѣднія, онъ только слегка коснулся первой; потому что въ его планъ входило разсмотрѣніе дѣятельности Князей съ одной только точки зрѣнія, именно въ отношеніи къ остальнымъ Князьямъ удѣльнымъ. Отъ того и можно сказать, что его взглядъ на возвышеніе Москвы отличается *полнотой одной стороной*, и что многія изъ его положеній (преимущественно объ отношеніяхъ Князей) утверждаются нерѣдко на блестящихъ гипотезахъ, чрезвычайно смѣлыхъ, но не всегда выдерживающихъ строгую критику. Вотъ въ общихъ чертахъ, что можно замѣтить, о взглядѣ Пр. Соловьева на нашъ предметъ. Присоединимъ къ этому еще три частныхъ замѣчанія или правильнѣе возраженія г. Соловьеву:

1) Основываясь на примѣрахъ Москвы и Рязани, нельзя еще заключать о существованіи жребіевъ въ главныхъ городахъ и другихъ Княжествъ, для всѣхъ Князей удѣльныхъ этихъ Княжествъ⁹¹⁾. Основаніе слишкомъ слабо, чтобы выводить такую аналогію, тѣмъ болѣе, что и въ Москвѣ и въ Рязани, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи на своемъ мѣстѣ, это устройство было слѣдствіемъ условій мѣстныхъ и случайныхъ. 2) Симеонъ Гордый былъ не первый В. Княземъ *всѣя Руси*, какъ полагаетъ г. Соловьевъ⁹²⁾, подобно Карамзину и г. Станкевичу. Уже Іоаннъ Калита величался этимъ титуломъ, какъ видно изъ одной его грамоты⁹³⁾. Наконецъ, 3) отношенія ордынскія при Дмитріѣ Донскомъ вовсе не стояли на пер-

---

⁹¹⁾ Ист. Отд. и. Рус. Кн. Рур. Д. стр. 316. ⁹²⁾ *ibid.* 347. ⁹³⁾ Акт. Арх. Эксп. I, № 3.

вомъ планѣ, не закрывали собою всѣхъ прочихъ ⁹⁴⁾. Скорѣе можно сказать это объ отношеніяхъ къ удѣламъ; дѣламъ же ордынскимъ принадлежитъ второе мѣсто.

Нельзя ожидать взгляда правильнаго и безпристрастнаго на причины возвышенія Москвы отъ Полеваго, который писалъ свою *Исторію Русскаго Народа* съ идеями предвзятыми и началами, основанными не на глубокомъ изученіи историческихъ памятниковъ, а на желаніи видѣть въ Русской Исторіи — Исторію не Государства, а Народа, мысль, которая невольно увлекла его въ противорѣчія съ самимъ собою.

Удивляясь чудному возвышенію Москвы, совершившемуся въ теченіи 164 лѣтъ, онъ развертываетъ предъ нами живую картину того, чѣмъ она была въ 1341 г. по смерти Калиты и въ какомъ видѣ осталась послѣ Іоанна III въ 1505 г. ⁹⁵⁾, и спрашиваетъ себя: «Неужели преобразование Руси совершалось усиденными дѣйствіями непрерывнаго ряда людей-геніевъ»? и отвѣчаетъ: «Нѣтъ ⁹⁶⁾!»! Снова спрашиваетъ; «Неужели у соперниковъ «Москвы, удѣльныхъ Русскихъ Княжествъ, Орды, Литвы, «не было людей сильныхъ, которые превышали-бы духомъ и умомъ своимъ властителей Москвы»? и снова отвѣчаетъ: «Нѣтъ! они были». А между тѣмъ, если соединимъ все, что сказано Полевымъ отдѣльно о каждомъ Князѣ Московскомъ, то увидимъ, что при всемъ желаніи его оставить дѣятельность Князей какъ бы въ тѣни и прослѣдить какую-то главную идею въ жизни Русскаго народа, безъ которой Исторія дѣлается, по его мнѣнію, безсвязнымъ лепетомъ вѣковъ, а не повѣстью о судьбахъ

⁹⁴⁾ Ист. Отн. м. Рус. Ки. Рюр. Д. стр. 409. ⁹⁵⁾ Исторія Русск. Народа. Н. Полеваго. Москва 1833. т. VI. с. 9—14. ⁹⁶⁾ *ibid.* 14.

Провидѣнія таинственнаго ⁹⁷⁾, онъ все таки сбигается на колею, изъ которой хочеть выдти.

«Калита, по мнѣнію Полеваго, утвердилъ идею преобладанія Москвы надъ другими областями Русскими; передалъ своему роду прочіе владѣніе титуломъ и властію Великокняжества; указалъ потомкамъ вѣрныя средства продолжать начинанія Данила, Георгія и свои «собственныя» ⁹⁸⁾». Симеонъ спасъ преобладаніе Москвы, продолживъ на 13 лѣтъ политическую систему отца ⁹⁹⁾. Опасность, грозившая Москвѣ, удалена Митрополитомъ Алексѣемъ, и ему же приписываетъ Полевой всю славу Княженія Димитрія, говоря, «что съ этихъ поръ не одно «униженіе, не одна крамола, но умъ, сила Религіи, воинская дѣятельность укрѣпляютъ, величаютъ Москву ¹⁰⁰⁾». Нельзя согласиться съ Полевымъ, что Митрополиту Алексѣю принадлежитъ честь славныхъ подвиговъ Донскаго, точно такъ, какъ нельзя принять безусловно, что единственно политика этого Святителя утвердила за Московію Великое Княжество. Трудно опредѣлить степень участія въ этомъ дѣлѣ Митрополита. Намъ даже кажется весьма естественнымъ предположеніе, что сей Святитель не мало руководствовался совѣтами опытныхъ бояръ, которые притомъ болѣе всѣхъ имѣли выгоды въ сохраненіи Княземъ Московскимъ достоинства В. Княжескаго. Вспомнимъ также, что не Митрополитъ Алексѣй благословлялъ уже Димитрія на Куликовскую побѣду, и что смиреніе Новгородца и ополченіе 29 областей доказываютъ личную твердость Донскаго. — «Москвѣ погибнуть ¹⁰¹⁾!» восклицаетъ Полевой. Но нѣтъ! Димитрій уже такъ силенъ,

⁹⁷⁾ Истор. Русск. Нар. VI. стр. 14—15 ⁹⁸⁾ ibid. 15. ⁹⁹⁾ ibid. 16. ¹⁰⁰⁾ ibid. 17. ¹⁰¹⁾ ibid. 18.

что утверждаетъ самостоятельно В. Княженіе за своимъ сыномъ. Гдѣ же опасность? — Что Москва окрѣпла окончательно и всѣ задачи ея государственнаго бытія были приготовлены къ рѣшенію, Полевой приписываетъ это 73-лѣтнему Княженію Василя Димитріевича и Василя Василичевича ¹⁰²), которыхъ называетъ истинными потомками Калиты и государственному уму которыхъ удивляется справедливо. Честь начала новой жизни Россіи безспорно принадлежитъ Іоанну III, геію-создателю ¹⁰³).

(И такъ, на повѣрку все же выходитъ, что непрерывный рядъ Князей, хотя и не геіевъ, но дѣйствительно людей съ великими государственными способностями, по какой-то милости Провидѣнія, жившихъ одинъ послѣ другаго въ такомъ счастливомъ порядкѣ, что великіе планы каждаго изъ нихъ были развиваемы съ полнымъ успѣхомъ всѣми послѣдующими, что этотъ, говоримъ, непрерывный рядъ Князей, съ ихъ умной политикой, возвеличилъ Москву.)

Такимъ образомъ, въ словахъ Полеваго истина высказывается какъ бы сама собою, вопреки его волѣ. Онъ самъ запутываетъ ее и, доискиваясь во всемъ непостижимыхъ цѣлей Провидѣнія, забываетъ, что такая задача не есть задача Историка, который, сознавая дѣйствіе Перста Божія во всемъ, долженъ стремиться къ открытію причинъ естественныхъ, доступныхъ для ограниченнаго ума человѣческаго, къ открытію орудій Провидѣнія, и — отказать на всегда отъ надежды проникнуть неисповѣдимаго Судьбы Божіи.

Въ заключеніе, мы считаемъ достаточнымъ *только упомянуть* о статьѣ г. Прауднаса, помѣщенной въ Вѣстникѣ

¹⁰²) Ист. Русск. Нар. VI. стр. 20. ¹⁰³) *ibid.* 23.

Европы за 1827 г. подъ заглавiемъ: *Причины паденiя Россiи подъ иго Татаръ и постепенное возстановленiе Единовластiя въ оной*¹⁰⁴), въ подробный же разборъ ея входитъ мы не намѣрены; ибо статья эта не отличается ни полнотою изложенiя, ни правильностью и самостоятельностью взгляда.

¹⁰⁴) См. Вѣстникъ Европы, издававшiйся Пр. Каченовскимъ. 1827 г. № 14. Июль. стр. 103—121.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ВОПРОСА О ПРИЧИНАХЪ ВОЗВЫШЕНІЯ МОСКВЫ.

Вникая ближе въ Исторію каждаго народа, мы замѣчаемъ, что всѣ событія въ ней связываются цѣпью взаимной необходимости т. е. каждый фактъ, служа почвой для будущаго, имѣетъ самъ свой корень въ прошедшемъ. Вѣрность такого взгляда, которымъ мы обязаны новѣйшимъ Историкамъ, оправдывается самымъ блистательнымъ образомъ и въ Исторіи возвышенія Москвы.

Возвышеніе Москвы, послуживъ источникомъ могущества Россіи, было само явленіемъ исторически необходимымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ предшествовавшего ему порядка вещей въ древней Руси. Разсмотримъ это ближе.

Россіи, раздробленной на удѣлы, распавшейся на восточную и западную, изъ коихъ послѣдней суждено было подпасть неотразимому вліянію элемента иноземнаго, Литовско-Польскаго, Россіи, порабощенной и угнетенной Татарами, терзаемой междоусобіями Князей, очевидно угро-

жала страшная опасность — если и не потерять свою самобытность, какъ полагалъ безсмертнѣйшій нашъ Исторіографъ, то быть еще долго позорищемъ самыхъ печальныхъ происшествій, пока Промыслъ не сжалился бы надъ нею и не далъ ей лучшей участи. Россія гибла! Ей нуженъ былъ спаситель и онъ явился въ лицѣ Москвы!

Но почему же Москвѣ, городку ничтожному, едва извѣстному, выпалъ завидный удѣлъ исторгнуть Русь изъ бездны ея поглощавшей, тогда какъ были города и знаменитѣе, и сильнѣе. Отчасти эта самая знаменитость, отчасти особенныя случайныя обстоятельства ихъ Исторіи, отчасти невыгодность ихъ положенія были причиной того, что Провидѣніе избрало орудіемъ своимъ для этого переворота въ нашей Исторіи не ихъ, а юную Москву.

Казалось бы торговый, богатый, могущественный Новгородъ былъ въ состояніи перемѣнить судьбу Россіи, владея всѣми къ тому нужными средствами: богатствомъ, предприимчивостью, рѣшительностью; но 1) онъ не могъ развить въ себѣ мысли, безъ которой не было для насъ спасенія, мысли о единовластіи, какъ прямо противоположной господствовавшимъ въ немъ политическимъ началамъ; 2) не могъ; ибо не имѣлъ ни достаточной силы, ни повода, ни права вступить въ борьбу съ удѣльными Князьями, а это было также однимъ изъ условій готовившагося переворота; 3) участие народа въ правленіи Новгорода не позволяло ему долго придерживаться одной политики; 4) коммерческіе расчеты и интересы заглушали въ Новгородцахъ интересы политическіе ихъ отечества; они дорожили одною вольностью и безчисленными льготами своими, потому что видѣли въ нихъ источникъ своей обширной торговли, богатства и могущества, и болѣе ни о чемъ не заботились. Они сами содѣйствовали возвышенію Мо-

сквы, ибо она служила имъ оплотомъ противъ тѣспившей ихъ Твери.

Тверь не сыграла въ нашей Исторіи роли Москвы, потому что въ самую рѣшительную минуту, когда надлежало ей выступить на это высокое поприще, разныя несчастныя обстоятельства скопились надъ ея главою и погубили ее навѣки. Обстоятельства эти были: отпаденіе отъ Твери Новгорода, соперничество Михаила съ Георгіемъ, который нашелъ крѣпкую опору въ Узбекѣ, несчастная смерть Кончаки, убіеніе въ Ордѣ Георгія Димитріемъ и наконецъ послѣдшій ударъ былъ нанесенъ возстаніемъ Тверитянъ противъ Шевкала. Но стремленіе Твери къ господству въ концѣ перваго періода Монгольскаго ига обнаруживается такъ ясно, желаніе Князей ея утвердить за собою престолъ Владимірскій и даже благоволеніе къ нимъ Хановъ такъ очевидно, что можно сказать почти безошибочно: если бъ Георгій и Іоаннъ Калита не были такъ хитры и дѣятельны, а современные имъ Князья Тверскіе такъ безразсудно смѣлы и неосмотрительны, то можетъ быть пришлось бы намъ разсуждать теперь о возвышеніи не Москвы, а Твери.

Но почему же не Владиміръ, скажутъ можетъ быть нѣкоторые, получившій старѣйшинство въ системѣ городовъ Русскихъ, почему не Владиміръ украсился титломъ спасителя Россіи? Очень просто. Владиміръ не имѣлъ Князей удѣльныхъ. Собственно Владимірскихъ Князей не было; Владиміръ, по выраженію Пр. Погодина, былъ маіоратъ, находившійся въ полномъ распоряженіи Хановъ¹⁰⁵). Могъ-ли же онъ (Владиміръ) дать новую жизнь Россіи, когда не былъ достойніемъ определеннаго рода, когда могъ *завтра* перейти къ врагу своего сегодняшняго обладателя? И не было ли бы ошибки со

¹⁰⁵) См. Ист. Кр. Отр. Пр. Погод. статью: Оч. Рус. Ист. стр. 26.

стороны тѣхъ Князей, которые, мысля ввести новую систему господства — единовластіе, избрали центромъ своей дѣятельности Владиміръ, съ правомъ на который соединялись понятія о древнемъ правѣ старѣйшинства? Если растенія, принадлежащія къ разнымъ семействамъ, или совсѣмъ, или только хорошо не могутъ родиться на одной и той же почвѣ, тѣмъ менѣе могутъ прозябать успѣшно сѣмена новыхъ политическихъ началъ тамъ, гдѣ крѣпко усвоились понятія старыя, прямо имъ противоположныя. Примеры великихъ преобразователей служатъ намъ лучшимъ доказательствомъ. Такъ, Константинъ Великій долженъ былъ оставить вѣчный Римъ для юной Византіи, Петръ Великій златоглавую Москву для возникшаго Петербурга! Преславимъ же намъ Калиты, которые, угадавъ эту высокую аксіому, приобрѣли право ступить въ некоторомъ смыслѣ на одномъ ряду съ такими бессмертными, гениальными преобразователями; каковы были Константинъ и Петръ! Да, Владиміръ не могъ рѣшить съ успѣхомъ задачи, рѣшенной такъ блистательно Москвою. Она потѣ послужитъ только орудіемъ для выполнения другаго города. Такъ и случилось.

Намъ возразятъ: но почему же наконецъ возвысился не Кіевъ, не Смоленскъ, не Рязань или какой нибудь городъ Суздальской области, несравненно болѣе Москвы значительный, напр. Нижний Новгородъ, Суздаль, Городецъ?

Потому что Кіевъ, утративши свое первенство уже при Андрѣ Боголюбскомъ, долженъ былъ еще въ 1320 году сдѣлаться жертвою воинственнаго Гедимина и принять дѣятельное участіе въ развитіи Литовско-Польскомъ; потому что Смоленскъ, стоя на стражѣ Россіи со стороны Литвы, тревожимый постоянными набѣгами ея Князей, могъ думать только объ одной своей личной безопасности, а не о первенствѣ надъ Русскими городами и въ 1404

году послѣдовалъ за Киевомъ т. е. подпалъ владычеству Литвы; потому что Рязань была такъ сказать столбовою дорогою для Татаръ въ Россію и, подверженная непрерывно ихъ хищнымъ вторженіямъ, не могла бы окрѣпнуть, какъ окрѣпла Москва, прикрытая сосѣдними Княжествами, и еще болѣе отъ того, что Князья Рязанскіе того времени не отличались особенными дарованіями. Умный, хитрый, дѣятельный Олегъ явился, когда было уже поздно думать о могуществѣ Рязани, когда Москва, возвышенная умомъ первыкъ Князей, сдѣлалась неодолима при грозномъ, рѣшительномъ героѣ Донскаго побоища. Мечъ Димитрія разбилъ въ прахъ надежды Олега.

Не могли возвыситься и горда Суздальскіе, знаменитѣйшіе Москвы: потому что для Князей государство Суздальское, со времени властолюбиваго Андрея Городецкаго, сдѣлалось ненавистно, не только — особенно если принять вмѣстѣ съ Профессоромъ Соловьевымъ, что Суздальскіе Князья происходили не отъ Андрея Ярославича, какъ обыкновенно полагаютъ, а отъ Андрея Александровича (Городецкаго), основываясь и на нѣкоторыхъ прямыхъ указаніяхъ Никоновской летописи, и на личности мысли другихъ ея мѣстъ, въ случаѣ противнаго мнѣнія, и на грамотѣ Царя Василя Іоанновича Шуйскаго, обнародованной имъ при избраніи его на Царство, и на надгробныхъ надписяхъ Князей Нижегородскихъ¹⁰⁶. Безпокойный Андрей, виновникъ продолжительной усобицы, вооружилъ противъ себя всѣхъ Князей удѣльныхъ и самъ едва едва держался на престолѣ Владимирскомъ. Могли-ли же Князья допустить его дѣтей до Великаго Княженія безъ опасенія за тишину государственную? Впрочемъ, мы не принимаемъ безусловно предположенія Г. Соловьева о

¹⁰⁶) Архивъ Истор. Юрид. свѣдѣній о Россіи. Калачова. Отд. III: Князья Суздальскіе-Шуйскіе Пр. Соловьева стр. 19—21.

происхожденіи Князей Суздальскихъ-Шуйскихъ. Оно должно еще быть подвергнуто самому строгому изслѣдованію, съ чѣмъ и самъ г. Соловьевъ вполне согласенъ. Если же со временемъ факты неопровержимые подтвердятъ его мнѣніе, наша мысль получитъ большую силу и основательность.

Однимъ словомъ Провидѣніе, уже какъ бы готовя Москвѣ блистательную будущность, позаботилось о томъ, чтобы другіе города, имѣвшіе большее право на первенство, стали въ отношенія для себя неблагоприятныя и на пути своего развитія и возвышенія встрѣтили препятствія неодолимыя; Москва напротивъ того росла и возвышалась, хранимая и покровительствуемая чуднымъ щитомъ того же Промысла.

ОБЪ ОСНОВАНІИ МОСКВЫ И ЕЯ ИСТОРИИ ДО ВРЕМЕНЬ

Князя Данила Александровича.

Наши древніе лѣтописцы умалчиваютъ о времени основанія Москвы, не предвидя, какъ весьма остроумно замѣтилъ Карамзинъ, ея блистательной будущности¹⁰⁷). Сказки, составленныя очевидно въ позднѣйшее, даже къ намъ близкое, время, о ея началѣ не заслуживаютъ никакого вниманія, обличая совершенное невѣжество ихъ составителей и заключая въ себѣ самые грубые и непростительные анахронизмы и явное искаженіе истины. Карамзинъ весьма вѣрно оцѣнилъ эти сказки и далъ имъ мѣсто въ примѣчаніяхъ къ своей Исторіи¹⁰⁸). Впрочемъ,

¹⁰⁷) Истор. Госуд. Россійск. Карамз. Изд. Эйверлинга т. II. стр. 130

¹⁰⁸) *ibid.* т. II. пр. 301.

основаніе ихъ, состоящее въ томъ, что Москва построена однимъ изъ Князей Суздальскихъ (и *чуть-ли* не Георгіемъ Долгорукимъ?) на мѣстѣ селенія, принадлежавшаго боярину Стефану Кучкову, кажется довольно правдоподобнымъ; ибо легко согласить его съ первыми, хотя и отрывочными, указаніями лѣтописей на существованіе Москвы.

Отказываемся рѣшительно отъ всякой догадки о времени основанія Москвы. Для насъ достовѣрно одно, что Москва существовала ранѣе 1147 года; ибо въ 1147 г. Георгій Долгорукій звалъ къ себѣ союзника своего Святослава Ольговича, Князя Сѣверскаго, словами: «приди ко мнѣ брате въ Московъ¹⁰⁹⁾», и здѣсь торжествовали они свои общія побѣды надъ Изяславомъ Кіевскимъ, «устроивъ обѣдъ силенъ»¹¹⁰⁾. Одно мѣсто Ипатьевской лѣтописи, гдѣ сказано подъ 6684 (1176) годомъ: «идоша до Кучкова (въ Хлѣбшиковскомъ спискѣ: до Кучкова) рѣкше до Москвы»¹¹¹⁾, убѣждаетъ насъ, что прежде она называлась Кучковымъ, вѣроятно потому, что была основана во владѣніяхъ бояръ Кучковыхъ, съ которыми породнился Андрей Боголюбскій и которые сдѣлались его убійцами (Петръ и Якимъ Кучковичи были «начальниками убійства»¹¹²⁾). Слѣды этого древняго названія Москвы сохранялись въ ней весьма долго. При Дмитріѣ Донскомъ, близъ города на Кучковомъ полѣ (что нынѣ Срѣтенка) былъ казненъ сынъ послѣдняго тысяцкаго Иванъ Васильевичъ¹¹³⁾. Даже въ позднѣйшихъ записаніяхъ Князей находимъ село Кучку, и очевидно близъ Москвы. Такъ въ 1472 Юрій Васильевичъ, братъ Іоанна III, писалъ: «А къ Живоначальной Троицѣ въ Сергіевъ монастырь даю свое село Кучку»¹¹⁴⁾. До временъ

¹⁰⁹⁾ П. С. Р. Л. II. 29. ¹¹⁰⁾ *ibid.* ¹¹¹⁾ *ibid.* с. 118. пр. 6. ¹¹²⁾ *ibid.* II 113. ¹¹³⁾ Ник. Л. IV. 85. ¹¹⁴⁾ Собр. Г. Гр. и Д. № 96.

Данила Александровича Москва упоминается въ лѣтописяхъ весьма рѣдко. Не трудно даже пересчитать эти годы. Они суть: 1147¹¹⁵⁾, 1175¹¹⁶⁾, 1176¹¹⁷⁾, 1207¹¹⁸⁾, 1213¹¹⁹⁾, 1237¹²⁰⁾, 1249¹²¹⁾. Далѣе это имя попадаетъ почти на всякомъ шагу. За то въ Густинской лѣтописи, даже начиная отъ 1146 года, имя Москвы и выраженіе Князь Московскій встрѣчаются весьма часто. Но здѣсь лѣтописецъ подъ именемъ *Москвы* разумѣетъ не городъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи столицею новаго Княжества, а всю сѣверо-восточную Русь, принадлежавшую Георгію Долгорукому. Это ясно изъ того, что онъ говоритъ, напр. подъ 6679 (1171) годомъ: «И отселъ впаде Княженіе Кіевское, а Володымерское въ *Москвѣ* вознесся (очевидно, здѣсь Москва есть имя страны, а не города), оттоли бо *Московскіе Князи* (очевидно, рѣчь идетъ о Князьяхъ Суздальскихъ) надъ Кіевскими начаша владѣти»¹²²⁾, или въ другомъ мѣстѣ: «въ тоже лѣто (6680 т. е. 1172) изгнаша зъ *Володымера Московскаго* ложнаго епископа Феодора»¹²³⁾. Отъ того въ Густинской лѣтописи и Андрей Боголюбскій, и Всеволодъ Георгіевичъ, Большое Гнѣздо, и вообще Князья Владимірскіе и Суздальскіе, даже Александръ Невскій, величаются Князьями Московскими; а потому то нельзя извлечь почти ничего изъ этого источника для первоначальной Исторіи Москвы. — Интересенъ вопросъ: на какомъ основаніи называетъ Густинскій лѣтописецъ Князей Владимірскихъ Московскими, а отчину ихъ Москвою? Предположеніе, что это его собственная выдумка, ни на чемъ не основанная, едва ли можетъ имѣть вѣроятіе;

¹¹⁵⁾ П. С. Р. Л. II 29. ¹¹⁶⁾ *ibid.* I 158. II 416. ¹¹⁷⁾ *ibid.* I 459 и II 448. ¹¹⁸⁾ *ibid.* I 481. ¹¹⁹⁾ *ibid.* I 485. ¹²⁰⁾ *ibid.* IV. 31. Пнмк. Л. II 372 и 373. ¹²¹⁾ П. С. Р. Л. IV. 38. ¹²²⁾ *ibid.* II (Густ.) 311. ¹²³⁾ *ibid.* II (Густ.) 312.

ибо къ чему было западному бытописателю дѣлать такия поправки въ Исторіи восточной Руси, которая не могла интересовать его такъ, какъ Русь западная, или Польша, которыя и заняли значительное мѣсто въ его лѣтописи? Онъ могъ заимствовать это изъ какойнибудь позднѣйшей лѣтописи Московской, для насъ уже утраченной, и въ такомъ случаѣ это должно служить намъ доказательствомъ національной гордости Москвича, который, какъ бы торжествуя побѣду своей родины, ея именемъ, даже во времена отдаленныя, называлъ всю страну, которая со временемъ дѣйствительно должна была войти въ предѣлы владѣній Московскихъ. Если же справедливо, что весь удѣлъ Георгія Долгорукаго назывался нѣкогда Москвою, тогда почти несомнѣнно, что это названіе произошло изъ языка народа сосѣдственнаго, языка Мордовскаго, тѣмъ болѣе что съ перваго взгляда оказывается какое-то тайное сродство между словами: Москва и Мордва, и что имя страны перешло потомъ и на юный городъ. Все это впрочемъ не болѣе какъ одна догадка.

Отъ 1147 до 1207 года Москва играла роль безстрастную, (но не страдательную, какъ полагаетъ г. Станкевичъ ¹²⁴), служба изрѣдка сборнымъ пунктомъ для нѣкоторыхъ Князей, собиравшихся въ походъ или на другое дѣло. Не знаемъ, былъ ли у нея тогда свой Князь. Только въ 1213 году встрѣчаемъ первый намекъ на существованіе Князя Московскаго. «Въ лѣто 6721, читаемъ въ Лаврентьевской лѣтописи, Володимеръ сынъ Всеволожъ, Вселикаго Князя, *ѣха въ Москву*» ¹²⁵); подъ тѣмъ же годомъ: «и идоста отъ Ростова къ Москвѣ Гюрги съ Ярославомъ, и изведъ Гюрги изъ Москвы Володимера и посла ѿ въ Рускыи Переяславль». Отсюда, логически

¹²⁴) См. Учен. Зап. Моск. Унив. 1834 — 35 № 1: О причинахъ возвышенія Москвы до Юаппа III стр. 38. ¹²⁵) П. С. Р. Л. I. 185.

опираясь на то обстоятельство, что водвореніе Владиміра въ Москвѣ не нарушало, кажется, ничьихъ правъ, можно вывести, что она не имѣла особеннаго Князя; изгнаніе же его изъ Москвы родными братьями было слѣдствіемъ его союза съ другимъ братомъ, Константиномъ Всеволодовичемъ, которому жестоко враждовали и Георгій, и Ярославъ ¹²⁶).

Не ближе какъ черезъ 24 года послѣ этого событія, лѣтописи выводятъ Москву снова на сцену Исторіи, именно въ 1237 году, при второмъ нашествіи Батія. И тутъ она является намъ уже съ нѣкоторой значительностью. Она имѣла въ это время не только воеводу, но и Князя (удѣльнаго-ли?) и могла даже выставить рать (конечно посильную) для защиты отечества. Но рать эта была разбита при Коломнѣ, вмѣстѣ со сторожевымъ полкомъ Князя Романа Ингваревича и воеводы Еремѣя Глѣбовича, и вслѣдъ за тѣмъ самая Москва, защищаемая Княземъ Владиміромъ Юрьевичемъ и воеводою Филиппомъ Нянькою, была взята Татарами, воевода убитъ, а Князь со многими гражданами взятъ въ плѣнъ ¹²⁷). Это извѣстіе, хотя убѣждаетъ насъ, что Москва успѣла пріобрѣсти въ то время нѣкоторый вѣсъ, но еще не раскрываетъ подробно ея тогдашняго положенія.

Былъ ли Владиміръ Юрьевичъ ея Княземъ, или нѣтъ? Да и не временно ли была она ввѣрена его оборонѣ, какъ важный стратегическій пунктъ, подобно Коломнѣ могшій заслонить дорогу пришлымъ варварамъ на сѣверъ? Все это вопросы неразрѣшимые.

Первый достовѣрный Князь Московскій, упоминаемый въ лѣтописяхъ, былъ Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ. Мечемъ онъ проложилъ себѣ путь къ престолу Влади-

¹²⁶) Ист. Гос. Рос. т. III, гл. IV. с. 89. ¹²⁷) П. С. Р. Л. IV. 31. Ник. Л. II. 372 и 373.

мірскому (1248 г.); но, увлеченный духомъ браннолюбія, погибъ на берегахъ Поротвы, воюя съ Литвою¹²⁸⁾. Минутное торжество его не имѣло для Москвы никакихъ послѣдствій. Всѣ эти извѣстія такъ отрывочны, что нѣтъ возможности составить связную Исторію Москвы до самыхъ временъ Данила Александровича; и имъ начнемъ мы достовѣрную Исторію Московскаго Княжества.

КНЯЖЕНІЕ

ДАНИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА МОСКОВСКАГО.

По всему вѣроятію, Москва, по смерти Михаила Хоробрита, досталась его брату Александру Невскому, и онъ уже отдалъ ее въ удѣлъ меньшему сыну своему Данилу; ибо между нами Князьями дѣйствительно наблюдалось, по выраженію Царя Василя Іоанновича Шуйскаго, что «обыкли *большая* братья на *большая* мѣста сѣдати»¹²⁹⁾ и слѣдственно: *меньшая* братья на *меньшая* мѣста. А Москва была меньшимъ мѣстомъ по отношенію къ Переяслави, Суздалю и другимъ городамъ, точно такъ какъ Данилъ былъ меньшимъ братомъ по отношенію къ Дмитрію и Андрею.

Въ надеждѣ сколько нибудь усилить свой слабый удѣлъ, Данилъ вмѣшался въ кровавый споръ о владѣніи Великокняжескимъ престоломъ братьевъ, Дмитрія Переяславскаго и Андрея Городецкаго, споръ, занимавшій большую часть Князей удѣльныхъ. Сначала принялъ онъ сторону Андрея Городецкаго и, въ 1282 году, съ Тверскимъ Княземъ Святославомъ и Новгородцами, ходилъ

¹²⁸⁾ П. С. Р. Л. IV. 38 и Ник. Л. III 30 и 31. ¹²⁹⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. т. II № 141. и Арх. Ист. Юр. Свѣд. Отд. III. стр. 24.

противъ Дмитрія къ Переяславию. Впрочемъ, дѣло не дошло до кровопролитія, къ великой радости добродушнаго Дмитрія. Враги остановились въ 5 верстахъ отъ Дмитрова, вступили въ переговоры и разошлись мирно ¹³⁰). Но Даніилъ, кажется, скоро увидѣлъ, что, служа союзникомъ властолюбивому Андрею, онъ слѣдуетъ ложной политикѣ и ничего не выиграетъ для себя; а потому и рѣшился сблизиться съ Дмитріемъ. Это доказывается тѣмъ, что въ 1288 году мы видимъ его уже въ борьбѣ съ Тверью ¹³¹), которая доселѣ враждовала Переяславию.

Еще болѣе утверждаемся въ сдѣланномъ предположеніи тѣмъ, что имя Даніила не находится въ числѣ Князей, принесшихъ, въ 1293 году, въ Ордѣ жалобу на Дмитрія, и въ особенности тѣмъ, что Москва, наравнѣ съ Переяславлемъ и многими городами Владимірскими, подверглась жестокому разоренію отъ Татарскаго Царевича Дюдены, присланнаго Ханомъ разсудить Князей ¹³²). Этотъ фактъ всего вразумительнѣе говоритъ, что Даніилъ пересталъ быть союзникомъ Андрея и сблизился съ Князьями Переяславскими. На съѣздѣ Князей въ Владимірѣ, по смерти Дмитрія, когда каждый Князь сталъ объяснять свои неудовольствія ордынскому послу Алексу Неврую, Даніилъ еще яснѣе обнаружилъ перемѣну своей политики, примкнувъ къ оппозиціи, составившейся противъ Андрея изъ Князей Переяславскаго и Тверскаго ¹³³). Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было такъ велико, что едва не произошло кровопролитія. Князей примирилъ владыка Симеонъ. Но это примиреніе было только наружное. Въ томъ же 1296 году, въ которомъ былъ съѣздъ, междоусобіе возобновилось. Московскій Князь, вмѣстѣ съ

130) См. Ник. Л. III 74 и 75. П. С. Р. Л. III 64. 131) Ник. Л. III 87. 132) *ibid.* 90 и 91. 133) *ibid.* с. 94.

Тверскимъ, обнажилъ мечъ на Андрея Александровича, защищая отъ его нападеній Переяславль, оставленный ихъ покровительству Княземъ Иоанномъ Димитріевичемъ, отлучившимся въ Орду. Этихъ скудныхъ фактовъ, сообщенныхъ лѣтописями безъ всякаго поясненія, намъ кажется достаточно для убѣжденія въ томъ, что Москва и Переяславль почти постоянно были въ союзѣ между собою. Даниль, около 14 лѣтъ служа вѣрнымъ союзникомъ Князьямъ Переяславскимъ, сначала Димитрію, а потомъ его сыну Иоанну, не только успѣлъ заглядить въ ихъ глаза то, что нѣкогда поднималъ на нихъ оружіе, но и приобрѣлъ полную ихъ любовь. Иоаннъ Димитріевичъ, благодарный за вѣрный союзъ и въ знакъ любви своей, (того бо (Данила) любяше *паче всѣхъ*), умирая въ 1302 году бездѣтнымъ, благословилъ «въ себѣ мѣсто вотчиною своею Переяславлемъ Великаго «Князя Данила Александровича Московскаго, дядю своего»¹³⁴). И такъ, *Переяславлемъ* началось разширеніе Московскаго Княжества.

Послѣ всего этого можно ли согласиться съ Пр. Погодинымъ, что жизнь Данила протекла, неознаменованная никакими подвигами¹³⁵? Нѣтъ, онъ дѣятельно трудился всю свою жизнь для усиленія ничтожной отчины своей, держался постоянно политики самой выгодной для Москвы въ тогдашнихъ обстоятельствахъ и не ошибся въ расчетѣ. Москва усилилась: въ 1302 году ей былъ уже подвластенъ Переяславль, а не за долго передъ тѣмъ утвердилъ Даниль свое вліяніе и въ Рязани, которой Князь, Константинъ Романовичъ, былъ взятъ имъ въ плѣнъ.¹³⁶)

¹³⁴) См. Нпк. Лѣт. III 99—100. ¹³⁵) Ист. Кр.Отрывки Пр. Погодина, стр. 134: о Москвѣ. ¹³⁶) Воскр. Л. ч. I. № 27.

КНЯЖЕНІЕ

ГЕОРГІЯ ДАНИЛОВИЧА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ
МОСКОВСКАГО.

Даніиль, окончивъ жизнь свою схимникомъ, 4 Марта 1303 года, оставилъ свой скромный удѣлъ пятерымъ сыновьямъ: Георгію, Іоанну, Борису, Александру и Аванасію¹³⁷⁾, обстоятельство, которое могло по видимому возвратить Москву къ ея первобытной ничтожности, или по крайней мѣрѣ замедлить ея возвышеніе, на самомъ же дѣлѣ которое спасло ее.

Старшій изъ дѣтей Даниловыхъ, Георгій, честолюбивый и предприимчивый, жестокий и хитрый, захватилъ въ свои руки, тотчасъ по смерти отца, всю его власть и приступилъ къ выполненію самыхъ смѣлыхъ плановъ. Призванный на Княженіе Переяславцами, которые такъ полюбили его, что даже не пустили отъ себя на погребеніе отца¹³⁸⁾, онъ не уступилъ братьямъ и Москвы, опираясь на свое старѣйшинство, и, томимый жаждою приобрѣтеній и честолюбія, въ первый годъ своего Княженія завоевалъ Можайскъ, взявъ въ плѣнъ его Князя Святослава¹³⁹⁾, а на второй вздумалъ искать престола Владимірскаго, по смерти Андрея Городецкаго, который преставился въ Городцѣ схимникомъ, 27 Іюля 1304 года¹⁴⁰⁾. Очевидно, что братьямъ Георгія, не имѣвшимъ, ни его смѣлости и рѣшительности, ни самостоятельнаго положенія, сверхъ того страшившимся его мести въ случаѣ противодѣйствія, оставалось не спорить и бороться

---

¹³⁷⁾ Ник. Л. III 100. ¹³⁸⁾ *ibid.* ¹³⁹⁾ Воскр. II 272. ¹⁴⁰⁾ П. С. Р. Л. III 68.

съ властолюбивымъ братомъ , а искать спасенія въ покорности и союзѣ съ нимъ. Этотъ союзъ , заключенный братьями , отчасти въ видахъ личной безопасности , отчасти въ слѣдствіе убѣжденія , что они могутъ быть сильны только при взаимномъ вспоможеніи , послужилъ первымъ основаніемъ силы Московскаго Княжества. Георгій , первый виновникъ возвышенія Москвы , могъ дѣйствовать такъ смѣло и рѣшительно , какъ онъ дѣйствовалъ , только потому , что былъ увѣренъ въ содѣйствіи братьевъ , особенно Аѳанасія и Іоанна. Первый служилъ ему орудіемъ въ дѣлахъ Новгородскихъ , второй замѣнялъ его въ борьбѣ съ Тверью. Между тѣмъ , престолъ Владимірскій сдѣлался предметомъ спора для Георгія и Михаила Тверскаго , котораго призывали на Великое Княженіе и его право старѣйшинства , и голосъ бояръ Владимірскихъ , во главѣ которыхъ стоялъ любимецъ и совѣтникъ Андрея , бояринъ Акинѣй ¹⁴¹). Но Георгій , не желая такъ легко разстаться съ своей любимой мечтой и не слушая увѣщаній Митрополита Максима и обѣщаній матери Михайловой Ксеніи увеличить его наследственный удѣлъ ¹⁴²) , вызвалъ всѣ ужасы междоусобія , произвелъ во всей землѣ Суздальской *страшную змятню* и , обманувъ враговъ , которые стерегли его въ Суздаль , пробрался въ Орду , куда прибылъ въ тоже время и его соперникъ. Михаилъ золотомъ преклонилъ на свою сторону корыстолюбиваго Хана Тохту и возвратился на Русь съ пожалованіемъ. Въ то время , какъ Михаилъ тягался съ Георгіемъ въ Ордѣ , бояринъ Тверскій Акинѣй (по смерти Андрея Городецкаго онъ отѣхалъ къ Михаилу) , поддерживая въ Россіи права своего Князя оружіемъ противъ Іоанна Даниловича , защищавшаго въ свою очередь интересы брата , потерялъ жизнь

---

¹⁴¹) Ник. Л. 101. ¹⁴²) Воскрес. Лѣтопись II стр. 281.

въ сраженіи подъ Переяславлемъ, а рать Тверская съ дѣтьми его едва спаслася бѣгствомъ въ Тверь¹⁴³). Это подало поводъ къ ожесточенной войнѣ Москвы съ Тверью, по возвращеніи Князей изъ Орды; ибо лѣтописецъ говоритъ: «бысть имъ *брань многа*»¹⁴⁴). Здѣсь, въ этихъ непрестанныхъ столкновенияхъ Михаила и Георгія, надо полагать начало вражды Домовъ Московскаго и Тверскаго, вражды, которая унизила Тверь, возвысила Москву и прекратилась только съ окончательнымъ паденіемъ Твери.

Между тѣмъ, Георгій злился на успѣхъ Михаила и, въ безплодной мести своей, умертвилъ въ Москвѣ безчеловѣчно плѣнника отца своего, Князя Рязанскаго, Константина Романовича, надѣясь захватить Рязань; однако не успѣлъ, потому что, при содѣйствіи Хана, Рязанскимъ Княземъ сдѣлался Ярославъ, и Георгій долженъ былъ удовольствоваться одной Коломною¹⁴⁵).

Впрочемъ скоро лучшія времена настали для Георгія!

Въ 1313 году, Узбекъ заступилъ въ Орду мѣсто Тохты. Князья и Епископы спѣшили къ нему для полученія ярлыковъ: первые на управленіе удѣлами, вторые на различныя льготы и преимущества¹⁴⁶). Въ числѣ славнѣйшихъ Русскихъ посѣтителей Орды были тогда Митрополитъ Петръ, который и былъ отпущенъ «отъ Царя со мноюю честию вборзе», и Михайлъ Тверскій, утвержденный по прежнему въ достоинствѣ Великокняжескомъ. Но въ 1314 году былъ призванъ Узбекомъ и Георгій. Удовлетвореніемъ ненасытнаго корыстолюбія Татаръ, вкрадчивостью и постояннымъ угожденіемъ волѣ Ханской, снискалъ онъ неограниченное довѣріе Узбека, даже получилъ руку сестры его Кончаки, во св. крещеніи Агаѳіи, — милость дотолѣ неслыханная! — и, про-

---

¹⁴³) П. С. Р. Л. IV. 46. ¹⁴⁴) Ник. Л. III 103. ¹⁴⁵) Ист. Гос. Рос. IV, стр. 107 пр. 211. ¹⁴⁶) Ник. Л. III 108

живъ три года въ Ордѣ, возвратился съ грамотой на Великое Княженіе и тремя послами Ханскими, Кавгадыемъ, Астрабылой и Остревомъ¹⁴⁷). Михаилъ великодушно уступалъ ему свое право, говоря: «оже далъ «Царь тебѣ Великое Княженіе, то и азъ отступаюся «тебѣ; княжі на Великомъ Княженіи, но въ мою опришнину не въступайся, а распусти своя воя»¹⁴⁸). Георгія не тронуло это великодушіе. Онъ хотѣлъ унижить, сокрушить своего врага и подвигался къ Твери отъ Костромы съ Князьями Суздальскими, Новгородцами и Татарами. Михаилъ, призвавъ въ свидѣтели Бога, что не по его волѣ будетъ литься кровь Христіанская, и очистивъ такимъ образомъ свою совѣсть предъ лицомъ Епископа, Князей и бояръ Тверскихъ, спѣшилъ отразить неумолимаго врага. При Бортновѣ, въ 40 верстахъ отъ Твери, произошло сраженіе. Рать Георгія была разбита, самъ онъ бѣжалъ въ Новгородъ; братъ его Борисъ, супруга Кончака и Кавгадый попались въ плѣнъ. Но Михаилъ обошелся съ ними ласково, не велѣлъ убивать Татаръ и, почтивъ Кавгадыя богатыми дарами, возвратилъ ему свободу¹⁴⁹). Къ несчастью Михаила, въ плѣну у него умерла Кончака, по свидѣтельству почти всѣхъ лѣтописей, насильственной смертью¹⁵⁰). Но едва ли великодушный Михаилъ былъ способенъ на такое злодѣйство! Смерть Кончаки была сигналомъ для его гибели. Георгій вмѣстѣ съ Кавгадыемъ, «начальникомъ всему злу», предсталъ предъ Узбека и оклеветалъ своего врага¹⁵¹). Судъ, наряженный Узбекомъ надъ несчастнымъ Михаиломъ, который также прибылъ въ Орду, изъ угожденія къ сильному Кавгадыю и озлобленному зятю Ханскому, Георгію, приговорилъ его къ лютой смерти. Онъ

¹⁴⁷) Ник. Л. III 112. ¹⁴⁸) Воскр. Лѣт. II 282. ¹⁴⁹) Воскр. II 283 и 284.

¹⁵⁰) П. С. Р. Л. III 72, IV. 49. ¹⁵¹) Ник. Л. III 115.

принялъ ее съ покорностью и твердостью истиннаго мученика Вѣры Христовой, и Церковь наша дѣйствительно причла его къ лику Святыхъ.¹⁵²⁾

И такъ, Георгій прошелъ къ престолу Великокняжескому по трупу Михаила. Но козни, употребленныя имъ для низложенія врага, возбудили, кажется, даже въ Узбекѣ и его совѣтникахъ недоувѣрчивость къ нему. Самъ Кавгадѣй «*съ яростью*» упрекалъ его въ жестокости къ старѣйшему брату¹⁵³⁾. О непримиримой враждѣ Князей Тверскихъ и говорить нечего. Положеніе Георгія было опасное; онъ это чувствовалъ и искалъ вѣрнаго и сильнаго союзника. Такимъ явился Новгородъ. Уже давно, одною изъ главныхъ заботъ Георгія было утверженіе господства или даже только рѣшительнаго вліянія въ Новѣгородѣ; ибо этимъ должна была значительно ослабиться власть Князей Тверскихъ, болѣе полувѣка владѣвшихъ имъ, хотя и на всей волѣ Новгородской. Еще въ 1205 году, Михаилъ обязалъ Новгородцевъ слѣдующимъ условіемъ въ свою пользу: «Аже будетъ «тягота мнѣ отъ Андрея (Городецакаго), или отъ Тата-«рина, или отъ иного кого, вамъ потянути со мною, а «не отступите вы ся мене ни въ которое же время»¹⁵⁴⁾. Съ 1314 г. желаніе Георгія начало мало по малу осуществляться. Недовольные Князьями Тверскими, и въ особенности ихъ намѣстниками, Новгородцы стали обращаться къ Георгію съ просьбами о помощи, прося то Князя Ржевскаго Феодора, то роднаго брата Георгіева, Аванасія, то призывая его самого къ себѣ. И понятно, что Московскій Князь всегда охотно исполнялъ ихъ желанія. Но, съ одной стороны его долговременное отсутствіе въ Орду много ослабило его вліяніе на Новгородъ,

¹⁵²⁾ Ник. Л. III. 116 — 121. Воскр. Л. II 286 — 295. Ист. Гос. Рос. IV. 113—117. ¹⁵³⁾ Ник. Л. III 121. ¹⁵⁴⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. I № 4 и 5.

съ другой и дѣятельность Князей Тверскихъ не мало помѣшала его окончательному утверженію въ немъ. Князья Тверскіе, Михаилъ и сынъ его, Димитрій, не терпя измѣны Новгородцевъ, ни ихъ насилія надъ собственными гражданами, какъ напр. Игнатомъ Бѣской или Данілкою Писцовымъ, обвиненными въ тайныхъ сношеніяхъ съ Тверью, неоднократно приводили ихъ къ покорности жестокими пораженіями, какъ напр. при Торжкѣ въ 1315 году, уводомъ въ Тверь ихъ главныхъ руководителей, Феодора Ржевскаго и Аѳанасія Даніловича, смѣной посадниковъ, а всего болѣе окупамъ, когда въ 5 темъ ¹⁵⁵), когда въ 12000 гривенъ серебра ¹⁵⁶). Не смотря на то, Георгій имѣлъ много доброхотовъ въ Новгородѣ. Это доказывается отвѣтомъ Новгородцевъ Михаилу въ 1315 году: «Не выдаемъ Аѳанася, но измремъ *«вси честно за святую Софью»* ¹⁵⁷). Въ послѣдней борьбѣ Георгія съ Тверскимъ Княземъ они, хотя и не принимали прямого участія, но явно держали его сторону и даже, въ 1319 году, многіе изъ нихъ, по совѣту Кавгадыя, сопровождали Георгія въ Орду ¹⁵⁸), безъ сомнѣнія, дабы своими показаніями усилить вину Михайлову и содѣйствовать его гибели. Два года продолжалась эта печальная драма, носившая въ себѣ зародышъ падеія и самого Георгія. Георгій ознаменовалъ свое Великое Княженіе самымъ тѣснымъ союзомъ съ Новымгородомъ. Приславъ ему въ 1320 году, прямо изъ Орды, намѣстникомъ брата своего, Аѳанасія ¹⁵⁹), онъ самъ неоднократно ѣздилъ въ Новгородъ, водилъ его полки на Нѣмцевъ, осаждалъ, хотя и безуспѣшно, Выборгъ ¹⁶⁰); въ 1321 г. удалялся въ Новгородъ съ выходнымъ серебромъ Князей

¹⁵⁵) П. С. Р. Л. III 71. ¹⁵⁶) Собр. Гос. Гр. и Д. I № 12. ¹⁵⁷) П. С. Р. Л. III 71. ¹⁵⁸) Ник. Л. III 115. ¹⁵⁹) П. С. Р. Л. IV. 49. ¹⁶⁰) *ibid.* III. 72.

Тверскихъ, желая не платить его послу цареви; подъ прикрытіемъ Новгородцевъ же, изъ опасенія Дмитрія Тверскаго, думалъ пробраться въ Орду и, застигнутый на Урдомъ Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ, на-шелъ себѣ спасеніе у нихъ же — въ Новѣгородѣ. Съ Георгіемъ основали Новгородцы на островѣ Орѣховомъ, при истокѣ Невы, Орѣховскую крѣпость и съ нимъ же совершили походъ на Заволочапъ, ограбившихъ Новгородцевъ, которые ходили на Югру. Походъ былъ успѣшенъ ¹⁶¹). Изъ Заволочья, рѣкою Камой, Георгій отпра-вился въ Орду, гдѣ его ждалъ ножъ заклятаго врага. Но прежде нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Георгія къ Ордѣ съ 1320 до 1325 года. Расположеніе Хана къ Георгію со смертью Михаила исчезло совершенно. Это ясно изъ того, что посолъ Царевъ Байдера производилъ насилія во Владимірѣ, въ первые годы Княженія Георгія ¹⁶²), и изъ того, что въ 1322 году Узбекъ, очевидно въ гнѣвѣ на него, осыпалъ почестями Дмитрія Михайловича Тверскаго и даже, украсивъ Великокняжескимъ достоинствомъ, отпустилъ на Русь съ посломъ своимъ, Сивейчъ Бугомъ. Понятно, что это должно было возбу-дить опасенія Георгія. Онъ поспѣшилъ въ Орду; но здѣсь Дмитрій, безъ Царева слова, надѣясь на одно Царево жалованье, умертвилъ его собственной рукой ¹⁶³). Хотя Узбекъ и казнилъ Дмитрія, но не столько за смерть Георгія, сколько за самоуправство. Опасаясь найти че-столюбіе и коварство Георгія и въ родномъ его братѣ, Юаннѣ, Узбекъ отдалъ Великое Княженіе не ему, какъ ни старался онъ въ Ордѣ, а Александру Михайловичу, одному изъ Князей Тверскихъ, хотя и называлъ ихъ «крамольными, противными и ратными себѣ». ¹⁶⁴)

¹⁶¹) П. С. Р. Л. IV. 73. ¹⁶²) Ник. Л. III 125. ¹⁶³) *ibid.* 129. П. С. Р. Л. III. 73. ¹⁶⁴) Ник. Л. III 130).

Если станемъ смотрѣть на Георгія со стороны нравственной, то откроемъ въ немъ много недостатковъ. Но, если взглянемъ на него со стороны политической, то должны будемъ согласиться, что его заслуга для Москвы, а слѣдовательно и для Россіи огромна. Его Княженіе составляетъ первое звѣно въ Исторіи возвышенія Москвы. Онъ, можно сказать, выдернулъ для Москвы жребій возвышенія; онъ расширилъ ея предѣлы, очистилъ ей путь къ первенству низложеніемъ опаснаго соперника, Князя Тверскаго, униженіемъ Твери, достиженіемъ Владимірскаго престола и даже собственною смертыю.

ІОАННЪ ДАНИЛОВИЧЪ КАЛИТА,

Великій Князь всея Руси.

По смерти Георгія Даниловича, Княженіе Московское, во всей своей цѣлости, перешло къ его единственному наслѣднику — брату Іоанну; ибо остальные братья умерли гораздо ранѣ: Александръ въ 1305 г.¹⁶⁵⁾, Борисъ въ 1320¹⁶⁶⁾ и Аѳанасій въ 1322, чернецомъ въ монастырѣ Св. Спаса въ Нередицахъ по одному извѣстію¹⁶⁷⁾, Св. Спаса на Городищѣ¹⁶⁸⁾ по другому.

Іоаннъ далеко уступалъ брату въ смѣлости, не имѣлъ и его недостатковъ; но съ его честолюбіемъ соединялъ осмотрительность, благоразуміе и тонкое умѣнье выбирать средства для достиженія своихъ цѣлей. По смерти отца, онъ не спорилъ съ братомъ, нагло завладѣвшимъ всѣмъ удѣломъ Даниила, а спокойно выжидалъ удобнаго случая, дабы сѣсть въ Переяславлѣ. Въ 1304 году, когда

¹⁶⁵⁾ П. С. Р. Л. IV. 47. ¹⁶⁶⁾ Ник. Л. III 124. ¹⁶⁷⁾ П. С. Р. Л. IV. 49.

¹⁶⁸⁾ *ibid.* III 72.

Георгій отправился въ Орду, онъ дѣйствительно захватилъ Переяславль и съ тѣхъ поръ княжилъ въ немъ до самой смерти брата. Георгій, озабоченный войной съ Тверью, долженъ былъ оставить его спокойнымъ обладателемъ Переяславля, дабы имѣть въ немъ вѣрнаго союзника. Мы мало знаемъ о дѣятельности Іоанна до 20-ыхъ годовъ XIV столѣтія, однако имѣемъ право думать, что онъ не мало содѣйствовалъ успѣхамъ брата, чему достаточнымъ для насъ доказательствомъ служить бой подъ Переяславлемъ съ бояриномъ Акнеомъ. По всему видно, что Георгій жилъ съ Іоанномъ въ мирѣ, и никогда внутренніе раздоры не ослабляли ихъ; да и вообще, Князь Московскій дорожилъ союзомъ братьевъ.

Іоаннъ отличался дальновидностью. Онъ не скрывалъ отъ себя, что Георгій, нажившій себѣ враговъ и въ Ордѣ, и въ Россіи, былъ въ опасности и могъ легко пасть, а потому заранѣе рѣшился снискать милость Узбека и составить въ Ордѣ партію для себя благопріятную, дабы, въ случаѣ опалы или смерти брата, скорѣе быть утверждѣнъ въ его достоинствѣ. Здѣсь ключъ къ объясненію его частыхъ поѣздокъ въ Орду, съ 1320 по 1325 годъ, и его ревности въ разореніи городовъ Низовскихъ и Ярославля, въ чемъ помогалъ ему «сильный зело посоль» Узбека Ахмыль¹⁶⁹⁾; но все это мало помогло ему; потому что въ преемники Георгію Узбекъ выбралъ не его, а Александра Михайловича Тверскаго. Здѣсь снова является соперничество Москвы съ Тверью, и еще разъ оно имѣло результатомъ возвышеніе первой и униженіе послѣдней. Іоаннъ, затаившій въ душѣ злобу на Александра, скоро нашелъ случай излить ее на соперника.

Пылкій и добродѣтельный, Александръ уже въ 1327

¹⁶⁹⁾ Ник. Л. III 127.

Году раздражилъ Хана. Не будучи въ состояніи спокойно переносить, чтобы одинъ изъ Князей ордынскихъ, близкій родственникъ Царя, Шевкаль или Щелканъ Дюденевичь производилъ насилія въ Твери и привелъ въ исполненіе свой ужасный планъ : истребить весь родъ Князей Тверскихъ, самому сѣсть на Княженіе въ Твери, по другимъ городамъ посаждать «иную Князью свою», а народъ привести въ Магометанскую вѣру, Александръ первый подалъ знакъ къ возстанію ¹⁷⁰). Огонь и мечъ истребили большую часть Монголовъ; самъ Шевкаль нашелъ смерть во дворцѣ, зажженномъ неистовою чернью ¹⁷¹). Узбекъ, очевидно, не могъ оставить безнаказаннымъ такого явнаго мятежа Тверитянъ, не могъ снести такого оскорбленія своей власти. Но кто могъ ревностиѣе наказать Тверь, какъ не родовой ея врагъ, Московскій Князь Іоаннъ? И его то выбралъ Ханъ орудіемъ своей мести ¹⁷²). Подкрѣпляемый ратью Татарскою, окруженный пятью великими темниками и цѣлой свитой воеводъ Татарскихъ, изъ которыхъ лѣтопись называетъ : Θεодора, Чука, Туралыка и Сюгу, сверхъ того сопровождаемый Княземъ Суздальскимъ, выступилъ Іоаннъ въ походъ, по повелѣнію Цареву овладѣлъ Тверью и Кашиномъ, опустошилъ волости Торжка и только отъ того не дошелъ до Новгорода, что послы его, явясь съ поклономъ, предложили за себя выкупъ въ 5000 серебра. Это событіе разительно говоритъ намъ, какъ дѣятельно старался Князь Московскій объ униженіи Твери. Самый Новгородъ, не принимавшій участія въ мятежѣ Тверитянъ, подвергается опасности; за что? за то, что признавалъ своимъ Княземъ Александра Михайловича и скрѣпилъ этотъ союзъ договорной грамотой 1327 года ¹⁷³). Александръ Михайловичъ

¹⁷⁰) Ник. III. 137. ¹⁷¹) П. С. Р. Л. IV. 50—51. ¹⁷²) Ник. Л. III. 138.

¹⁷³) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 15.

Тверскій съ семействомъ удалился во Псковъ, а братья его водворились въ его удѣлѣ.

Іоаннъ поспѣшилъ въ Орду — донести Узбеку объ успѣшномъ окончаніи похода; въ одно съ нимъ время прибыли посолъ Новгородскій Феодоръ Колесница и Князя Тверскіе, Василій и Константинъ, желавшіе умиловить Хана. Довольный Узбекъ всѣхъ принялъ ласково, а Іоанну пожаловалъ не только Великое Княженіе Владимірское, но еще и чиня Княжества къ Москвѣ ¹⁷⁴).

Съ Іоанномъ Даниловичемъ, именно съ водвореніемъ его на престолѣ Владимірскомъ, начался новый порядокъ вещей. Даже наши безстрастные лѣтописцы отмѣтили это, хотя и по своему. «Сѣде Князь Иванъ Даниловичъ, ачитаемъ мы въ Никоновской лѣтописи, на великомъ Княженіи, и бысть тишина велика крестьяномъ по всей руской землѣ на 40 лѣтъ, и престаша Татарове воевати «рускую землю» ¹⁷⁵).

Слова многозначительныя, указывающія на поворотъ къ лучшему! Іоаннъ, пріобрѣтя покорностью и многими услугами право на довѣренность Хана, успѣлъ убѣдить его, чтобы непосредственный надзоръ, такъ сказать, надъ Князьями Русскими и наказаніе ихъ въ случаѣ какойнибудь вины были возлагаемы не на Татарскихъ Князей, а на него, Великаго Князя Московскаго и Владимірскаго, а равно, чтобы и выходъ ордынскій былъ собираемъ не такъ, какъ прежде — чиновниками Ханскими, а имъ же, В. Княземъ, и былъ доставляемъ прямо въ Орду. Участъ Россіи много облегчалась такою мѣрою. Во весь первый періодъ Монгольскаго ига, Русскіе несли по отношенію къ Татарамъ, говоря нынѣшнимъ языкомъ, самыя тягостныя повинности. Ссылаемся на Плато-Карпини, западнаго миссіонера, которій проѣзжалъ чрезъ Россію въ 1246 г., слѣ-

¹⁷⁴) Ник. Лѣт. III. 141. ¹⁷⁵) *ibid.* III. 142. П. С. Р. Л. IV. 51.

довательно при самомъ началѣ ига, и оставилъ много любопытныхъ извѣстій о Татарахъ. Описывая ихъ характеръ, онъ говоритъ: «Valde sunt cupidi et avari, exactores maximi ad petendum, tenacissimi retentores et parcissimi donatores»¹⁷⁶). Въ 7-ой главѣ, которая посвящена описанію ихъ системы держать покоренныя земли, читаемъ слѣдующее¹⁷⁷): «Они требуютъ давать десятину отъ всего, какъ отъ людей, такъ и отъ вещей. Отсчитавъ 10, берутъ одного. Остальныхъ, переписавъ, облагаютъ данью, которую долженъ платить всякій, богатый и бѣдный, малый и большой, даже младенецъ однодневный. Дань эта платилась въ то время преимущественно мѣхами медвѣдей, черныхъ бобровъ, зибуловъ (соболей), харьковъ, лисицъ (въ послѣдствіи и серебромъ). Кто не въ состояніи платить дани, того отводятъ къ Татарамъ, гдѣ онъ и остается въ рабствѣ». — «Управленіе покоренныхъ странъ было ввѣряемо баскакамъ или басхатамъ (Baschatos suos ponunt), мановенію коихъ должны были повиноваться какъ Князья (у Плато-Карпини Герцоги), такъ вообще всѣ».

Къ несчастію, все это слишкомъ достовѣрно. Прибавимъ, что послы Ханскіе безпрестанно приходили въ Россію для удовлетворенія своей алчности, и города подвергались страшнымъ разореніямъ. Припомнимъ жестокости Сабанчія, Казанчія, Кончи, Ахмыла и другихъ изверговъ, и тогда будемъ мы въ состояніи оцѣнить заслугу Іоанна, который положилъ конецъ всѣмъ этимъ бѣдствіямъ. Вотъ что надобно разумѣть подъ приведенными выше словами лѣтописца: бысть тишина и т. д.

¹⁷⁶) Собраніе Путеш. къ Татарамъ. 1825. стр. 105. ¹⁷⁷) Предлагаемъ не полный переводъ, а краткія извлеченія, для большей связи перемѣшанныя и съ нашими словами. Впрочемъ смыслъ совершенно близокъ къ подлиннику.

Современники не могли не быть благодарны Иоанну за его нововведеніе, и народъ охотно платилъ ему дань, хотя и довольно тягостную. Но Иоаннъ и для себя извлекъ изъ этого пользу. Сборщикъ податей во всей сѣверо-восточной Руси, онъ, естественно, не могъ устоять противъ искушенія увеличивать извѣстною частью выхода ордынскаго и свою казну. На эти-то деньги накопилъ онъ себѣ селъ въ разныхъ областяхъ, даже цѣлыхъ удѣловъ у мелкихъ Князьковъ. Но, чтобы эта новая система сбора податей могла утвердиться, чтобы Татары не вздумали возвратиться къ старинѣ, другими словами, чтобы держать ихъ въ постоянномъ отдаленіи отъ Россіи, ихъ надлежало усыпить всеми возможными знаками покорности; и для того-то Иоаннъ продолжалъ тѣснить Александра Михайловича и неоднократно ѣздилъ въ Орду. Тщетно призывая къ себѣ Александра, Узбекъ въ 1330 году вторично поручилъ Московскому Князю наказать его и представить въ Орду. Соединясь даже съ братьями гонимаго Князя, съ Александромъ Княземъ Суздальскимъ и Новгородцами, которые вооружились отъ Заволочья и до Корелы, Иоаннъ двинулъ эти страшныя силы ко Пскову, гдѣ Александръ нашелъ себѣ убѣжище. Посольство, состоявшее изъ умнаго боярина Московскаго, Луки Протасьева и владыки Новгородскаго Моисея, едва не убѣдило его итти въ Орду: его удержали Псковитяне, сказавъ: «аже что будетъ на тобѣ, изомремъ съ тобою въ единомъ мѣстѣ»¹⁷⁸). Иоаннъ, видя рѣшимость Пскова умереть за своего Князя и не желая проливать крови Русской, прибѣгнувъ къ средству, которымъ нѣкогда на Западѣ съ такимъ ужаснымъ успѣхомъ пользовались Папы. Онъ убѣдилъ («намолви» говорить лѣтопись) Митрополита Θεогноста наложить про-

¹⁷⁸) П. С. Р. Л. IV. 4. Новг. 51. 1-ая Псковск. 185.

клятѣ и отлученіе на Князя Александра и на весь Псковъ ¹⁷⁹⁾. Проклятіе это какъ громомъ поразило Псковъ; но благородный Александръ не захотѣлъ подвергать Церковному отлученію себя ради — людей, доказавшихъ ему свою любовь, и, снявъ съ Псковитянъ клятву, данную ими въ вѣрности ему, уѣхалъ въ Литву ¹⁸⁰⁾. Хотя такимъ образомъ Іоаннъ и не достигъ исполнѣ своей цѣли, т. е. не представилъ Александра въ Орду, но доказалъ свою готовность угождать Узбеку. А чтобы сохранить благоволеніе Хана, усыпить Монголовъ и упрочить Великокняжеское достоинство за своимъ родомъ, Іоаннъ, не смотря на кратковременность своего Княженія, совершилъ пять поѣздокъ въ Орду: въ 1331, 1333, 1336, 1337 и 1338 годахъ, возилъ подарки Хану и всему двору, жилъ въ Ордѣ по нѣскольку мѣсяцевъ, нерѣдко по цѣлому году (напр. съ 1331 по 1332) и, въ послѣднее время жизни, бралъ съ собою и посылалъ — дѣтей своихъ, изъ коихъ Симеонъ уже достигъ совершенныхъ лѣтъ ¹⁸¹⁾. Цѣль Іоанна была достигнута: Русь наслаждалась тишиной.

Пользуясь уваженіемъ въ Ордѣ, господствуя неограниченно въ своей родовой отчинѣ, состоявшей уже изъ 8 городовъ, управляя какъ Великій Князь въ Княжествѣ Владимірскомъ и въ иныхъ многихъ, торжественно признанный въ 1328 г. и Новгородцами въ достоинствѣ ихъ Князя, Іоаннъ могъ требовать отъ Князей удѣльныхъ покорности безусловной и дѣятельнаго содѣйствія при усмиреніяхъ Пскова и Новагорода. Дѣйствительно, Князья Тверскіе, Суздальскіе, Рязанскіе по первому его требованію становились подъ его знамена.

¹⁷⁹⁾ П. С. Р. Л. IV. 4. Новг. 51. 1-ая Псковск. 185. ¹⁸⁰⁾ *ibid.* ¹⁸¹⁾ Въ 1333 г. Симеонъ, будучи тогда 17 лѣтъ, женился на Литовской Княжнѣ Августѣ, при муропомазаніи названной Анастасією. См. Ник. III. 161.

Только въ годъ его смерти бояре его, Александръ Ивановъ и Феодоръ Акиноевъ, съ Рязанскимъ Княземъ Иоанномъ Коротополомъ и многими другими, ходили къ Смоленску, провинившемуся впрочемъ не противъ Князя Московскаго, а противъ Узбека ¹⁸²). Даже вольныхъ Новгородцевъ умѣлъ Иоаннъ держать въ повиновеніи, понимая, какую силу придастъ ему господство въ Новѣгородѣ и какъ прибыльно можетъ быть для его *калиты*. За каждый мятежъ, за каждое неповиновеніе своей власти возвергалъ онъ сильный гнѣвъ на Новгородцевъ, требовалъ отъ нихъ серебра Закамскаго; не получая его, бралъ въ залогъ цѣлые города (Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ), и ни посольство, составленное изъ самого Владыки, Духовенства и лучшихъ бояръ, ни предлагаемые 500 р. серебромъ не могли убѣдить Иоанна, чтобы онъ «свободы ся отступилъ по крестному цѣлованію и миръ взялъ» ¹⁸³).

Новгородцы очевидно дорожили его миромъ. Впрочемъ, Иоаннъ умѣлъ и награждать ихъ, когда они были покорны. Владыка ихъ Василиій, посадникъ и тысяцкіе были неоднократно честимы на Москвѣ ¹⁸⁴). Вообще же замѣтимъ, хотя Иоаннъ и цѣловалъ крестъ къ Новугороду, по старой пошлинѣ Новгородской и по Ярославовымъ грамотамъ, но господствовалъ въ немъ гораздо неограниченнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ. Такъ въ 1339 году онъ, сверхъ ордынскаго выхода, уплаченнаго ему сполна, хотѣлъ взять еще запросъ Царевъ, а когда Новгородцы объявили, что «того у нихъ не бывало и отъ начала міру» ¹⁸⁵), — вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Новагорода, и по словамъ лѣтописи: «не бѣ ему мира съ Новымгородомъ» ¹⁸⁶). Но не ему, а Симеону суждено было

---

¹⁸²) Ник. Л. III. 171. ¹⁸³) П. С. Р. Л. III. 77. ¹⁸⁴) *ibid.* ¹⁸⁵) *ibid.* 79. ¹⁸⁶) *ibid.*

наказать Новгородъ за этотъ дерзкій отвѣтъ. Даже отдаленная страна Печерская, зависѣвшая отъ Новгорода, находилась въ вѣденіи мужа, избраннаго Иоанномъ, какого-то Михайла ¹⁸⁷⁾.

Иоаннъ, прозванный современниками Калитою, вѣроятно и потому, что не забывалъ своей *калиты* при сборѣ ордынскаго выхода съ Князей и народа, первый рѣшился принять титулъ *Великаго Князя всея Руси*. Въ его жалованной грамотѣ Печерскимъ сокольникамъ читаемъ: «Се *язь Князь Велики Иванъ Даниловичъ всея Руси* пожаловалъ есмь соколниковъ Печерскихъ, кто ходитъ на Печеру и. т. д.» ¹⁸⁸⁾.

Однимъ словомъ, Иоаннъ имѣлъ въ рукахъ своихъ такую власть, о какой не помышляли до сихъ поръ ни одинъ изъ Князей Великихъ. Но онъ хотѣлъ утвердить ее за своимъ домомъ, хотѣлъ сдѣлать Великокняжеское достоинство наслѣдственнымъ въ немъ и хорошо понималъ, что на одномъ благоволеніи Хановъ нельзя основывать эту надежду. Какъ непостоянна и непрочна казалась ему милость Узбека, видимъ изъ того, что духовное завѣщаніе 1328 года писалъ онъ, «*ида въ Орду*» ¹⁸⁹⁾ т. е. опасаясь найти тамъ гнѣвъ, а не милость. И потому онъ старался найти внутри самой Россіи опору болѣе прочную, опору нравственную, и онъ нашелъ ее, *буквально говоря*, въ самой Москвѣ.

За два года до вступленія своего на престолъ Владимірскій убѣдилъ онъ Святителя Петра переѣхать изъ Владиміра, гдѣ обыкновенно жили Митрополиты со временъ Святителя Максима, въ Москву. Св. Петръ охотно согласился, полюбилъ искренно и Москву, и ея Князя, и предрекъ ей славную будущность словами: «Градъ сей сла-

¹⁸⁷⁾ Акты Арх. Экспедиціи. I. № 2. ¹⁸⁸⁾ *ibid.* № 3. ¹⁸⁹⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 21.

«венъ будетъ во всѣхъ градахъ русскихъ, и въздутъ руки «его на плеча врагъ его, и прославится Богъ въ «немъ»¹⁹⁰⁾. Преемники Св. Петра, слѣдуя его примѣру, основали въ Москвѣ свою Митрополию, а Иоаннъ, въ послѣдствіи, въ 1328 году, сдѣлалъ ее столицей Великаго Княженія.

А чтобы показать, какая связь существуетъ между возвышеніемъ, первенствомъ Москвы и учрежденіемъ въ ней Митрополи, обратимся къ значенію Духовенства въ нашемъ отечествѣ, особенно въ то время.

Духовенство въ нашемъ отечествѣ всегда пользовалось и до нынѣ пользуется высокимъ уваженіемъ.

Вспомнимъ, какія огромныя права даровалъ ему Св. Владиміръ своимъ уставомъ о Церковныхъ десятинахъ, судѣ, мѣрилахъ и проч., гдѣ сказано: «А по семъ не «надобѣ вступатися ни дѣтемъ моимъ, ни вноучатомъ «ни всему родоу моему до вѣка ни въ люди церковныѣ, «ни во всѣ соуды ихъ» и далѣе: «своимъ тиоуномъ приказываю церковнаго суда не «бидѣти, ни соудити «безъ владычна намѣстника. Аже кто преѣбидитъ нашъ «оуставъ, таковымъ непрошенымъ быти (Ѹ закона бо «жива и горе собѣ наслѣдуютъ»¹⁹¹⁾. Вспомнимъ, какъ Изяславъ Ярославичъ, узнавъ о святомъ житіи Антонія Печерскаго, основателя въ Россіи перваго монастыря, приходилъ къ нему съ дружиною испрашивать его благословенія и святыхъ молитвъ¹⁹²⁾, какъ Владиміръ Мономахъ чтить Митрополита Никифора и, по его ходатайству, остановилъ мечъ свой, уже подъятый на вѣроломнаго Святополка, виновнаго въ ослѣпленіи Василька Ростиславича¹⁹³⁾; вспомнимъ наконецъ, какъ часто гласъ пастырей останавливалъ кровавыя междоусобія.

¹⁹⁰⁾ Ник. Л. III. 135. ¹⁹¹⁾ Допол. къ Акт. Истор. I. № 1. ¹⁹²⁾ Ник. Л. I. 144. ¹⁹³⁾ *ibid.* II. 24—25.

Съ порабощеніемъ Россіи Татарами, авторитетъ Духовенства еще болѣе увеличился; потому что сами завоеватели покровительствовали ему и даровали различныя льготы, оградивъ его безопасность своими ярлыками.

Всѣ Ханы Татарскіе, вступая на престоль, обыкновенно утверждали новыми ярлыками права, дарованныя Духовенству ихъ предшественниками. Вотъ содержаніе этихъ ярлыковъ въ нѣсколькихъ словахъ:

Прежде всего, призвавъ имя вышняго и безсмертнаго Бога, Царь (т. е. Ханъ) объявлялъ всѣмъ своимъ подданнымъ, начиная отъ Князей и до послѣднихъ пошлинниковъ, что онъ жалуеъ Русскихъ Митрополитовъ и Церковныхъ людей своею грамотою подобно первымъ Царямъ, не изыначевая ихъ грамотъ, и не требуетъ отъ нихъ ни какой пошрины, ни Царевой, ни Царицыной, ни Князя, ни рядцевъ, ни дороги¹⁹⁴), ни посла, ни которыхъ пошлинниковъ, и запрещаетъ всѣмъ своимъ людямъ отнимать у нихъ что либо или хулить ихъ Вѣру, грозя неумолимымъ гнѣвомъ («тотъ ничимъ не извиница») и злою смертю¹⁹⁵). «Все это, говорили они, мы «жалуемъ, да Богъ насъ пожалуетъ, заступитъ, а мы «Бжія брежемъ и даннаго Богу не взимаемъ; а кто «взываетъ Бжія и тотъ будетъ Бгу повиненъ и гнѣвъ «Бжій на него же бѣдетъ, а отъ насъ бѣдетъ каженъ «смертною казнию»¹⁹⁶). Кромѣ того этими ярлыками Ханы даровали Митрополитамъ право безотчетнаго суда Церковнаго, накрѣпко запретивъ всѣмъ Князьямъ своего Царства и своихъ странъ и своихъ улусовъ вступаться

¹⁹⁴) Собр. Гос. Гр. и Д. II. № 2. Ярлыкъ Менгу Тимура Россійскимъ Митрополитамъ и священнослужителямъ. — О Монгольскихъ чиновникахъ см. статью г. Бѣляева, въ Архивѣ Историко-Юридическихъ свѣдѣній о Россіи, Калачова, отд. I. стр. 97 — 110. ¹⁹⁵) Ярлыкъ Менгу-Тимура.

¹⁹⁶) Собр. Гос. Гр. и Д. II. № 7. Ярлыкъ Узбека Митрополиту Петру.

въ какія либо дѣла Церкви¹⁹⁷⁾. «Они желали, какъ и «сами говорятъ, доставить Митрополиту тихое и кроткое «житіе, да правымъ сердцемъ и правою мыслію молятъ «Бга за нихъ, за ихъ женъ, дѣтей и за все ихъ «племя»¹⁹⁸⁾.

Понятно, что при такихъ правахъ Духовенство должно было еще болѣе возвыситься въ глазахъ современниковъ. Князья уважали ихъ мнѣнія и нерѣдко мирились подъ ихъ вліяніемъ. Стоитъ вспомнить имена Симеона Епископа Владимірскаго¹⁹⁹⁾, Петра Митрополита Кіевскаго²⁰⁰⁾, Прохора Епископа Ростовскаго²⁰¹⁾ и другихъ. Князья понимали силу Духовенства, но ни одинъ не умѣлъ обратить ее въ свою пользу. Іоаннъ Калита первый взялся за эту мысль. Сдѣлавшись Княземъ Московскимъ, по смерти Георгія, онъ склонилъ Митрополита Петра переселиться изъ Владиміра въ Москву. Простодушный лѣтописецъ рассказываетъ, что Митрополитъ Петръ пришелъ въ Москву, такъ сказать, нечаянно, проходя другіе мѣста и грады, и, полюбивъ благочестиваго Іоанна, сіяющаго православіемъ, украшеннаго всѣми добродѣтелями, милостиваго къ нищимъ, воздающаго должную честь святымъ Божиимъ церквамъ и ихъ служителямъ, и прилежнаго къ Божественному писанію, началъ съ тѣхъ поръ жить въ градѣ томъ больше, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ²⁰²⁾. Нѣтъ, мы не можемъ согласиться съ недалновиднымъ лѣтописцемъ и еще разъ утверждаемъ, что перенесеніе Митрополичьяго стола изъ Владиміра въ Москву было дѣломъ Іоанна Калиты; ибо нельзя считать случайнымъ того, что является въ видѣ правильномъ и стройномъ; а изъ этого союза власти духовной со свѣтскою вытекло въ послѣдствіи для Князей Московскихъ

¹⁹⁷⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. II. № 7. Ярлыкъ Узбека Митрополиту Петру.
¹⁹⁸⁾ *ibid.* 199) Ник. Л III. 94. ²⁰⁰⁾ *ibid.* 106. ²⁰¹⁾ *ibid.* 123. ²⁰²⁾ *ibid.* 135.

столько естественныхъ выгодъ, что трудно допустить здѣсь случай, а не расчетъ.

Присутствіе въ Москвѣ Митрополита возвысило ее въ глазахъ народа. Св. Петръ, желая еще болѣе поднять юный городъ, убѣдилъ Іоанна заложить въ немъ храмъ Успенія Божіей Матери, въ которомъ заповѣдалъ похоронить и свои кости²⁰³).

Но, къ сожалѣнію, смерть похитила Митрополита Петра слишкомъ рано для Москвы. Онъ умеръ 20 Декабря 1326 года, оставляя милость, миръ и благословеніе возлюбленному своему сыну Іоанну и сѣмени его до вѣка²⁰⁴). Преемникъ его Митрополитъ Феогностъ, утвердивъ свой престолъ также въ Москвѣ, ревностно поддерживалъ Іоанна, чему разительный примѣръ мы видѣли въ отлученіи имъ Пскова отъ Церкви, отлученіи, сдѣланномъ по настоянію Іоанна. Феогностъ былъ тѣмъ лучшимъ помощникомъ его, что пользовался милостью Хана. Доказательство находимъ въ ярлыкѣ Царицы Тайдулы, супруги Чанибека (Джанибека)²⁰⁵). Благодарный Духовенству за его дѣятельное содѣйствіе во всѣхъ его планахъ, Калита самъ ревностно заботился объ устройствѣ и благолѣпін церквей.

Онъ украсилъ Москву храмами Успенія Богоматери, Іоанна Лѣствичника, поклоненія честныхъ веригъ Св. Апостола Петра, 1329 г.²⁰⁶), Св. Спаса Преображенія²⁰⁷), Св. Архангела Михаила на площади (Кремлевской) внутри града²⁰⁸). Присутствіе Митрополита и созданіе храмовъ въ Москвѣ возвысили ея блескъ.

Народъ начиналъ смотрѣть на нее какъ на градъ богоспасаемый и привыкалъ видѣть въ ея Князѣ главу всѣхъ

²⁰³) Ник. Л. III. 135. ²⁰⁴) *ibid.* 137. ²⁰⁵) Собр. Гос. Гр. и Д. Н. № 9.

²⁰⁶) Ник. Л. III. 151. и П. С. Р. Л. IV. 51. ²⁰⁷) Ник. III. 154—156.

²⁰⁸) *ibid.* 160. См. также Ист. Гос. Рос. Карамзина, изд. Эйперл. IV. 148.

Князей. Но Иоаннъ чувствовалъ, что ничтожность его родовой отчины можетъ еще служить Москвѣ препятствіемъ къ достиженію первенства прочнаго, а потому и старался увеличить ее прикупкой сель и волостей у лицъ духовныхъ и частныхъ — во Владимірѣ, въ Костромѣ, въ Юрьевѣ, даже въ Новѣгородѣ, вопреки оговоркѣ, встрѣчающейся обыкновенно во всѣхъ договорныхъ грамотахъ съ Новымгородомъ: «а Новгородскихъ сель ни «держати, ни купити, ни даромъ пріимати»²⁰⁹).

Сличая два духовныхъ завѣщанія Иоанна, изъ коихъ первое писано имъ въ 1328 г., при отправленіи въ Орду, а второе передъ смертью, мы можемъ сказать, чѣмъ владѣлъ Иоаннъ въ 1328 г. и что оставлялъ дѣтямъ въ 1340²¹⁰). Въ 12-лѣтнее свое Княженіе Иоаннъ успѣлъ прикупить и вымѣнять довольно много сель, какъ напр. Аваковское, Борисовское, Мѣловское и нѣкоторыя другія. Вѣроятно и города: Руза, Звенигородъ, Перемышль и Серпуховъ были его пріобрѣтеніями; такъ какъ Георгіи, сколько извѣстно, пріобрѣлъ только Можайскъ да Коломну. Иоаннъ скупалъ у мелкихъ Князьковъ даже цѣлыя города и, оставляя управленіе ими ихъ родовымъ владѣтелямъ, самъ владѣлъ ими на правахъ неполной собственности, т. е., вѣроятно, довольствуясь опредѣленнымъ доходомъ. Онъ даже не смѣлъ упомянуть объ нихъ въ завѣщаніи. Такъ Дмитрій Донской, окончательно присоединившій эти города или правильнѣе удѣлы къ Москвѣ, называетъ въ своей духовной грамотѣ Галичъ, Угличъ и Бѣлоозеро куплей дѣда своего²¹¹). Такъ Василій Дмитріевичъ называетъ въ своемъ завѣщаніи Кистью въ (Бѣжецкомъ Верхѣ) куплей прадѣда своего²¹²).

²⁰⁹) Собр. Гос. Гр. и Д. I. Новгородскія Грамоты. № 1—20 ²¹⁰) *ibid.* I. № 21 и 22. ²¹¹) *ibid.* № 34. ²¹²) *ibid.* № 41.

Раздѣлъ между дѣтьми своими, Симеономъ, Иоанномъ и Андреѣмъ, Калита произвелъ слѣдующимъ образомъ :

Симеонъ получилъ: Можайскъ, Коломну со всѣми волостями, Городенку, Мезыню, Песочну, Похряне, Устьмерьску, Брошевую, Гвоздну, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Гжелю, Горѣтову, Горки и многія села.

Иоаннъ — Звенигородъ, Кремичну, Рузу, Фоминоское Суходоль, Угожь, Ростовци, Тростну, Негучу и нѣкоторыя слободы и села.

Андрей — Серпуховъ, Лопастну, Сѣверьску, Нивну, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Тухачевъ и села.

Княгиня Иоаннова получила особый удѣлъ и часть городскихъ доходовъ ²¹³).

Но замѣчательно, что *Москвы* Иоаннъ не предоставилъ которому нибудь одному изъ своихъ сыновей, а *всѣмъ вмѣстѣ*. «*Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву*», говоритъ онъ въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ. Этимъ, кажется, хотѣлъ онъ достигнуть двухъ высокихъ цѣлей: 1) *сохраненія единства Московскаго Княжества* и 2) *упроченія первенства Москвы*. — Постараемся разяснить нашу мысль.

Еслибы раздѣлъ отчины Иоанновой былъ произведенъ имъ такъ, что каждый изъ его дѣтей могъ основать новое, совершенно отдѣльное и независимое Княжество, то естественная связь между дѣтьми его ослабла бы; они разошлись бы, такъ сказать, въ разныя стороны, давъ начало новымъ удѣламъ, и, можетъ быть, возобновили бы старыя междоусобія. Напротивъ, еслибы Иоаннъ лишилъ младшихъ сыновей удѣловъ, то оскорбилъ бы тѣмъ понятія вѣка. Предвидя то и другое, онъ рѣшился соединить ихъ интересы и для того отдалъ имъ Москву въ общее владѣніе, завѣщавъ старшему сыну Симеону «быть

²¹³) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 21 п 22.

«начальникомъ по Бозѣ своей Княгинѣ съ меньшими «дѣтьми»²¹⁴⁾. Эта мѣра, хотя и можетъ показаться странною и опасною въ томъ отношеніи, что легко могла произвести раздоръ между братьями, принесла однако желаемую пользу. Князья Московскіе, имѣя каждый свой жребіи на Москвѣ, жили мирно, дѣйствовали всегда заодно и потому, не только не разстроили плановъ отца, но и развили и привели многіе изъ нихъ въ исполненіе.

Другая цѣль Іоанна была, какъ мы сказали, упрочить первенство и возвышеніе Москвы, и вотъ какимъ образомъ.

У Калиты было три сына; всѣ они, наравнѣ съ отцемъ, пользовались милостію Ханскою; слѣдовательно, онъ могъ быть увѣренъ, что достоинство Великокняжеское — которымъ неограниченно располагали наслѣдники Чингиса — останется за его родомъ; но Ханъ могъ предоставить Великое Княженіе не тому изъ сыновей его, который владѣлъ Москвою (ибо и самая молодость Іоанна — 14 лѣтъ — и Андрея — 13 лѣтъ — не ограничивала права выбора Ханскаго), и тогда слава, минутно озарившая ее, померкла бы можетъ быть на вѣки. Москва по прежнему осталась бы главою бѣднаго, ничтожнаго удѣла. Іоаннъ съ прискорбіемъ долженъ былъ предвидѣть *возможность* такой участи своей возлюбленной Москвы. Но, съ своимъ дальновиднымъ, расчетливымъ, изобрѣтательнымъ умомъ, онъ нашелъ средство отклонить эту опасность, грозившую Москвѣ. Назначая каждому изъ сыновей своихъ равную часть въ Москвѣ, онъ достигалъ того, что Москва, при утвержденіи за его родомъ Великокняжескаго достоинства, должна была возвыситься неминуемо. Принадлежа равно всѣмъ Князьямъ Московскаго дома, она постоянно должна была оставаться столицей Великаго Княжества; потому что который бы

²¹⁴⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 22.

Князь изъ рода Калиты ни былъ избранъ Ханомъ на престолъ Владимірскій, онъ непремѣнно былъ *Московскій Князь*.

Преемники Иоанна поддержали этотъ планъ его и совершенно шли по стопамъ его. Москва, до самыхъ временъ Иоанна IV, находилась въ общемъ владѣніи многихъ Князей. Такъ Иоаннъ II писалъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи: «Приказываю отчину свою Москву сыномъ своимъ Князю Дмитрію и Князю Ивану, а братаничу моему Князю Володимеру на Москвѣ въ намѣстничествѣ треть и въ тамзѣ, «въ мытѣхъ и въ пошлинахъ городскихъ треть, что по-стягло къ городу»²¹⁵). Такъ Дмитрій Донской писалъ въ своей духовной грамотѣ: «А приказываю отчину свою «Москву дѣтемъ своимъ, Князю Василью, Князю Юрью, «Князю Андрѣю, Князю Петру; а братъ мой Князь Володимеръ вѣдаетъ *свою* треть»²¹⁶). Замѣтимъ здѣсь, что Москва съ тѣхъ поръ постоянно дѣлилась на 3 жребія: одинъ Великаго Князя, другой потомковъ Владиміра Андреевича, третій дѣтей и внуковъ Дмитрія Донскаго. Съ размноженіемъ Князей число жребіевъ не увеличивалось, но нѣсколько Князей получали одинъ жребій и пользовались имъ *погодно*. Такъ напр. 5 сыновей Владиміра Андреевича получили на этомъ основаніи всѣ одинъ его жребій²¹⁷). Даже Иоаннъ III не рѣшился уничтожить этотъ обычай, въ которомъ могъ видѣть остатокъ ненавистныхъ ему удѣльныхъ понятій, и сохранилъ существованіе жребіевъ въ Москвѣ, сдѣлавъ въ своемъ завѣщаніи на счетъ ихъ особое распоряженіе²¹⁸).

²¹⁵) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 25 и 26. ²¹⁶) *ibid.* № 34. ²¹⁷) *ibid.* № 40. ²¹⁸) *ibid.* № 144.

СИМЕОНЪ ІОАННОВИЧЪ ГОРДЫЙ.

Іоаннъ Калита не даромъ ласкалъ всю жизнь свою Хана : Узбекъ , по смерти его, не затруднился наградить Великимъ Княженіемъ старшаго сына его Симеона и дать подъ его руку всѣхъ Князей Русскихъ ²¹⁹). Но, какъ только Чанибекъ , по смерти отца своего Узбека, умертвивъ родныхъ братьевъ, воцарился въ Ордѣ и во всѣхъ ея улусахъ, къ нему явились съ поклономъ Князя Константинъ Суздальскій и Константинъ Тверскій, вѣроятно надѣясь при его содѣйствіи отнять у Симеона В. Княжескій престолъ. Но въ слѣдъ за ними прибылъ въ Орду и самъ Симеонъ вмѣстѣ съ лучшимъ совѣтникомъ, скажемъ сподвижникомъ отца, Митрополитомъ Теогностомъ ²²⁰).

Владѣя богатой казной, собранной еще отцемъ его, только что взявши обильную дань съ Новагорода, естественно, онъ могъ сыпать въ Ордѣ золотомъ легче нежели его соперники, особенно Князь Тверскій, который наследовалъ отъ братьевъ удѣлъ, разоренный и Татарами и Князьями Московскими.

Корыстолюбивый Чанибекъ, и съ Митрополита не постыдившійся взять 600 р., очевидно долженъ былъ предпочесть Симеона всѣмъ его соперникамъ. Дѣйствительно, онъ отпустилъ его съ честью и пожалованіемъ, давъ ярлыки свои и всему Духовенству.

Симеонъ, для поддержанія добрыхъ сношеній съ Ордою, ходилъ въ послѣдствіи къ Царю еще два раза и каждый возвращался съ великою честью. Довѣріе къ нему Хана было такъ велико, что когда Олгердъ прислалъ въ Орду брата своего Кориада просить помощи

²¹⁹) Воскр. Лѣт. II. 311—312. ²²⁰) Ник. Лѣт. III. 178 и 179.

противъ Московскаго Князя, Чанибекъ безъ труда повѣрилъ киличямъ (посламъ) В. Князя: Θεодору Глѣбовичу, Θεодору Шубачееву и Амнию, что Олгердъ опустошаетъ улусъ Царевъ, и не только не исполнилъ его просьбы, но и все Литовское посольство препроводилъ въ Москву съ Царевичемъ Тотуемъ²²¹).

И такъ, Симеонъ по отношенію къ Ордѣ поддерживалъ тонкую политику отца: по прежнему усыплялъ Хаповъ золотомъ, и Русь пользовалась при немъ тишиною.

Внутри Россіи онъ дѣятельно заботился о возвышеніи своей власти. Первымъ дѣломъ его, по вступленіи на престолъ, было обязать братьевъ «у гроба отца» крестнымъ цѣлованіемъ: быть имъ всѣмъ между собою за единъ до живота и безобидно владѣть каждому своимъ удѣломъ²²²). Симеонъ именовалъ себя въ этой грамотѣ, подобно отцу, *Великимъ Княземъ всея Руси*. — Другихъ Князей удѣльныхъ онъ также умѣлъ привести подъ свою руку и заставить уважать себя. Князя Суздальскіи, Ростовскіи и Ярославскіи, по первому требованію его, съѣзжались въ Москву и выводили въ поле рать противъ Новгорода (1340). Предпочтеніе, оказанное Симеону Чанибекомъ, еще болѣе убѣдило ихъ въ необходимости покоряться его волѣ. Такъ, по смерти первой супруги своей Анастасіи, Княжны Литовской, онъ женился на дочери Князя Смоленскаго, Θεодора Святославича, Евпраксін (1343)²²³, а черезъ два года отослалъ ее къ отцу²²⁴) и въ слѣдъ за тѣмъ женился въ третій разъ на Княжнѣ Тверской, Маріи Александровнѣ. И Князь Смоленскіи не смѣлъ, да и не могъ по своей слабости, думать объ отмщеніи. Напротивъ, Смоленскъ же въ по-

²²¹) Ник. Л. III. 187. ²²²) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 23. ²²³) Ник. Л. III. 181. ²²⁴) *ibid.* 183.

слѣдствіи навлекъ на себя чѣмъ-то гнѣвъ Князя Московскаго и только скорымъ изъявленіемъ покорности отвратилъ, уже грозившую ему, опасность²²⁵⁾.

Словомъ, не было Князя, который бы могъ и смѣлъ ему противиться.

Въ самой Литвѣ, при дворѣ сильнаго Олгерда, имя Симеона произносилось съ почтеніемъ.

Убѣдившись въ его могуществѣ послѣ двукратной попытки повредить ему, въ первый разъ завоеваніемъ Смоленскому Князю Можайска, во второй вооруженіемъ всей Орды, Олгердъ сталъ искать его союза. Въ 1348 году пріѣзжали въ Москву послы Литовскіе просить мира и живота Князю Кориадю и его свитѣ²²⁶⁾. Въ 1351 году, когда Симеонъ въ походѣ Смоленскомъ стоялъ у Вышгорода на Поротвѣ, также явились къ нему со многими дарами послы Олгердовы для подкрѣпленія мира²²⁷⁾. Къ нему же обращались Литовскіе Князья, какъ къ главѣ обширнаго дома Русскихъ Князей, прося руки, Любарть Гедиминовичъ Волинскій — Княжны Ростовской, а самъ Олгердъ — Княжны Тверской, Іуліяніи Александровны²²⁸⁾. При Московскомъ дворѣ находили себѣ убѣжище всѣ Князья обиженные, какъ Наримундъ, гоимый братьями Олгердомъ и Кейстутомъ, какъ Всеволодъ Александровичъ Холмскій, тѣснимый Княземъ Тверскимъ Константиномъ Михайловичемъ. Короче: Симеонъ имѣлъ такой огромный авторитетъ на Руси и такъ искусно умѣлъ имъ пользоваться, что титулъ *Великаго Князя всея Руси* и прозваніе *Гордаго* пришлись ему совершенно по праву. Покорствовалъ ему и самъ строптивый, Великій Новгородъ.

²²⁵⁾ Ц. С. Р. Л. IV. 60. ²²⁶⁾ Нпк. Л. III. 187. ²²⁷⁾ Ц. С. Р. Л. IV. 60. ²²⁸⁾ Нпк. Л. III. 192.

Недовольные тѣмъ, что Симеонъ въ первый годъ своего Княженія прислалъ собирать дань съ Торжка, Новгородцы дерзнули было захватить его намѣстниковъ и даже, чрезъ посла своего, Кузму Тверделаваля, велѣли сказать ему: «еще у насъ не у сѣде на Княженіи, а уже «бояре твои дѣють силно»²²⁹); но, устрашенные грозными полками Князя Московскаго и его союзниковъ, спѣшили чрезъ Владыку своего Василя, тысяцкаго и многихъ бояръ, особенно же чрезъ ходатайство Митрополита Теогиоста, склонить В. Князя на заключеніе мира по старымъ грамотамъ, на всей волѣ Новгородской, предоставивъ взять *черный боръ* со всей земли, да съ Новоторжцевъ 1000 р.²³⁰). Этотъ единственный опытъ убѣдилъ Новгородцевъ въ необходимости мира съ Симеономъ.

У Симеона было 6 человекъ дѣтей, по четверо изъ нихъ: Василий, Константинъ, Михайлъ и Даниль умерли прежде, а двое, Симеонъ и Иоаннъ, въ одинъ годъ съ отцемъ и на одной недѣлѣ съ Митрополитомъ Теогиостомъ т. е. въ Мартѣ 1353 года²³¹). За ними скоро послѣдовалъ и Князь Андрей Иоанновичъ. Надо полагать, что такое несчастіе въ Княжескомъ семействѣ произошло въ слѣдствіе черной смерти, которая свирѣпствовала тогда съ ужасной силой по всей Россіи и, по словамъ лѣтописца, «не взирая на сана свѣтлость на всѣхъ вынизала многоядные свои зубы»²³²). Но какъ ни гибельна была для Россіи эта язва, она спасла Московское Княжество до времени отъ раздробленія; въ семействѣ Княжескомъ осталось только два лица въ живыхъ: братъ Симеоновъ, Иоаннъ, который и принялъ всю власть, и племянникъ ихъ, поворожденный младенецъ, Владиміръ.

Впрочемъ, Симеонъ, постригшійся въ монахи, подъ

²²⁹) Н. С. Р. Л. III. 80. ²³⁰) Нин. Л. III. 173. ²³¹) *ibid.* 201. ²³²) П. С. Р. Л. IV. 61.

именемъ Созонта, предъ самой смертию, назначилъ себѣ наслѣдницею, по духовному завѣщанію, третью супругу свою Марію, отказавъ ей и свой родовой удѣлъ и всѣ приобрѣтенія, куда относятся нѣкоторыя волости и села, подаренныя ему или купленныя у разныхъ Князей и въ разныхъ областяхъ. Опеку надъ Княгиней и своимъ имѣніемъ предоставилъ онъ братьямъ, Іоанну и Андрею ²³³).

КНЯЖЕНІЕ

ІОАННА ІОАННОВИЧА.

Іоаннъ Іоанновичъ далеко уступалъ Симеону въ способностяхъ государственныхъ, не имѣлъ ни его твердости и дѣятельности, ни умѣнья подчинять себѣ все окружающее. Онъ отличался многими добродѣтелями; по выраженію лѣтописи, былъ кротокъ, тихъ и милосердъ ²³⁴): но при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, когда могущество Москвы не было упрочено, нуженъ былъ или умъ Калиты, или твердость Симеона. Впрочемъ, какъ ни старался Князь Суздальскій Константинъ, подкрѣпляемый Новгородскимъ посломъ Судаковымъ, выходитъ себѣ у Чалибека грамоту на Великое Княженіе, престолъ Владимірскій остался за Іоанномъ, благодаря уму бояръ Московскихъ и золоту ²³⁵).

Іоаннъ вѣроятно разстроилъ бы совершенно всѣ планы своихъ предшественниковъ, столь хорошо ими обдуманые, еслибы не нашелъ мудраго руководителя въ новопоставленномъ Митрополитѣ Алексѣѣ, «слушать» котораго заповѣдалъ ему въ своемъ духовномъ завѣщаніи и братъ Симеонъ ²³⁶).

²³³) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 24. ²³⁴) Ник. Л. III. 212. ²³⁵) *ibid.* 202 и 203 ²³⁶) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 24.

Слабость Іоанна обнаруживалась во всемъ. Междоусобія и несогласія Князей, затихшія почти на все время Княженіи Калиты и Симеона Гордаго, возобновились съ прежнею силою. Князья Муромскіе, Юрій Ярославичъ и Ѳеодоръ Глѣбовичъ, въ началѣ, Князья Тверскіе, Всеволодъ Александровичъ (Холмскій) и Василій Михайловичъ, во все остальное время, вели ожесточенную брань, не рѣдко искали Ханскаго суда и напомнили времена Михаила Тверскаго и Георгія Московскаго ²³⁷).

Даже голось Митрополита Алексѣя не могъ смирять Князей. Новгородъ пребывалъ съ Іоанномъ цѣлыхъ полтара года не въ миру. Наконецъ, и въ самой Москвѣ происходили событія, изобличавшія безсиліе Правительства. Въ 1355 г., въ одно утро, на площади было найдено тѣло Московскаго тысяцкаго Алексѣя Петровича, убитаго неизвѣстно кѣмъ. Говорили, что то было дѣломъ зависти нѣкоторыхъ бояръ, и скорый отъѣздъ знатнѣйшихъ изъ нихъ въ Рязань далъ поводъ къ большому утверженію въ этой мысли ²³⁸). Нѣтъ сомнѣнія, что слабость Іоанна было одна виной всѣхъ неустройствъ. Наконецъ, и самая Орда, видя безсиліе Іоанново, начала тѣснить Русь по прежнему, и Князья Русскіе терпѣли великую истому отъ посла Царева Кошака ²³⁹), особенно когда умеръ «добрый» Чанибекъ. Единственнымъ щитомъ Руси служилъ тогда Св. Алексѣй Митрополитъ, свидѣтель кровавыхъ сценъ, которыя открылись въ Орлѣ по воцареніи Бердибека. Съ этихъ поръ начинаютъ раздирать Орду внутреннія неустройства, и головы Хановъ падаютъ одна за другою.

Іоансъ Іоанновичъ умеръ въ 1358 году, назначивъ по духовному завѣщанію отчину свою Москву дѣтямъ сво-

²³⁷) Ник. Л. III. 205, 208, 210, 211. ²³⁸) *ibid.* 207 и 208. ²³⁹) П. С. Р. Л. IV. 63.

имъ Дмитрію и Іоанну и братаничу (племяннику) Владиміру Андреевичу; раздѣлъ же учинилъ такъ, что Дмитрію предоставилъ Можайскъ и Коломну съ селами, а по смерти В. Княгини Маріи Александровны, супруги Симеона, и весь ея удѣлъ, предоставленный ей духовнымъ завѣщаніемъ Симеона Гордаго; Іоанну же отдалъ свой собственный родовый участокъ ²⁴⁰).

КНЯЖЕНІЕ

ДИМИТРІЯ ІОАННОВИЧА ДОНСКАГО.

Ханъ Наурусъ отдалъ, по смерти Іоанна Іоанновича, Великое Княженіе Дмитрію Константиновичу Суздальскому. Но какъ сильно уже укоренилось въ то время понятіе объ исключительномъ правѣ Московскихъ Князей на Великокняжескій престолъ, видимъ изъ словъ лѣтописца: «даде Великое Княженіе Володимерское Князю «Дмитрію Константиновичу Суздальскому не по отчичѣ, не по дѣдинѣ» ²⁴¹). Впрочемъ торжество Суздаля было минутное. Митрополитъ Алексѣй и бояре Московскіе, вышедшіе изъ школы Іоанна Калиты и Симеона Гордаго, бодрствовали надъ 9-лѣтнимъ Княземъ Московскимъ и рѣшились объявить въ Ордѣ его права на престолъ В. Княжескій, какъ только не стало Науруса и Хидыря, покровителей Дмитрія Константиновича. Успѣхъ былъ тѣмъ вѣрнѣе, что Орда раздѣлилась, и одновременно явилось два Хана: Авдулъ, обязанный всѣмъ темнику Мамаю, и Муратъ (или Мурутъ). Князь Суздальскій не хотѣлъ уступать; но дѣятельные, настойчивые килічей Московскіе восторжествовали надъ нимъ и вынесли своему Князю отъ Царя Мурата Великое Княженіе по от-

²⁴⁰) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 25, 26. ²⁴¹) Ник. Л. III. 215.

чинѣ и по дѣдинѣ ²⁴²). Князь Суздальскіи былъ принужденъ бѣжать сначала въ Переяславль, а потомъ въ Суздаль. Нельзя не согласиться, что эта твердость бояръ Московскихъ упрочила первенство Москвы. Но если въ этомъ случаѣ они дѣйствовали болѣе для сохраненія своихъ личныхъ выгодъ, неразрывно связанныхъ съ господствомъ и первенствомъ фамиліи Калиты, за то по возведеніи Димитрія на престолъ были постоянно одушевлены однимъ желаніемъ блага Москвѣ и оказали ей услугу незабвенную, давъ новое направленіе Московской политикѣ. Хотя лѣтописецъ и говоритъ, что Димитрій былъ юнъ годами, но старѣ всѣхъ Князей разумомъ и бодростью ²⁴³); однако трудно согласиться, что первыя дѣла его Княженія, запечатлѣнныя такою твердостью и рѣшительностью, принадлежали ему самому, слабому ребенку, а не его мудрымъ совѣтникамъ. Дѣло въ томъ, что Муратъ, узнавъ объ изъявленіи Димитрію Іоанновичу согласія и своего соперника, Хана Авдула, признать его въ достоинствѣ Великокняжескомъ, и подстрекаемый Княземъ Бѣлозерскимъ Іоанномъ, рѣшился на зло врагу отправить посла своего Иляка съ ярлыками на Великое Княженіе къ Князю Суздальскому, Обрадованный Димитрій Константиновичъ поспѣшилъ во Владиміръ, но не прошло и 12 дней, какъ подъ его стѣнами явилась сильная рать Московская, предводимая конечно боярами, прогнала Князя Суздальскаго въ его родовую отчину, и Князь Московскіи «взялъ надъ нимъ свою волю» ²⁴⁴). Туже участь испыталъ и Константинъ Ростовскіи. Князя Галицкіи и Стародубскіи принуждены были даже уступить совершенно свои удѣлы В. Князю ²⁴⁵). «Тогда вси Князи, «говоритъ лѣтопись, отъѣхаша въ Новгородъ нижнии ко

²⁴²) П. С. Р. Л. IV. 64. 4-я Новгород. Л. 243) Ник. Л. IV. 3. ²⁴⁴) *ibid.* 5

²⁴⁵) *ibid.*

«Князю Дмитрію Константиновичю, скорбяще о Княже-
«шихъ своихъ»²⁴⁶).

Эта первая, явная попытка ослабить удѣльную систему всего лучше доказываетъ умъ и бояръ Московскихъ, и самого Князя. Они поняли, что пора дѣйствовать смѣло и рѣшительно. Мысль о единой державѣ, смутно представлявшаяся Калитѣ и Симеону, представилась боярамъ Московскимъ во всей своей ясности, и имъ не трудно было убѣдить Дмитрія постановить себѣ задачею всего Княженія: сокрушеніе удѣловъ слабыхъ, возможное ослабленіе болѣе сильныхъ.

Самымъ ревностнымъ сподвижникомъ Дмитрія во всю его жизнь, правою рукою его былъ двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ. Въ самый годъ вступленія Дмитрія на престолъ, взаимныя ихъ отношенія были опредѣлены особенной договорной грамотой. Владиміръ цѣловалъ крестъ держать подъ своимъ братомъ старѣйшимъ Княженіе его Великое честно и грозно и хотѣтъ ему во всемъ добра, а Дмитрій — держать его въ братствѣ, безъ обиды во всемъ. Сверхъ того, братья поклялись имѣть общихъ друзей и враговъ, не ссылаться ни съ кѣмъ безъ обоюднаго согласія и не вмѣшиваться одному въ управленіе удѣломъ другаго. Ордынскую же тягость и проторъ Владиміръ обязался давать съ своего удѣла по старымъ сверткамъ. Въ случаѣ войны, всѣ безъ изыятія бояре и слуги Владиміровы должны были, гдѣ бы кто ни жилъ, быть подъ стягомъ своего Князя²⁴⁷). Родной братъ Дмитрія, Іоаннъ *малой*, умеръ во время сильной язвы 1364 г.²⁴⁸). Удѣлъ его отошелъ къ Дмитрію.

Обнаруживая явное желаніе подчинить себѣ всѣхъ

---

²⁴⁶) Ник. Л. IV. 5. ²⁴⁷) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 27. ²⁴⁸) П. С. Р. Л. IV. 64.

удѣльныхъ Князей, В. Князь Московскій не пропускалъ случая вмѣшиваться въ ихъ распри, какъ миротворецъ и судья, дѣйствуя оружіемъ, когда духовнымъ, когда свѣтскимъ.

Такъ, поддерживая Князя Суздальскаго Дмитрія Константиновича, спорившаго съ роднымъ братомъ Борисомъ за удѣлъ Нижегородскій, Дмитрій, подкрѣпляемый авторитетомъ Митрополита Алексѣя, не убоился дѣйствовать рѣшительно противъ Бориса, не смотря на его утвержденіе въ достоинствѣ Князя Нижегородскаго посломъ Ханскимъ. Епископъ Суздальскій и Нижняго Новгорода былъ лишенъ своего сана, а въ Нижній Новгородъ отправленъ Преподобный Сергій, игуменъ Радонежскій, снабженный властью остановить во всемъ городѣ богослуженіе и закрыть самыя церкви въ случаѣ упорства Борисова предстать въ Москву на судъ Дмитрія. Устрашенный приведеніемъ въ исполненіе этой угрозы, Борисъ не только смирился, но и уступилъ Княженіе брату, который шелъ съ войсками Московскими. Великодушный Дмитрій далъ ему Городецъ²⁴⁹⁾. Лѣтопись говоритъ, что Дмитрій Іоанновичъ въ 1366 году, приводя всѣхъ Князей Русскихъ подъ свою власть, началъ посягать и на тѣхъ, которые прежде не повиновались его волѣ²⁵⁰⁾; во главѣ же такихъ Князей стоялъ непримиримый врагъ Москвы, потомокъ несчастнаго Михаила, убіеннаго въ Ордѣ, однимъ словомъ, тогдашній Князь Тверскій Михаилъ Александровичъ, шурина Олгерда. Миръ, заключенный Московскимъ Княземъ съ Княземъ Тверскимъ, послѣ того какъ оружіе Литовское положило конецъ несогласіямъ Михаила Александровича съ его безпокойнымъ дядею Василюемъ Михайловичемъ, Княземъ Кашинскимъ, и двоюроднымъ братомъ Іеремією,

249) П. С. Р. Л. IV. 65. 250) Ник. Л. IV. 15. — 11 — 11 1. 111 (18)

которых поддерживали и войска Московскія, и авторитетъ В. Князя и Митрополита, былъ непроченъ ²⁵¹). Димитрій Юанновичъ не могъ спокойно видѣть такого сильнаго и нисколько независимаго отъ него удѣла рядомъ съ своимъ собственнымъ и искалъ предлога унижить Князя Тверскаго. Въ 1368 году, дѣйствуя заодно съ Митрополитомъ Алексѣемъ, онъ зазвалъ любовью Михаила къ себѣ на Москву и вздумалъ судить его съ преданнымъ себѣ Іеремією судомъ третейскимъ, содержа какъ плѣнника въ «*истомленіи величѣмъ на Гавишии дворъ*» ²⁵²). Въ то же время, захвативъ Градокъ, часть удѣла умершаго Симеона Константиновича, онъ посадилъ въ немъ Князя Іеремію и своихъ намѣстниковъ. Свободой своей Князь Тверскій былъ обязанъ Татарскимъ Князьямъ: Карачаю, Ояндару и Тютешаю, пріѣхавшимъ изъ Орды. Но въ томъ же году В. Князь Московскій, подъ ничтожнымъ предлогомъ, отправилъ свою рать на Тверь. Михаилъ, уже посившій въ душѣ ненависть къ Димитрію и недоувѣрчивость къ Митрополиту Алексѣю, рѣшился прибѣгнуть къ помощи зятя своего, Князя Литовскаго, Олгерда, который въ этомъ случаѣ уступилъ безъ сомнѣнія не столько моленіямъ жены своей, сестры Михайловой, какъ полагаетъ лѣтописецъ, сколько собственному духу брачнолюбія ²⁵³). Подкрѣпляемый братомъ Кейстутомъ, племянникомъ Витовтомъ, который былъ тогда еще и «*младъ и неславенъ*», собственными дѣтьми, всѣми Князьями Литовскими, наконецъ самимъ Михайломъ Тверскимъ и ратью Смоленскою, Олгердъ съ такой стремительностью напалъ на Димитрія, что онъ не успѣлъ даже приготовить отпора и соединить войска изъ дальнихъ мѣстъ по причинѣ поздней разсылки гра-

²⁵¹) Ник. Л. IV. 15—17. ²⁵²) *ibid.* 19. ²⁵³) *ibid.* 20.

мочь, а принужденъ былъ на скоро сформировать сторожевой полкъ изъ ратей Московской, Коломенской и Дмитровской и, ввѣривъ воеводство надъ нимъ Дмитрію Мишину и Акиноу Шубѣ, боярину Владиміра Андреевича, противопоставить его стройной и многочисленной рати Литовской. Между тѣмъ Олгердъ съ огнемъ и мечемъ подвигался все ближе къ Москвѣ. Спротивленіе, оказанное ему въ волости Холохлѣ Княземъ Стародубскимъ, Симеономъ Дмитріевичемъ Крапивою, и въ Оболенскѣ Княземъ Константиномъ, потомкомъ Михаила Черниговскаго, стоило жизни обоимъ героямъ. А въ жестокой битвѣ при озерѣ Тростенскомъ истребленъ былъ весь сторожевой полкъ Дмитрія со многими Князьями и воеводами, 1368 года Ноября 21-го ²⁵⁴). Теперь путь къ Москвѣ былъ чистъ. Дмитрію предвидѣлъ это и заключилъ въ осадѣ съ Митрополитомъ и двоюроднымъ братомъ. Олгердъ, не смотря на трехдневныя усилія овладѣть городомъ, долженъ былъ удовольствоваться однимъ сожженіемъ посада и опустошеніемъ окрестностей ²⁵⁵). Впрочемъ, цѣль похода была достигнута. Дмитрію Іоанновичъ примирился съ Княземъ Тверскимъ и уступилъ ему неправильно завладѣнный Градокъ. Но въ 1370 году, собравшись съ новыми силами, онъ разорвалъ опять миръ съ Княземъ Тверскимъ, послалъ воеводъ своихъ разорять его области, самъ овладѣлъ Зубцовымъ и Микулиномъ, предавъ огню и мечу множество селъ и возвратился со многимъ богатствомъ и корыстью ²⁵⁶). Михаилъ, изъ Твери удалившійся въ Литву, а изъ Литвы въ Орду, вынесъ для себя ярлыки на В. Княженіе Владимірское. Но Дмитрій такъ твердо сидѣлъ на престолѣ Великокняжескомъ, что, презирая ярлыки, учре-

²⁵⁴) Ник. Л. IV. 21. ²⁵⁵) *ibid.* 22. П. С. Р. Л. IV. 66. ²⁵⁶) Ник. Л. IV. 25.

диль повсюду заставы для пойманія Князя Тверскаго. Михаилъ долженъ былъ опять бѣжать къ зятю, который, радуясь новому случаю потрясти Москву, ополчился въ его защиту и, соединивши рать Князей Литовскихъ съ ратью Князя Смоленскаго, Святослава Иоанновича, подступилъ къ Волоку, опустошилъ все окрестности, но не успѣвши взять его, двинулся къ Москвѣ. Также неудача ждала его и здѣсь. Положеніе его становилось затруднительнымъ, тѣмъ болѣе что въ Перемышлѣ собралось сильное войско Князей, Владиміра Андреевича Серпуховскаго, Владиміра Дмитріевича Пронскаго и Олега Рязанскаго ²⁵⁷). Олгердъ спѣшилъ заключить съ Дмитріемъ сперва перемиріе на три мѣсяца, отъ 31 Іюля до 26 Октября, а въ слѣдъ за тѣмъ и вѣчный миръ и выдалъ дочь свою за Владиміра Андреевича Храбраго.

До насъ дошла перемирная грамота Олгерда съ Дмитріемъ ²⁵⁸). Въ ней слѣдуетъ обратить вниманіе на слѣдующія мѣста: «А что Князь Михайло, которая будетъ мѣста пограбилъ въ нашей отчинѣ въ Великомъ Княжествѣ, а то Князю Великому Олгерду миѣ чистити, то «Князю Михаилу по исправѣ подавати назадъ по докончанью Князя Великаго Олгѣрда. А гдѣ будетъ Князь Михайло вослалъ въ нашу отчину въ Великое Княжествѣ Намѣстники или Волостели, а тыхъ ны сослати доловъ: а не поѣдутъ и намъ ихъ имати, а то отъ насъ не въ измѣну. А отъ сего перемирья отъ Спожына заговѣнья до Дмитріева дни, а иметь Князь Михайло что пакостити въ нашей отчинѣ въ Великомъ Княжествѣ или грабити, намъ ся съ нимъ вѣдати самимъ; а Князю Великому Олгерду, а брату его Князю Кестутью и ихъ дѣтемъ за него ся не вступати». Такимъ образомъ Ми-

²⁵⁷) Ник. Л. IV. 26—27. ²⁵⁸) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 31.

хаилъ лишился сильнаго союзника и долженъ былъ заплатить за всѣ свои прежнія ошибки. Но строптивый духъ его не былъ смиренъ. Въ ту же зиму отправился онъ опять въ Орду и возвратился съ посломъ Сарыхожею и желанными ярлыками. Димитрій привелъ по всѣмъ городамъ и бояръ, и черныхъ людей (податныхъ) къ присягѣ: «не даваться великому Князю Михаилу Алек-«сандровичу Тверскому»²⁵⁹⁾, а самъ съ братомъ сталъ съ войскомъ у Переяславля. Сарыхожа чрезъ своихъ Татаръ и пословъ Михайловыхъ звалъ его «къ ярлыку во *Владимирѣ*»; но Великій Князь Московскій, увѣренный въ своей силѣ, гордо отвѣчалъ: «къ ярлыку не ѣду, а «(Михаила) въ землю на Княжение владимирское не пу-«шу, а тебѣ послу путь чистъ» и звалъ Сарыхожу къ себѣ съ великою любовью²⁶⁰⁾. Одаренный и обласканный имъ, Сарыхожа легко оставилъ дѣло Князя Тверскаго и, пришедъ въ Орду, превознесъ Димитрія. Въ слѣдъ за нимъ и самъ Димитрій отправился къ Царю (Хану). Замѣчательно, что къ тому же времени (1371 году) относится и первое духовное завѣщаніе Димитрія²⁶¹⁾. Вѣроятно, онъ считалъ необходимою предосторожностью распорядиться своимъ имѣніемъ предъ отъѣздомъ въ Орду, слѣдуя въ этомъ случаѣ примѣру мудраго дѣда²⁶²⁾. Завѣщаніе это для насъ въ высшей степени интересно не смотря на то, что первыя его строки стерлись совершенно и что владѣнія Московскія въ немъ вовсе не исчислены подробно; оно интересно, потому что доказываетъ, какъ осмотрительно и мудро подвигался Димитрій къ своей цѣли. Онъ дѣлалъ наслѣдникомъ всего родоваго благопріобрѣтеннаго, движимаго и недвижимаго имѣнія своего старшаго сына Василия Димитріевича, но

²⁵⁹⁾ Ник. Л. IV. 28. ²⁶⁰⁾ *ibid.* ²⁶¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 30. ²⁶²⁾ *ibid.* № 21.

не смѣлъ еще упомянуть о Великомъ Княженіи, чувствуя, что планы его не совершенно созрѣли. Изъ Великаго Княженія онъ отказывалъ сыну только села, купленныя его отцемъ (которая будутъ села отца моего (въ Великомъ Княженѣ купля).

Сличая оба завѣщанія Дмитрія, мы постигаемъ, какая огромная политическая пропасть ихъ раздѣляла.

Между тѣмъ, въ Ордѣ Дмитрій, по словамъ лѣтописца, принялъ честь великую отъ Царя и отъ Князей и привелъ какъ бы заложникомъ сына Михайлова, Юанна.

Михаилъ, видя предпочтеніе, оказанное его сопернику, видя опустошеніе его области, взятіе Бѣжецкаго Верха воеводами Московскими и смерть намѣстника Бѣжецкаго Никифора Лыча, былъ доведенъ до отчаянія. Онъ напругъ послѣднія усилія, подступилъ къ Дмитрову, взялъ съ него большой окупъ и въ третій разъ вооружилъ коварную Литву.

Кейстугъ, Витовтъ, Андрей Полоцкій, Дмитрій Друцкій неожиданно напали на Перелславль, разграбили его, сожгли посадъ и тойже участи подвергли Кашинъ и Торжекъ ²⁶³).

Разореніе Торжка вызвало на брань и Новгородцевъ. Въ 1372 г. подъ Любутскомъ самъ Олгердъ потерпѣлъ жестокое пораженіе отъ В. Князя Московскаго, искалъ спасенія въ бѣгствѣ и принужденъ былъ заключить миръ ²⁶⁴). Но Михаилъ Александровичъ, ссорясь непрерывно съ Князьями Кашинскими, ссылаясь по прежнему съ Литвою, продолжая домогаться Великаго Княженія, наконецъ такъ раздражилъ Дмитрія, что онъ рѣшился окончательно упичтожить всѣ его честолюбивыя попытки и созвалъ подъ свои знамена вѣхъ Русскихъ Князей.

²⁶³) Ник. Л. IV. 33 и 34. ²⁶⁴) *ibid.* 36.

Тутъ были Князья и Суздальскіе, и Ростовскіе, и Ярославскіе, и Смоленскіе, и Кашинскіе, и Моложскій и Торусскій; даже — Новгородцы, движимые двумя побужденіями: «своего Князя честь изводяще, паче же «свою отмщающе обиду, бывшую у Торжку»²⁶⁵). Это грозное ополченіе осадило Тверь и 8 Августа придвинуло туры, зажгло мостъ и пошло на приступъ. Удачная вылазка Тверитянь отразила нападенія. Впрочемъ осада продолжалась цѣлый мѣсяць. Все Тверское Княженіе было разорено; города Зубцовъ, Бѣлгородъ, Градокъ, взяты; также и многіе другіе; множество народу погибло; имѣнія и скоть сдѣлались добычею неприятеля.

Михаилъ, по выраженію 4-й Новгородской лѣтописи, «видѣвъ изнеможеніе граду своему, видѣвъ озлобленіе людемъ своимъ, видѣвъ грудъ и погибель челоуѣкомъ и «скотомъ отъ глада бывающій, въспрїя смиреніе и высла «изнутри града послы свои владыку Тферьскаго Евѡимїа, «да бояръ своихъ нарочитыхъ къ Князю Дмитрію съ «покореніемъ и съ поклономъ, прося мира и *дался во «всю волю его»*²⁶⁶). Дмитрію, также утомленный войной, принялъ съ радостью пословъ Михаила и, заключивъ съ нимъ миръ на всеї волѣ своей и Новгородской, написалъ грамоты, скрѣпилъ ихъ крестнымъ цѣлованіемъ и отступилъ отъ Твери Сентября 3.

Договоръ, заключенный имъ при этомъ случаѣ съ Михаиломъ Тверскимъ, носитъ на себѣ совершенно иной характеръ, чѣмъ всѣ предъидущіе. Стоитъ сравнить его съ договорами Симеона Гордаго и его братьевъ²⁶⁷), — Дмитрія Донскаго и Владиміра Андреевича²⁶⁸). И въ нихъ В. Князья Московскіе именуются Князьями старѣйшими и требуютъ покорности отъ своихъ братьевъ — Князей

²⁶⁵) П. С. Р. Л. IV. 70 ²⁶⁶) *ibid.* 71. ²⁶⁷) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 23.

²⁶⁸) *ibid.* № 27.

удѣльныхъ; но тонъ ихъ еще не такъ грозенъ, требованія не такъ настоятельны: вообще характеръ ихъ болѣе братскій, дружескій. Совсѣмъ другое представляетъ договорная грамота съ Михаиломъ Тверскимъ. Въ ней Дмитрій принимаетъ тонъ болѣе повелительный, требуетъ себѣ покорности болѣе безусловной, если только можно такъ выразиться, и ограничиваетъ дѣятельность Михаила однимъ Княжествомъ Тверскимъ, принуждая оставить всякую мысль даже о возможности присвоенія себѣ верховной власти, словами весьма замѣчательными: «А имуть «насъ сваживати Татарове и имуть давати тебѣ нашу «вотчину великое Княжење; а тобѣ ся не имати ни до «живота»²⁶⁹). Кто не сознается, что здѣсь Дмитрій сдѣлалъ шагъ огромный къ утвержденію Единодержавія? Можно даже сказать смѣло, что эта мысль впервые выразилась въ этой грамотѣ.

Мы остановились такъ долго на борьбѣ Москвы съ Тверью единственно потому, что въ ней окрѣпла сила Москвы, созрѣлъ умъ Дмитрія, приготовились военные таланты для войнъ послѣдующихъ, потрясена система удѣльная, сдѣланъ отпоръ воицтвенной и честолюбивой Литвѣ и упрочено первенство Великихъ Князей Московскихъ. Торжество надъ Тверью было такъ сказать исходнымъ пунктомъ могущества Дмитрія. Всѣ Князья ему покорствовали. Одинъ только юный, честолюбивый и отважный Олегъ Рязанскій, владѣвшій удѣломъ обширнымъ, возмимѣлъ дерзкую мысль сокрушить Москву и возвеличить Рязань, хотя бы то было сопряжено съ разореніемъ Россіи и съ отторженіемъ нѣкоторыхъ областей къ Литовскому Княжеству.

Доказавъ свою смѣлость, силу и безстрашіе въ Шешевскомъ лѣсу, гдѣ въ 1365 году было истреблено имъ

²⁶⁹) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 28.

все войско ордынскаго Князя Тагая²⁷⁰), Олегъ внушилъ къ себѣ такое довѣріе подданнымъ и такъ усилилъ гордость Рязанцевъ, что когда въ 1372 рушился миръ, сохранявшійся дотолѣ съ Москвою, и Димитрій, вѣроятно раздраженный непокорностью Олега, послалъ на Рязань свою рать подѣ начальствомъ воеводы Димитрія Вольнскаго: тогда Рязанцы въ высокоуміи и гордости своей, по словамъ лѣтописца, говорили другъ другу: «не емлите съ собою ни щита, ни копья, ни иного никакого «же оружья, но токмо съ собою емлите едины ужища, «коегождо изимавше Москвичъ да есть вы чѣмъ вязати, «понеже суть слаби, страшливы и некрѣпцы»²⁷¹). Но Богъ помогъ Москвичамъ. Въ злой сѣчѣ на Скорнишевѣ, воевода Вольнскій одолѣлъ Рязанцевъ и обратилъ въ бѣгство Олега съ остаткомъ его дружины. Димитрій поступилъ съ Рязанскимъ Княжествомъ какъ побѣдитель, отдавъ его Владиміру Димитріевичу Пронскому²⁷²). Но Олегъ въ томъ же году изгналъ Князя Пронскаго, привелъ его къ покорности и готовилъ мечь Москвѣ. Когда въ 1380 году Мамайъ вздумалъ итти на Русскую землю и сталъ искать себѣ союзниковъ въ Литвѣ и въ Россіи, Олегъ немедленно отправилъ къ нему и къ Ягеллу своего боярина, Епифана Кореева²⁷³), съ самыми льстивыми письмами, вознося до небесъ силу Мамайя, называя себя его посаженнымъ присяжникомъ и рабомъ, клевета на Димитрія и прося себѣ Ханской милости по низверженіи его²⁷⁴). Ягелла же онъ призывалъ приступить къ союзу съ Мамаемъ и уже мысленно дѣлилъ съ нимъ всю Русь на двѣ части, себѣ предоставляя Коломну, города Муромскіе и Владимірскіе, а ему — Москву съ другими при-

²⁷⁰) Ник. Л. IV. 41. П. С. Р. Л. IV. 65. ²⁷¹) П. С. Р. Л. IV. 67.
²⁷²) *ibid.* ²⁷³) *ibid.* 76. ²⁷⁴) Ник. Л. IV. 88. Сказ. Рус. Нар. кн. IV. 66.

лежавшими городами ²⁷⁵). Содержа въ величайшей тайнѣ свои сношенія съ Княземъ Литовскимъ и Мамаемъ, онъ въ тоже время послалъ вѣсть льстивую къ Дмитрію, возвѣщая ему: «Мамай идетъ со всѣмъ своимъ царствомъ въ мою землю Рязанскую на мене и на тебе, а и то «ти буди вѣдомо, и Литовскій идетъ на тебе Ягайло со «всею силою своею» ²⁷⁶). Но Дмитрій съумѣлъ отличить коварную лесть отъ истины и поспѣшилъ ополчиться со всѣми Князьями на нечестиваго Мамайа. Истребивъ полчища Татарскія, онъ рѣшился обратить свое оружіе на измѣнника, который не только помогалъ невѣрнымъ, но и послѣ побѣды Куликовской велѣлъ ловить и грабить бояръ и слугъ, возвращавшихся домой на Рязань съ Донскаго побоища ²⁷⁷). Уже рать Дмитрія готова была выступить противъ Рязани, но челобитье бояръ Рязанскихъ и бѣгство въ Литву устрашеннаго Олега смягчили гнѣвъ героя Куликовскаго. Онъ даровалъ Рязани миръ, посадивъ однако въ ней своихъ намѣстниковъ ²⁷⁸). Скоро возвратился и Олегъ изъ Литвы, и Дмитрій заключилъ съ нимъ договорную грамоту ²⁷⁹). Князья цѣловали другъ къ другу крестъ: жить въ братствѣ безъ обиды, желать чистосердечно добра одинъ другому, извѣщать другъ друга обо всемъ, что ни услышатъ о своемъ добрѣ отъ христіанина или отъ поганина, владѣть своими удѣлами безъ дальнѣйшихъ притязаній, дѣйствовать всегда заодно, не заключать ни съ кѣмъ мира, особенно съ Татарами и съ Литвою безъ общаго согласія. Не новостью отношеній, не притязаніями на высшую степень власти Князя Московскаго замѣчательна эта договорная грамота, а исчисленіемъ мѣстъ Рязанскихъ приобрѣтенныхъ Москвою, по всей вѣроят-

²⁷⁵) Сказ. Рус. Нар. Сахарова, кн. IV. 66. ²⁷⁶) П. С. Р. Л. IV. 76.
²⁷⁷) *ibid.* 82. ²⁷⁸) *ibid.* ²⁷⁹) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 32.

ности, еще при Иоаннѣ II и только окончательно утвержденныхъ за нею при Димитріѣ по этому договору, равно какъ и точнымъ опредѣленіемъ границъ между обоими Княжествами. Земли эти были тѣ, которыя лежали вверхъ по Окѣ, на Московскоѣ сторонѣ, какъ напр. Почень, Повый Городокъ, Лужа, Веря, Боровскъ и снвая мѣста, «какъ сказано въ договорѣ, Рязанская, которая ни будутъ «на той сторонѣ, то къ Москвѣ», равно и всѣ мѣста, лежавшія на Московскоѣ сторонѣ отъ устья Цны вверхъ по рѣкѣ. За то Олегу возвращены были мѣста за Окою на Рязанскоѣ сторонѣ, которыя со временъ Иоанна Иоанновича состояли за Москвою, именно Лопастна, Мстиславль, Жадене Городище, Жадемль, Дубокъ и др. Тула осталась за Димитріемъ, но въ вѣдѣніи баскаковъ Ханскихъ, какъ было при Тайдулѣ. Димитрій пріобрѣлъ отъ Олега: Талицы, Выползовъ, Такасовъ и укрѣпилъ за собою куплю свою — Мещеру. Но трудно было вѣроломному Олегу хранить святость договоровъ! При нашествіи Тохтамыша онъ дѣятельно помогалъ ему, указывая броды на Окѣ и служа путеводителемъ²⁸⁰).

Димитрій, не смотря на то, что земля Рязанская пострадала на возвратномъ пути Тохтамыша, произвелъ въ ней такое страшное опустошеніе, что мѣтоси-сець говорить: «пуще ему (Олегу) бысть и Татарскія «рати»²⁸¹). Однако въ 1385 году, Олегъ снова возсталъ, ограбилъ Коломну, даже увелъ въ плѣнъ воеводу Остея и разбилъ Московское войско, предводимое самимъ Владиміромъ Храбрымъ. Тогда то Димитрій, утомленный непрерывными войнами и отчаяваясь въ усмирении Олега силою оружія, умолилъ Преподобнаго Сергія, уже славнаго своею святостью и не разъ спасавшаго Русь, итти посольствомъ въ Рязань для заключенія вѣчнаго мира²⁸²).

²⁸⁰) П. С. Р. Л. IV. 85. ²⁸¹) *ibid.* 90. ²⁸²) Ник. Л. IV. 147 и 148.

Преподобный Сергій своими «чудными, тихими и кроткими рѣчами» устыдилъ Олега и убѣдилъ его согласиться на миръ вѣчный. Чтобы еще болѣе скрѣпить этотъ союзъ, Дмитрій въ 1387 году выдалъ дочь свою Софію за сына Олегава Феодора²⁸³).

И такъ, Дмитрій Донской посвятилъ главнымъ образомъ всю жизнь свою борьбѣ съ удѣльными Князьями, поймавъ, что пора указать имъ мѣсто, которое они должны занять въ системѣ Русскихъ Княжествъ до водворенія Единодержавія, дать Москвѣ перевѣсъ окончательный и ослабленіемъ удѣловъ облегчить преемникамъ своимъ трудъ ихъ совершеннаго уничтоженія. Иоаннъ Калита и Симеонъ Гордый показали только, что Москва *можетъ* пріобрѣсти первенство; Дмитрій доказалъ, что она *непрелмно* удержитъ его за собою, если преемники его пойдутъ по его слѣдамъ, и, не давая Князьямъ усиливать ихъ власти, будутъ дѣятельно заботиться о расширеніи своей собственной. Уничтожая только весьма немногіе слабыя удѣлы, онъ заботился преимущественно о приведеніи *въ свою волю* удѣловъ сильныхъ, что и удалось ему совершить отчасти силою оружія, отчасти силою примѣра. Поколебавъ Тверь, неутомимо дѣйствуя и противъ непокорной Рязани, онъ успѣлъ внушить такое уваженіе къ своей власти, что по одному мановенію его ополчались рати 29 областей, по первому слову его, громили Тверь и Новгородъ и рѣшались на борьбу съ Татарами. Дмитрій Донской потрясъ систему удѣльную; три ближайшіе его преемника искоренили ее совершенно.

Подавляя всякую попытку Князей удѣльных увеличить свою власть и самостоятельность, являясь грознымъ посредникомъ въ ихъ частныхъ спорахъ за удѣлы, Дмитрій тѣмъ менѣе могъ позволять своей крамольной от-

²⁸³) Ник. Л. IV. 151.

чинѣ, Великому Новгороду разбои, мятежи и своеволие.

Уже въ 1366 году, недовольный разбоями Новгородцевъ на Двинѣ и Волгѣ, В. Князь Московскій вывелъ изъ Новагорода своихъ намѣстниковъ, велѣлъ схватить бояръ Новгородскихъ, ѣхавшихъ съ Двины, Машкова съ сыномъ и Прокопья Кіева²⁸⁴), грозно спрашивалъ у своей отчины: «за что есте ходили на Волгу и гостей «моихъ пограбили много»²⁸⁵) и отложили нелюбіе только потому, что удовольствовался отвѣтомъ Новгородцевъ: «ходили люди молодые на Волгу безъ нашего слова, но «твоихъ гостей не грабили, только били бесерменъ»²⁸⁶).

Въ 1372 году устрашенные попыткой Михаила Александровича Тверскаго захватить Торжокъ и не желая другаго Князя себѣ кромѣ Московскаго, могущество котораго обѣщало имъ сильную защиту противъ враговъ, Новгородцы спѣшили оградить на будущее время свою безопасность договорной грамотой съ Димитріемъ Іоанновичемъ и Владиміромъ Андреевичемъ, обязавшись: «ажъ «будетъ обида со Князми Литовскими или съ Тферскимъ «Княземъ Михаиломъ, Новгороду всѣсти на конь со Княземъ Великимъ и съ его братомъ съ одного»; также и В. Князь съ Владиміромъ Андреевичемъ поклялись, въ случаѣ опасности Новагорода со стороны Литвы, Михаила или Нѣмцевъ, помогать не только войскомъ, но и личнымъ присутвіемъ «и не метать Новагорода доколѣ ся Новгородъ не умирить: либо ми самому быти «Князю Великому, говорилъ Димитрій, въ Новѣгородѣ, «или брата пошлю, доколѣ Новѣгородъ умирю»²⁸⁷). Для себя Димитрій требовалъ только держать Княженіе его

²⁸⁴) Ник. Л. IV. 13. II. С. Р. Л. IV. 66. ²⁸⁵) II. С. Р. Л. IV. 66.
²⁸⁶) *ibid.* ²⁸⁷) Акт. Арх. Эксп. I. № 8.

Великое честно и грозно, и самъ обѣщалъ управлять Новымгородомъ по старинѣ безъ обиды.

Дѣйствительно, въ силу этого договора окончательное смиреніе Твери было совершено при дѣятельномъ содѣйствіи Новгородцевъ. Но дальнѣйшее поведеніе Новгорода все болѣе и болѣе раздражало Димитрія, занятаго дѣлами самыми важными, не позволявшими ему развлекать свое оружіе и думать объ укрощеніи Новгорода.

Такъ, въ 1375 г. ушкуйницы Новгородскіе (т. е. разбойники по Волгѣ и другимъ рѣкамъ), предводимые Прокопіемъ, овладѣли Костромою, принудивъ воеводу Плещеева оставить городъ, разграбили, сожгли его ²⁸⁸) и съ огромнымъ полономъ устремились сперва внизъ по Волгѣ, гдѣ той же участи подвергли Нижній Новгородъ, потомъ повернули Камой и наконецъ, въ городѣ Хазитаракани (Астрахани), принятыя льстиво Княземъ Салчіемъ, получили казнь достойную по своимъ дѣламъ: они были всѣ до единаго убиты ²⁸⁹). Вотъ первая и тяжкая вина Новгородцевъ!

Волненія, происшедшія въ Новѣгородѣ въ слѣдствіе налеганія Литовскаго Князя Патрикія Наримундовича на данные ему въ кормленіе: Орѣховъ, Корельскій городокъ, пол-Копорья и Луское село; возстаніе Славянскаго конца противъ четырехъ остальныхъ, имѣвшее слѣдствіемъ образованіе двухъ вѣчъ: одного на Ярославовомъ дворѣ, другаго у Св. Софіи, и сильный мятежъ ²⁹⁰); далѣе, запальчивость бояръ Новгородскихъ, съѣхавшихся на Городище тягаться объ обидахъ съ послами Княжескими: Феодоромъ Свиблой, Александромъ Белевutomъ и Иваномъ Удой, присланными брать черныи боръ по причинѣ тягостнаго въ тотъ годъ выхода ордынскаго ²⁹¹), запальчивость, принудившая «*всю Свиблову чадь*», какъ говорить лѣтопись,

²⁸⁸) П. С. Р. Л. IV. 72. ²⁸⁹) *ibid.* 73. ²⁹⁰) *ibid.* 90 и 91. ²⁹¹) *ibid.* 91.

оставить Городище, не кончивъ дѣла объ обидахъ и не добравъ чернаго бора²⁹²), а всего болѣе опредѣленіе, состоявшееся на вѣчѣ на Ярославовомъ дворѣ отъ имени посадника, тысяцкаго, всѣхъ бояръ, дѣтей боярскихъ, житыхъ и черныхъ людей и всѣхъ пяти концевъ и скрѣпленное крестнымъ цѣлованіемъ: «не зватися къ Ми-
«трополиту; судити владыкѣ Алексѣю въ правду по Ма-
«накануну (т. е. Номоканону), а на судъ подъяти двѣма
«исцемъ по два боярина сторошѣ, и по два жителя че-
«ловѣка; также и посаднику и тысяцкому судити право
«по цѣлованію»²⁹³), все это вмѣстѣ взятое, говоримъ,
убѣдило Димитрія въ необходимости напомнить Новгороду,
что онъ не даромъ называетъ его своей отчиной и не позво-
литъ отложиться отъ суда Московскаго Митро-
полита (чѣмъ ослабилась бы его собственная связь съ
Новымгородомъ²⁹⁴), владѣя всѣми средствами для при-
веденія его къ покорности. Всѣ Князья Русскіе поднялись
по первому слову Донскаго; рати 29 областей, подъ его
личнымъ предводительствомъ, выступили въ походъ, во-
юя и опустошая волости Новагорода²⁹⁵). Тщетно было
и посольство бояръ съ челобитіемъ о миру, и предста-
тельство владыки Новгородскаго Алексѣя, предлагавшаго
В. Князю Московскому 8000 р. серебромъ отъ людей
Новгородскихъ. Димитрій былъ неумолимъ и хотѣлъ ору-
жіемъ наказать свою крамольную отчину. Новгородцамъ
оставалось также выйти въ поле съ Князьями Романомъ
Юрьевичемъ и Патрикіемъ Наримундовичемъ и Князьями
Копорскими. Но хотя лѣтописецъ и говоритъ, что «бл-
«ше сильно велика и свѣтла рать Новгородская коневая
«и пѣшей рати велми много, и *охочи* битися»²⁹⁶); од-

²⁹²) П. С. Р. Л. IV. 91 ²⁹³) *ibid.* 92. ²⁹⁴) См. Объ отношеніяхъ Нов-
города къ Великимъ Князьямъ. С. Соловьева. М. 1846 г. стр. 76. ²⁹⁵) П.
С. Р. Л. IV. 93. ²⁹⁶) *ibid.* 94.

нако бояре разсудили отправить новое посольство къ Димитрію, составленное изъ депутатовъ всѣхъ сословій, дабы склонить его на миръ. На этотъ разъ Димитрій согласился, по владычному благословенію и по Новгородскому поклоу, на миръ по всей старинѣ. Онъ потребовалъ только уплатить ему 8000 р. сер. за грабежи по Волгѣ и 3000 получилъ немедленно съ *полатей Св. Софій*, а остальные 5000, согласно договору, взыскалъ съ Заволочанъ; ибо и они участвовали въ грабежахъ Волжскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ прислалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ и черноборцевъ²⁹⁷).

Такимъ образомъ, одновременно съ потрясеніемъ системы удѣльной, былъ нанесенъ ударъ чувствительный и вольности Новгородской.

Москва стояла на высокой ступени могущества. — Но, не довольствуясь однимъ потрясеніемъ удѣловъ, Димитрій мечталъ о возможности сверженія Монгольскаго ига и выбралъ для борьбы съ Ордою минуту самую благоприятную.

Держа себя по отношенію къ Ордѣ покорно, доколѣ война съ Тверью поглощала все его вниманіе, лаская пословъ Ханскихъ, даже совершивъ одну поѣздку къ Царю (1371), онъ не былъ однако раболѣпнымъ исполнителемъ всѣхъ его приказаній, смѣло наказывалъ Бориса Константиновича, подкрѣпляемаго посломъ ордынскимъ²⁹⁸, еще смѣлѣе отказывался уступать престолъ Великокняжескій Михаилу, когда онъ привозилъ съ собою ярлыки Хапскіе.

Управившись съ Тверью, Димитрій въ 1378 г. сдѣлалъ первую, хотя и неудачную, попытку противъ Татаръ. Войска Московское и Суздальское потерпѣли жестокое пораженіе отъ Царевича Арапши на берегу рѣки Пья-

²⁹⁷) П. С. Р. Л. IV. 94²⁹⁸, *ibid.*, 65.

ны ²⁹⁹). Но въ слѣдующемъ же году Дмитріи отмстить за это пораженіе, разбивъ лично, на берегахъ Вожи, полки Мамаевы, предводимые посломъ Бегичемъ ³⁰⁰). Эта первая побѣда Русскихъ надъ Татарами, одержанная 11 Августа 1379, не могла не раздражить гордаго Мамаю. Дыша гнѣвомъ, онъ рѣшился напомнить Россіи времена Батыевы, рѣшился погубить Христіанство, истребить церкви Божіи, пролить кровь Русскую и уничтожить ихъ законы ³⁰¹). Въ союзъ съ нимъ вступили два врага Дмитріевы, Олегъ Рязанскій и Ягелло Литовскій, хотѣвшіе употребить силу Мамаю, какъ средство къ достиженію своихъ цѣлей. Цѣль же ихъ была захватить и раздѣлить Княжество Московское между Вильпой и Рязанью ³⁰²). Дмитрій встрѣтилъ опасность съ оружіемъ въ рукахъ, благословенный на святую брань за свободу отечества Митрополитомъ Кипріаномъ и Святымъ Сергіемъ, игуменомъ Троицкой обители ³⁰³). Всѣ Князья Русскіе, не смѣвшіе болѣе прекословить Дмитрію, ополчились единодушно за Вѣру Христову и за его обиду ³⁰⁴). Даже Михаилъ Тверскій не отказалъ Московскому Князю въ своей помощи и прислалъ Іоанна Всеволодовича Холмскаго ³⁰⁵). Два Олгердовича, Андрей Полоцкій и Дмитрій Брянскій, также примкнули къ полкамъ Московскимъ съ своими дружинами ³⁰⁶). Мамай смутился, свѣдавъ о такой рѣшительности Россіянъ, но подвигался далѣе съ своими полчищами. Устрашенный на минуту вѣстью о несмѣтной силѣ Мамаю и близости его, Дмитрій, слѣдуя внушенію военнаго совѣта, душою котораго были храбрые Олгердовичи, отважился, подобно славнымъ предкамъ, Ярославу Великому и Александру Невскому,

²⁹⁹) П. С. Р. Л. IV. 73. ³⁰⁰) *ibid.* 74. ³⁰¹) *ibid.* 75. ³⁰²) Сказ. Рус. Нар. кн. IV. стр. 66. ³⁰³) *ibid.* 67—70. ³⁰⁴) *ibid.* 69. ³⁰⁵) Ник. Л. IV. 93. ³⁰⁶) П. С. Р. Л. IV. 77.

оставить въ тылу у себя рѣку и переправился чрезъ Донъ, полагая всю крѣпость въ Богѣ, а не въ числѣ ³⁰⁷). Этимъ возвысилъ онъ духъ своихъ воиновъ. Сказаніе говоритъ : «мнози Русскіе удалцы возрадовалися, зря своего «желаннаго подвига, его же на Руси вжелѣша» ³⁰⁸). Наконецъ, полки Московскіе сошлись съ Татарскими на Куликовомъ полѣ, орошаемомъ рѣчкою Непрядвою. 8 Сентября, съ словами : «Боже Христіанскій помози намъ», ударились Русскіе, ободряемые мужествомъ своего вожда, В. Князя Московскаго, на Татаръ. Воздухъ огласился криками невѣрныхъ, стукомъ саблей и мечей булатныхъ, доспѣховъ злаченыхъ и щитовъ червленныхъ, «и бысть «яко громъ отъ копейнаго сломленія»; кровь лилась какъ дождевая туча; множество труповъ Русскихъ и Татарскихъ покрывали поле; самъ Великій Князь, вдававшійся въ величайшія опасности, былъ раненъ и удалился съ поля битвы, къ счастью никѣмъ не замѣченный ³⁰⁹). Уже побѣда клонилась на сторону Татаръ; но засадный полкъ Владиміра Андреевича и боярина Вольнскаго рѣшили судьбу сраженія. Утомленные Татары не могли бороться съ свѣжими войсками и обратились въ бѣгство ³¹⁰). Ягелло, шедшій, но не поспѣвшій на помощь Мамаю къ сроку, узнавъ о его пораженіи, также ударился въ бѣгство «безъ всякаго пождація, никимъ же не гонимъ» ³¹¹).

Такъ кончилась знаменитая битва Куликовская! Правда, она стоила жизни многимъ Князьямъ, погибъ и любимецъ Димитрія, Михаилъ Андреевичъ Бренокъ, и чернецъ Пр. Сергія, Пересвѣтъ; по словамъ Московскаго боярина Михаила Александровича, изъ огромной (150 или 200 тысячъ считаетъ лѣтописецъ) рати Димитрія оставалось только 40,000, самъ В. Князь былъ тяжело раненъ; но

³⁰⁷) Сказ. Рус. Нар. IV. 75. ³⁰⁸) *ibid.* ³⁰⁹) *ibid.* 79. ³¹⁰) *ibid.* 80. ³¹¹) П. С. Р. Л. IV. 81 и 82.

благодѣтельныя слѣдствія этой побѣды для Россіи неисчислимы. Уже одна смѣлая мысль, вступить въ борьбу съ Татарами, дѣлала Димитрія дорогимъ и народу и Князьямъ, угнетеннымъ тяжелымъ выходомъ; а блистательная побѣда надъ невѣрными давала ему, какъ спасителю отечества (хотя еще и не совершенному), полное право возвыситься съ гордостью главу свою надъ всѣми Князьями, утверждала еще болѣе первенство за его домомъ и окружала Москву, *родникъ спасительныхъ для Россіи началъ*, славой лучезарной. Для народа — то былъ шагъ къ свободѣ. Побѣда Куликовская пробудила мысль о возможности избавленія отъ ига, разрушила очарованіе, будто Монголы непобѣдимы. Доказательствомъ служатъ всѣ послѣдующія договорныя и духовныя грамоты Князей, въ которыхъ находимъ постоянно слова: а оже ны Богъ избавитъ, ослободитъ отъ Орды³¹²), или: а перемѣнитъ Богъ Орду³¹³), или: а отдалится отъ насъ Орда³¹⁴) и. т. п. Но еще долго Русскому народу надлежало жить одной надеждой. — Уже въ 1382 году Россія подверглась нашествію грознаго Тохтамыша, побѣдителя Мамаева, и снова признала себя данницею Орды³¹⁵). Князья, не успѣвшіе собраться съ силами послѣ боя Куликовского, въ которомъ пала большая часть ихъ воиновъ, отказали въ военномъ совѣтѣ Димитрію рѣшительно въ своемъ содѣйствіи³¹⁶). Тогда онъ удалился въ Кострому, оставивъ Москву на произволъ судьбы. Въ покинутой столицѣ собралось вѣче и открылись всѣ ужасы народнаго мятежа, не умѣряемаго никакою властью и грозившаго погубить Москву до пришествія Тохтамыша. Порядокъ былъ къ счастью возстановленъ мужественнымъ Остеемъ, внукомъ

³¹²) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 33. ³¹³) *ibid.* № 34. ³¹⁴) *ibid.* № 36.
³¹⁵) П. С. Р. Л. и О плѣненіи и о прихожденіи Тохтамыша Царя и о Московскомъ взятѣ». 84—90. ³¹⁶) П. С. Р. Л. IV. 84.

Олгерда, приготовившимъ все для выдержанія правильной осады³¹⁷). Но Тохтамышъ, приступивъ къ городу и видя всѣ трудности и опасности продолжительной осады, прибѣгнувъ къ хитрости коварной³¹⁸).

Москва, невинная жертва довѣрчивости своихъ жителей, испытала, что значить милость Тохтамыша. Огъ града «чуднаго, великаго и многочеловѣчнаго» осталось, по выраженію лѣтописца: «земля и персть, прахъ и не-«пель да множество труповъ»³¹⁹).

Нашествіе Тохтамыша оставило, конечно, глубокіе слѣды въ Россіи, разъединило минутно Князей, дотолѣ дружныхъ между собою, поколебало и власть Димитрія, но не на долго. Уже въ 1386 году, онъ былъ въ состояніи смирить Новгородцевъ ополченіемъ цѣлаго соима Князей; слѣдовательно, онъ успѣлъ возстановить свои силы, и Князья снова были ему покорны.

И такъ, въ правленіе Донскаго Москва окрѣпла окончательно; ея могущество совсѣмъ не опиралось болѣе на милость Ханскую. Самостоятельно и грозно карала она непокорныхъ, отважно вступала въ борьбу съ Татарами. Князь Московскій былъ верховный судья и миротворецъ Князей удѣльныхъ. Воля его получала силу закона.

1388 годъ, предшествовавшій кончинѣ Димитрія, былъ омраченъ ссорой его съ Владиміромъ Андреевичемъ, которая произошла вѣроятно отъ того, что Владиміръ не соглашался уступить своего права на Великое Княженіе племяннику. Но, видя страшную опалу, постигшую его старѣйшихъ бояръ, можетъ быть главныхъ виновниковъ раздора, которымъ, конечно, казалась замачивѣе будущность стоять у престола сильнаго Князя Московскаго, чѣмъ слабаго владѣтеля удѣльнаго, Владиміръ спѣшилъ исполнить непреклонную волю брата и цовой договорной

³¹⁷) П. С. Р. Л. IV. 85. ³¹⁸) *ibid.* 86 и 87. ³¹⁹) *ibid.* 88.

грамотой обязался блюсти Великое Княжение подъ нимъ, и подъ его сыномъ, и подъ его дѣтми, во всемъ хотѣтъ добра ему и его дѣтямъ, держать Княжение его Великое честно и грозно, служить безъ послушанія³²⁰). Этой грамотой Владиміръ Андреевичъ призналъ новое право старѣйшинства, отказавшись отъ принадлежавшаго ему на основаніи старыхъ понятій удѣльныхъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, Димитрій первый изъ Князей Московскихъ осмѣился сказать: «А се благо-«славляю сына своего Князя Василья *своею отчинною Ве-«ликимъ Княженьемъ*»³²¹). Этимъ утверждалъ онъ престолъ Великокняжескій не только за *своимъ* родомъ, но и *въ низходящей линіи по праву первородства*. А чтобы уничтожить всякое притязаніе Владиміра Андреевича на Великое Княжение, даже въ случаѣ бездѣтной кончины Василія, Димитрій сдѣлалъ слѣдующую оговорку въ своемъ завѣщаніи: «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего Князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, «ино тому сыну моему Князь Васильевъ удѣлъ, а того «удѣломъ *подълитъ ихъ моя Княгиня*»³²²). Осторожная мѣра эта была тѣмъ болѣе необходима, что Василію Димитріевичу, во время составленія отцемъ его духовной грамоты, былъ еще не женатъ³²³), и слѣдовательно, благородный Димитрій могъ легко опасаться его внезапной смерти безъ оставленія наслѣдниковъ и долженъ былъ на этотъ случай сдѣлать особое распоряженіе, которое бы упрочивало престолъ Великокняжескій за *его родомъ* и исключало окончательно права на В. Княжение Владиміра Андреевича и его потомковъ.

Что Димитрій назначалъ наслѣдникомъ Василію слѣ-

³²⁰) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 33. ³²¹) *ibid.* № 34. ³²²) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 34. ³²³) Василій женился уже по смерти отца на дочери Витовта В. Князя Литовскаго, Софіи. См. Ист. Гос. Рос. V. 74.

дующаго за нимъ по старшинству сына, только въ случаѣ бездѣтной Василя кончины, это доказывается его волей, чтобы тогда и весь удѣль Василя достался этому сыну, а удѣль послѣдняго былъ раздѣленъ Великой Княгиней Евдокіей (супругой Димитрія) между остальными дѣтьми. Предполагая наслѣдниковъ у Василя, онъ не могъ бы сдѣлать такого распоряженія; ибо что же осталось бы дѣтямъ Василя? Очевидно, они лишились отчины отцевской. Но возможно ли допустить такую несправедливую мѣру въ завѣщаніи Димитрія, который только ослаблялъ, но не искоренялъ еще систему удѣльную?

Отчину свою Москву В. Князь приказалъ всѣмъ пятерымъ сыновьямъ, предоставивъ изъ двухъ жребіевъ своихъ одинъ Василю, а другой остальнымъ дѣтямъ. Часть городскихъ доходовъ была назначена В. Княгинѣ Евдокіи; а Владиміръ Андреевичъ продолжалъ вѣдать *свою треть*, чѣмъ благословилъ его отецъ ³²⁴). Раздѣлъ владѣніямъ своимъ В. Князь произвелъ слѣдующій: Василю вмѣстѣ съ Великимъ Княженіемъ получилъ Коломну съ волостями, нѣкоторыя изъ Московскихъ селъ да часть собственнаго прикупа Димитрія: села Красное съ Елезровскимъ и Правотовымъ и Василевское въ Ростовѣ.

Георгій, старшій послѣ Василя, получилъ Звенигородъ съ волостями, нѣсколько селъ Московскихъ, Галичъ, названный Донскимъ куплею дѣда — Юанна Калиты, прикупъ отца, село Кузюдемьянское, село Богородицкое въ Ростовѣ, 2 села Костромскихъ: Борисовское и Микульское, да починокъ за Вяткою. Въ послѣдствіи, по смерти старшаго брата, Георгій объявилъ свои притязанія на Великокняжескій престолъ; но изъ того, что нами сказано уже о послѣдней волѣ Димитрія очевидно, что онъ

³²⁴) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 34.

опирался на *буквальный*, а не на *внутренний* смысл отцевскихъ словъ, и что притязанія его были слѣдовательно незаконны.

Третій сынъ В. Князя, Андрей, получилъ Можайскъ съ волостями, Верею, Калугу, Медынь, села Московскія, куплю дѣда — Бѣлоозеро съ волостями: Шаготью, Вольскимъ и Милолюбскимъ вѣзомъ.

Четвертый — Петръ, получилъ Дмитровъ съ Вышгородомъ и Берендѣевою слободой, прикупъ отца, село Богородицкое на Боголѣ и куплю Калиты Угличполе, Тошнуи Сяму.

Князь Юаннъ, исключенный изъ участія во владѣннн Московю, былъ надѣленъ Раменцемъ, селомъ Звѣрковскимъ съ Соханскимъ починкомъ и Сохной.

Княгинѣ было дано изъ удѣла каждаго сына по участку и нѣсколько собственныхъ промысловъ Дмитрія, напр. Самойлецевъ, село Петровское, Фроловское и Елохъ ³²⁵).

Послѣдней волей Дмитрія было также, какъ это видно изъ одного договора Василія Димитріевича съ братьями, чтобы мелкіе Князья Московскіе жили въ Москвѣ ³²⁶) — мысль достойная внука Калиты; ибо служила къ ослабленію удѣльныхъ Князей. Живя въ Москвѣ и слѣдовательно составляя такъ сказать свиту В. Князя, которому они должны были угождать, хотя бы только за его силу, они мало по малу теряли въ глазахъ народа свои права владѣтельныя и пріучались быть слугами В. Князя. Въ тоже время этой мѣрой Дмитрія полагалась первая основа Двору. Очевидно, что Князь Московскій, живя среди многихъ Князей удѣльныхъ, дѣлался видимо ихъ главою, а они главными исполнителями его власти. А потому эта воля Дмитрія, освящаемая временемъ, подтверждаемая во всѣхъ послѣдующихъ договорныхъ грамотахъ Великихъ Князей Московскихъ съ Мо-

³²⁵) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 34. ³²⁶) *ibid.* № 37.

сковскими удѣльными Князьями ³²⁷⁾, привела незамѣтно къ учрежденію Князей служебныхъ, о которыхъ впервые упоминается въ договорной грамотѣ Василя Василіевича и его братьевъ, Андрея и Константина, съ Княземъ Галицкимъ Георгіемъ Димитріевичемъ ³²⁸⁾, а потомъ привела къ переходу этихъ Князей служебныхъ и вотчинныхъ (ибо они сохраняли еще свои отчины) въ бояръ, когда окончательно рушилась удѣльная система.

Умирая, Димитрій призвалъ дѣтей своихъ, дабы изъяснить имъ свою послѣднюю волю, а вмѣстѣ и бояръ, дабы ихъ опытности поручить своего юнаго наследника. Напомнивъ имъ, что они были свидѣтелями всѣхъ славныхъ дѣлъ его Княженія, онъ сказалъ: «Вы же не нарекошеся у мене бояре, по Князи земли моеи, нынѣ же помяните словеса своя, яже рекосте ко мнѣ во время свое: длѣжни есмы тобѣ служба и дѣтемъ твоимъ главы своя положити, укрѣпитесь истиною, послужите Княгини моеи и чадомъ моимъ отъ всего сердца своего; въ время радости повеселитесь съ нами, и во время скорби не оставите ихъ, да скорбь ваша на радость преложитесь» ³²⁹⁾. Онъ могъ умереть спокойно, надѣясь, что умная, опытная аристократія, которая видѣла его рожденіе, видѣла и Княженіе, которой онъ самъ былъ обязанъ и достоинствомъ Великокняжескимъ, и торжествомъ надъ многими врагами, что она, говоримъ, будетъ вести его сына къ высокой цѣли дальнѣйшаго возвышенія Москвы. Такимъ образомъ, уже изъ этого открывается огромное и несомнѣнное участіе бояръ Московскихъ въ успѣхахъ, сдѣланныхъ Москвою на пути ея возвышенія.

³²⁷⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 37, 46, 47 и др. ³²⁸⁾ *ibid.* № 43 и 44. Здѣсь мы читаемъ: «А Князей ти моихъ служебныхъ съ вотчинами собѣ въ службу не примати, а которые имуть тобѣ служити, а имъ въ свотчину въ свою не вступаться». ³²⁹⁾ И. С. Р. Л. IV. 353.

КНЯЖЕНІЕ

ВАСИЛІЯ ДИМИТРІЕВИЧА.

Великій Князь Василій Димитріевичъ, одаренный отъ природы умомъ свѣтлымъ и проникательнымъ, умудренный примѣромъ отца и окруженный опытными совѣтниками, нашель необходимымъ уклониться отъ политики отцевской, считая ее слишкомъ рѣшительною для своего времени. Дѣйствительно, политика Донскаго принесла огромную пользу Москвѣ, поколебавъ систему удѣльную, проложивъ Князьямъ Московскимъ путь къ единой державію и пробудивъ мысль о возможности свободы Россіи; но ее (политику Донскаго) надо было поддерживать, и поддерживать мѣрами спокойными, безъ сильныхъ потрясеній, которыя могли вовлечь Москву въ новыя боръбы, и опасныя, и утомительныя для нея. Василій, понимая все это ясно, рѣшился слѣдовать въ дѣлахъ съ Ордою болѣе политикѣ Калиты, въ дѣлахъ внутреннихъ — политикѣ отцевской, измѣненной согласно съ требованіями времени. И онъ тѣснилъ Князей удѣльныхъ, но тѣснилъ не всѣхъ, а весьма немногихъ, и тѣснилъ не просто для того, чтобы ослабить и унижить ихъ, но чтобы на счетъ ихъ владѣній расширить территориально Московское Княжество, и въ этомъ отношеніи онъ превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Онъ не упускалъ изъ виду и Новагорода, держалъ и его въ повиновеніи; вообще же о немъ можно сказать, что онъ былъ врагъ дѣйствій наступательныхъ, чему лучшій примѣръ видимъ въ дѣлахъ съ Литвою.

Предметомъ постояннаго и неуспянаго стремленія во всю его жизнь, самую желанною для него цѣлью было присоединеніе къ Москвѣ удѣла Князей Нижегородскихъ, присоединеніе совершившееся не такъ-то скоро и легко, какъ полагалъ нашъ незабвенный Исторіографъ, а вмѣстѣ съ нимъ почти и всѣ наши Историки³³⁰). Вотъ какъ было дѣло.

Ѣздя въ Орду къ Тохтамышу съ поклономъ и дарами, Василій въ 1392 году рѣшился сдѣлать его своимъ орудіемъ, его волею узаконить свои притязанія. Одаривъ сребромъ и златомъ Князей Царевыхъ, за ихъ ходатайство предъ Тохтамышемъ, умиловивъ дарами и самого Хана, онъ убѣдилъ его дать ему Великое Княженіе Нижегородское подъ В. Княземъ Борисомъ Константиновичемъ и, возвратясь въ Москву, немедленно отправилъ посла Царева съ боярами своими къ Нижнему Новгороду³³¹). Пользуясь измѣной старѣйшаго боярина Нижегородскаго, Василя Румянца, послы Московскіе успѣли безъ труда овладѣть городомъ³³²). Но, хотя и самъ Василій вскорѣ пріѣхалъ въ новопріобрѣтенный градъ и посажалъ въ немъ намѣстниковъ, а бывшаго Князя съ женою, дѣтьми и всѣми приверженцами разослалъ по городамъ закованныхъ въ цѣпи, хотя Тохтамышъ вслѣдъ за тѣмъ пожаловалъ Московскому Князю къ Нижнему еще Городецъ и Торусу³³³), хотя это пожалованіе было подтверждено Тохтамышемъ и въ 1393 году, по удаленіи съ береговъ Волги грознаго Тимуръ-Аскака (Тамерлана), врага его, Княжество Суздальское не утвердилось еще окончательно за Москвою. Неправедливое присвоеніе его Василемъ вызвало на брань племянниковъ Бориса Нижегородскаго — Василя Кирдяпу и

³³⁰) Ист. Гос. Рос. Карамз. V. 75 и 76. Ист. Крит. Отрывки М. Година. 145 и 167. ³³¹) Ник. Л. IV. 239. ³³²) *ibid.* 240. ³³³) *ibid.* 241.

брата его Симеона. Въ 1396 году, подкрѣпляемые Татарскимъ Царевичемъ Эйтякомъ (Ектякомъ), они пытались возвратить утраченный удѣлъ и едва не успѣли въ томъ; только твердость воеводъ Московскихъ, правившихъ Нижнимъ, принудила ихъ заключить миръ. Но грабежъ, произведенный Татарами Эйтяка, вызвалъ месть В. Князя Московскаго. Онъ отправилъ за ними въ погоню брата Георгія, который взялъ Болгары, Казань, Жукотинъ, Кременчугъ и, послѣ трехмѣсячнаго отсутствія, возвратился во свояси съ огромнымъ богатствомъ³³⁴). Но Василій Димитріевичъ въ 1399 и 1402 посылалъ лучшихъ воеводъ отыскивать Симеона Димитріевича. Тщетно вступался за гонимыхъ Князей Суздальскихъ Игумень Бѣлозерскаго монастыря, Кирилль. Тщетно молилъ этотъ святой мужъ В. Князя разсудить дѣло по совѣсти и писалъ ему: «и ты господине, Бога ради, покажи на нихъ «свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблуженіи въ Татарскихъ странахъ, да тамо бо не кончились — занеже господине ни Царство, ни Княженіе, ни иная кая власть не можетъ насъ избавити отъ нелицемѣрнаго суда Божія»³³⁵). Василій оставался непоколебимъ и, вмѣсто милости, назначилъ для жительства Симеону съ Княгиней и дѣтьми городъ Вятку, гдѣ онъ и умеръ вскорѣ, претерпѣвъ въ теченіи всей жизни въ Ордѣ и на Руси много истомы³³⁶). Въ слѣдующемъ же 1403 году умеръ и Василій Кирдяпа³³⁷). Но все еще Князь Московскій не могъ считать Нижняго Новгорода своею собственностью. Ему оставалось выдержать борьбу съ дѣтьми умершаго Бориса, Даниломъ и Іоанномъ Тугимлукомъ. Въ 1-омъ завѣщаніи Василія Димитріевича, писанномъ въ 1406 году, мы чи-

³³⁴) Ник. Л. IV. 267. ³³⁵) Акты Историч. I. № 12. ³³⁶) Ник. Л. IV. 303 и 304. ³³⁷) *ibid.* 307.

таемъ: «А дастъ Богъ сыну моему Князю Ивану держати Новгородъ Нижній да Муромъ, ино Княгинѣ «моей изъ Новгорода половина пошлинъ Новгородскихъ «и т. д. ³³⁸), доказательство неопровержимое того, что Нижній не былъ еще собственностью В. Князя, а только составлялъ предметъ его пламеннаго желанія. Въ 1411 году Князья Данилъ и Иоаннъ Борисовичи съ Князьями Болгарскими и Жукотинскими на Лысковомъ полѣ, поразивъ брата В. Князя, Петра Димитріевича Дмитровскаго и его союзниковъ, Князей Ростовскихъ и Ярославскихъ, напомнили, что есть еще глазъ, бодрствующій надъ Нижнимъ Новымгородомъ ³³⁹); а бояринъ Данила, Семень Карамышевъ, подкрѣпляемый Татарами, ограбилъ Владиміръ, пользуясь отсутствіемъ намѣстника Юрія Щеки ³⁴⁰). Миръ водворился было года на два, и даже Князя Нижегородскіе, Иоаннъ Василіевичъ, Иоаннъ Борисовичъ съ сыномъ Александромъ и Данилъ Борисовичъ, съѣхались въ Москву и праздновали въ 1417 году свадьбу ³⁴¹) Александра Иоанновича Брюхатаго съ дочерью Василя — Василисою; но въ томъ же году произошла новая размолвка, и Князья эти бѣжали съ Москвы ³⁴²). А между тѣмъ и во 2-мъ духовномъ завѣщаніи (1423 г.) Василя Димитріевича мы все еще читаемъ: «А оже ми дастъ Богъ Новгородъ Нижній» и т. д.; слѣдовательно, онъ еще не владѣлъ имъ ³⁴³). В. Князь успѣлъ достигнуть своей давножеланной цѣли только къ самому концу своего Княженія; ибо въ 1424 году онъ спѣшилъ сдѣлать третье духовное завѣщаніе только для того, чтобы прибавить эти слова: «А сына своего Князя Василя благословляю своими примысли Новымгородомъ Нижнимъ «со всѣмъ, да своимъ же примысломъ благославляю сына

³³⁸) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 39. ³³⁹) Ник. Л. V. 36. ³⁴⁰) *ibid.* 37 и 38. ³⁴¹) *ibid.* 67. ³⁴²) *ibid.* 68. ³⁴³) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 41.

«своего Муромомъ со всѣмъ же»³⁴⁴). — Не очевидно ли изъ этого, послѣ какой упорной и продолжительной борьбы достался Нижній Москвѣ? Воля Тохтамыша была только однимъ предлогомъ для присвоенія удѣла Суздальскаго. Что не 1392 г. былъ годомъ присоединенія Нижняго Новгорода къ Московскимъ владѣніямъ, это доказываютъ, приведенныя нами, мѣста изъ духовныхъ завѣщаній Василя Димитріевича, въ которыхъ выражается *его пламенное желаніе*, долго остававшееся тщетнымъ, владѣть удѣломъ Нижегородскимъ. Онъ говоритъ о немъ, до самаго 1424 года, только какъ о будущей собственности своей.

Отношенія Великаго Князя Московскаго къ другимъ Князьямъ были большею частью дружественныя.

Розмиріе съ Владиміромъ Андреевичемъ, бывшее въ первый годъ вступленія Василя на Великокняжескій престолъ, въ ту же зиму было заглажено живѣйшею дружбою³⁴⁵). Договорная грамота 1389 года, заключенная Василемъ и его братьями съ доблестнымъ дядею, опредѣлила ихъ отношенія выгодно для обѣихъ сторонъ³⁴⁶). Владиміръ приобрѣлъ Волокъ и Ржевъ, въ послѣдствіи промѣненныя, по другому договору, на Угличъ съ селомъ Золоторусскимъ, Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и Лисинъ³⁴⁷). В. Князь Московскій нашелъ въ дядѣ союзника дѣятельнаго и покорнаго, обязавшагося не дѣлать притязаній на Муромъ и Торусу, уже составлявшіе предметъ желанія для Василя, и признавашаго братомъ старѣйшимъ не только *его*, но и по смерти его, своего двоюроднаго внука, сына Василева, Іоанна³⁴⁸). Владиміръ оказалъ немаловажныя услуги племяннику въ дѣлахъ съ Новымгородомъ въ 1391 году³⁴⁹) и въ особенности при на-

³⁴⁴) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 42. ³⁴⁵) Ник. Л. IV. 192. ³⁴⁶) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 35. ³⁴⁷) *ibid.* № 38. ³⁴⁸) *ibid.* ³⁴⁹) Ник. Л. IV. 239.

шествіи Тамерлана въ 1395 г., принявъ съ самоотверженіемъ на себя защиту Москвы³⁵⁰⁾.

Братья В. Князя также постоянно служили ему какъ бы лучшіе воеводы. Конечно, этому много содѣйствовала мѣра Димитрія Донскаго, завѣщавшаго всѣмъ имъ жить не въ своихъ удѣлахъ, а въ Москвѣ. Очевидно, что его цѣль была сдѣлать ихъ орудіями В. Князя. Василій Димитріевичъ прекрасно понималъ это и не забывалъ ни въ одной договорной грамотѣ съ братьями напоминать и, святостью новой клятвы, подтверждать эту мудрую волю родителя. Князья эти, независимые въ управленіи своими удѣлами, величали старѣйшаго брата именемъ Господина³⁵¹⁾, чего не видимъ въ прежнихъ договорныхъ грамотахъ, клялись жить съ нимъ въ единомушіи и ополчаться по первому его слову³⁵²⁾. И дѣйствительно, мы видимъ ихъ неоднократно обнажающими мечъ по волѣ Василія Димитріевича, то на крамольный Новгородъ³⁵³⁾, то на властолюбиваго Витовта³⁵⁴⁾ и безпокойныхъ Нѣмцевъ³⁵⁵⁾, то на личиыхъ враговъ Князя Московскаго, Князей Нижегородскихъ³⁵⁶⁾. Одинъ только младшій братъ В. Князя, Константинъ, навлекъ на себя (въ 1420 г.) его гнѣвъ своимъ отказомъ признать вмѣстѣ съ другими братьями старѣйшинство т. е. право на Великокняжескіи престолъ пятилѣтняго сына Василіева, Василія же, — былъ лишенъ за то своего удѣла и принужденъ бѣжать къ Новгородцамъ, которые, по злобѣ на Москву, приняли его съ честью и назначили ему пригороды, состоявшіе нѣкогда за Лугвеніемъ Олгердовичемъ, и какой то денежный сборъ, именуемый *Коробейщиною*³⁵⁷⁾.

³⁵⁰⁾ Ник. Л. IV. 261. ³⁵¹⁾ Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 37. ³⁵²⁾ См. вообще договоры Василія I съ братьями въ С. Г. Г. и Д. и въ А. А. Э. ³⁵³⁾ Ник. Л. IV. 239, 279. ³⁵⁴⁾ *ibid.* 316. ³⁵⁵⁾ *ibid.* V. 9. ³⁵⁶⁾ *ibid.* 36. ³⁵⁷⁾ *ibid.* 73 и 76. П. С. Р. Л. IV. 119. Ист. Гос. Рос. Кар. V. 124.

Согласіе возстановилось въ 1421 году, и Константинъ возвратился въ Москву, примирившись съ братомъ, который показалъ въ этомъ дѣлѣ твердость непреклонную.

Уклоняясь вообще отъ всякаго вмѣшательства въ частныя ссоры Князей удѣльныхъ, Василій смотрѣлъ спокойно на фамильную распрю Князей Тверскихъ, входилъ съ ними въ родство и заключалъ союзы³⁵⁸). Такъ, въ 1398 году онъ, вмѣстѣ съ братьями, заключилъ договорную грамоту съ Михаиломъ Александровичемъ и его дѣтьми, которою обязалъ ихъ отказаться навсегда за себя, дѣтей своихъ, племянниковъ и внуковъ отъ всякаго притязанія на Москву и Великій Новгородъ, хотя бы стали имъ давать оныя и сами Татары, быть съ нимъ заодно на Татаръ, Литву, Ляховъ и Нѣмцевъ и, въ случаѣ войны съ ними, слать Москвѣ на помощь своихъ дѣтей и племянниковъ. За то В. Князь Московскій бралъ на себя одного всю тягость и отвѣтственность въ случаѣ разрыва съ Ханомъ³⁵⁹). Князья Тверскіе, свято сохраняя этотъ договоръ, ополчались съ Московскимъ Княземъ на Витовта въ 1407 году, уже по смерти Михаила Александровича³⁶⁰).

Рязанскаго Князя Феодора Ольговича, въ 1402 году наслѣдовавшаго отцу, по волѣ Хана Шадибека, Василій также оставлялъ спокойнымъ обладателемъ его удѣла, требуя не приставать къ Татарамъ никакою хитростью и если отдалится Орда *уинить* съ нимъ *по думѣ*³⁶¹). Силу Москвы чувствовала не только вся Россія, но и Литва; и потому то стекались въ Москву Князья Литовскіе, какъ напр. Свитригайло, Симеонъ Перемышльскій, Михаилъ Хотѣтовскій, стекались бояре: Черниговскіе, Брянскіе, Яро-

³⁵⁸) Ник. Л. IV. 270. Иванъ Всеволодовичъ былъ женатъ на сестрѣ В. Князя, Анастасіи. ³⁵⁹) Акт. Арх. Эксп. I. № 14. ³⁶⁰) Ник. Л. V. 1. ³⁶¹) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 36.

славскіе и Стародубскіе ; одни — , надѣясь найти убѣжище отъ притѣсненій , другіе — , желая вступить въ службу Князя Московскаго. Василій принималъ всѣхъ ласково и давалъ цѣлые города знатнѣйшимъ пришлецамъ для жительства и кормленія. Такъ, Свитригайло и его спутники получили Владиміръ, Юрьевъ Польскій, Волокъ Ламскій, Ржевъ и половину Коломны ³⁶²). Восточный Императоръ Мануиль считалъ для себя честью быть супругомъ дочери Василя, Анны ³⁶³). Все покорствовало Москвѣ и признавало ея могущество (разумѣется, надо исключить Князей Нижегородскихъ) ; надлежало смирить только непокорныхъ Новгородцевъ , которые въ 1391 г. отказали прѣхавшему къ нимъ Митрополиту Кипріану въ судѣ , говоря : «о суду есмь крестъ цѣловали и грамоту списали «промежи себе крестную, что къ Митрополиту незватися», и не соглашались на предложеніе Кипріана уничтожить эту грамоту и сложить съ нихъ крестное цѣлованіе. Василій Димитріевичъ , прекрасно понимая , какъ много потеряетъ его собственная власть вмѣстѣ съ утратою Митрополитомъ права суда надъ Новымгородомъ , понимая , какъ весьма вѣрно выразился Пр. Соловьевъ ³⁶⁴) , что «зависѣть отъ Митрополита значитъ зависѣть отъ «Москвы», рѣшился поддержать это право силою оружія. Владиміръ Андреевичъ и Георгій Димитріевичъ овладѣли Торжкомъ и , захвативъ многія волости Новгородскія , разорили ихъ въ конецъ. Въ отмщеніе за то, Новгородцы выгѣхали въ поле , предводимые Князьями Романомъ Литовскимъ и Константиномъ Бѣлозерскимъ , также лучшими воеводами своими, взяли Кличень Городокъ и Устюжну ; а вооруженные ими Двиняне и Заволочане сожгли Устюгъ городокъ. Но , желая прекратить бесполезное кро-

---

³⁶²) Ник. Л. V. 26. ³⁶³) *ibid.* IV. 250—251. ³⁶⁴) Объ отношеніяхъ Новгорода къ В. Князьямъ, С. Соловьева стр. 76.

вопролитіе , Новгородцы отправили къ В. Князю пословъ съ челобитіемъ по старинѣ , а къ Митрополиту съ своей крестной грамотой ³⁶⁵). Посольство было принято, и удовлетворенный Кипріанъ отправилъ къ нимъ благословенную грамоту, въ которой писалъ: «ї нѣѣ обращенія «радї вашего Ѡ грѣха этого прощаю васъ ї блѣвляю, «такожъ и сѣѣ мои Великіи Кнѣзь (пропущено Василии) «Димитрійвичъ ваше челобитное моленіе приемлетъ и «миръ по древнему даетъ вамъ» ³⁶⁶). Вслѣдъ за тѣмъ послы Великокняжескіе подкрѣпили этотъ миръ въ самомъ Новѣгородѣ и привезли В. Князю черныи боръ съ волостей Новгородскихъ , да 200 р. Митрополиту за его благословеніе. Но въ дѣлахъ виѣшнихъ Новгородцы сохраняли прежнюю независимость , и когда въ 1397 г. Василій , изъ угожденія къ тестю своему, воинственному Витовту , хотѣлъ заставить ихъ разорвать миръ съ Нѣмцами , они смѣло отвѣчали : «Княже Василей ! съ тобою «свой миръ , а съ Витовтомъ инѣ , и съ Нѣмци инѣ» ³⁶⁷). Но такой отвѣтъ раздражилъ В. Князья , и ни владыка Новгородскій , ни посадники не могли его умилоствовать. Оставалось прибѣгнуть къ оружію. 3000 Новгородцевъ съ лучшими воеводами отправились за Волокъ , повоевали волости Бѣлозерскія , взяли на щитъ Кубенскія и Галицкія , овладѣли и ограбили Устюгъ и Орлецъ , взяли окупъ въ 2000 р. и 3000 коней со страны Двинской , покорной Василью , и произвели много насилія надъ боярами Двинскими ³⁶⁸). Впрочемъ , Василій заключилъ съ ними миръ въ томъ же 1398 году. Этимъ ограничились враждебныя дѣйствія Василія къ Новугороду. Въ остальные годы его Княженія онъ неоднократно прибѣгалъ къ В. Князю , прося его помощи противъ Витовта , Нѣмцевъ

³⁶⁵) П. С. Р. Л. IV. 100. ³⁶⁶) Собр. Гос. Гр. и Д. II. № 13. ³⁶⁷) П. С. Р. Л. IV. 102. ³⁶⁸) *ibid.* 102 и 103.

и Псковичей, и охотно покорялся его братьямъ, не боясь однако принимать съ честью и гостепріимно и враговъ его. Все доселѣ сказанное нами о Василіѣ Димитріевичѣ убѣждаетъ насъ, что характеристическая черта его политики была осмотрительность и благоразуміе.

Но нигдѣ не обнаружилось это яснѣе, какъ въ дѣлахъ съ Литвою и Татарами.

Женатый на дочери Витовта, В. Князя Литовскаго, Софіи ³⁶⁹), Василій Димитріевичъ долго старался сохранять миръ съ тестемъ, неоднократно ѣздилъ на свиданіе съ нимъ въ Смоленскъ, принималъ и его у себя съ великою честью на Коломнѣ, спокойно смотрѣлъ, какъ онъ тѣснитъ Князей Смоленскихъ, подтверждалъ съ нимъ дружбу, даже Новгородцевъ принуждалъ, въ угожденіе ему, къ войнѣ съ Нѣмцами и долженъ былъ за то выдержать упорную брань съ Новымгородомъ, и все это потому только, что чуждался мѣръ рѣшительныхъ и надѣялся миромъ и политикой оградить свое Княжество отъ честолюбія Литовца. Но на этотъ разъ его расчетъ не былъ вѣренъ. Излишняя осторожность была причиной для Россіи потери Смоленска. Отказавъ Георгію Святославичу Смоленскому не только въ помощи, но и въ принятіи за себя всего Княженія Смоленскаго, онъ погубилъ его. Витовтъ, жадный на пріобрѣтенія, захватилъ и городъ, и все Смоленское Княжество; Князей, супругу Георгія и многихъ бояръ отослалъ въ Литву, а надъ нѣкоторыми показалъ примѣръ своей жестокости. Во всемъ Княжествѣ Смоленскомъ были поставлены Ляшскіе намѣстники ³⁷⁰). Убѣжденный только такими рѣшительными притязаніями тестя на господство въ Россіи, еще болѣе просьбами Псковичей и Новгородцевъ и ропотомъ Князей Литовскихъ и Ляховъ, нашедшихъ себѣ

³⁶⁹) П. С. Р. Л. IV. 97 и 99. ³⁷⁰) *ibid.* 407.

убѣжище въ Москвѣ³⁷¹⁾, Василій отважился поднять оружіе на Витовта. Въ 1407 г., подкрѣпляемый Твертянами и Татарами, онъ выступилъ противъ Витовта; но не осмѣлился вступить съ нимъ въ бой. Враги разошлись послѣ нѣсколькихъ дней бездѣйствія и заключили перемиріе³⁷²⁾. Въ послѣдствіи В. Князь долженъ былъ предпринять еще нѣсколько походовъ противъ тестя; но это дѣлалось болѣе, чтобы показать злему врагу, что Москва всегда готова дать ему отпоръ. При Василіѣ границею Россіи на западѣ со стороны Литвы сдѣлалась рѣка Угра.

Не желая подобно отцу своему раздражать Хановъ явнымъ стремленіемъ къ независимости, Василій рѣшился по отношенію къ нимъ держаться благоразумной политики Калиты т. е. усыплять ихъ видимою покорностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ пользоваться каждымъ случаемъ, который могъ ослабить цѣпи нашего рабства. Утвержденный Тохтамышемъ въ достоинствѣ В. Князя³⁷³⁾, Василій безъ его воли не смѣлъ объявить никакихъ притязаній и на Нижній Новгородъ. Но скоро Русь испытала ужасы прежнихъ пашествій. Въ 1395 г. повелитель всего Востока, побѣдитель Баязета, грозы Восточной Имперіи, и Тохтамыша, Тамерланъ, изгнавъ послѣдняго вторично изъ Сарая и преслѣдуя его съ береговъ Волги, дошелъ до Русской границы, вторгся въ землю Рязанскую, овладѣлъ Ельцемъ и уже шелъ на Москву³⁷⁴⁾. В. Князь вооружился и ожидалъ грознаго врага близъ Коломпы. Москва была въ страхѣ. Но Митрополитъ Кипріанъ высилъ духъ народа перенесеніемъ изъ Владиміра чудо-

371) Ник. Л. IV. 317. 372) *ibid.* V. 1. 373) П. С. Р. Л. IV. 97. 374) *Expédition de Timour-i-lenk contre Toqtamische, par M. Charmoy. Mém. de l'Acad. des sciences de St.-Petersb. III. 6ème série. Extraits du présent de l'érudit, chap. LXXXXIII.*

творной иконы пречистой Богородицы, писанной Евангелистомъ Лукою. Вѣра спасла Русскихъ. Въ тотъ самый день, въ который Москва радостно встрѣчала какъ избавительницу икону Богоматери, Тамерланъ, устрашенный, по словамъ лѣтописца, какимъ то дивнымъ сномъ, внезапно отступилъ изъ предѣловъ Россіи съ береговъ Дона, до верховьевъ коего уже дошелъ ³⁷⁵).

Между тѣмъ въ Ордѣ смѣнилъ Тохтамышъ Темиръ-Кутлуй, въ послѣдствіи побѣдитель Витовта. За Темиръ-Кутлумемъ слѣдовали Шадибекъ и Булатъ - Салтанъ. Все это сопровождалось сильнѣйшими потрясеніями, такъ что Василій Димитріевичъ считалъ возможнымъ не поддерживать болѣе прежнихъ отношеній къ Ханамъ, пересталъ ѣздить въ Сарай и пѣсколько лѣтъ не посылалъ ни выхода, ни бояръ. Но хотя Орда и представляла картину смуть и неустройствъ, однако была сильна еще; потому что душою ея былъ хитрый и твердый Эдигей. Долго сохраняя съ Васи́лемъ самыя дружескія сношенія ³⁷⁶), называя его своимъ сыномъ, даже помогая ему въ борьбѣ съ Витовтомъ, онъ между тѣмъ острилъ на него мечъ и въ 1408 году вторгся въ Россію черезъ область Рязанскую, разбилъ ея Князя Феодора Ольговича, далѣе рать Коломенскую, подступилъ къ Москвѣ 23 Ноября и, послѣ неудачной осады, продолжавшейся цѣлый мѣсяць, по причинѣ мужественной обороны Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, отступилъ, взявъ съ города 3000 р. окупа ³⁷⁷). Города Переяславль, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Верея, Нижній Новгородъ, Городецъ и «предѣлы дому Святаго спаса» — волость Клинская были разорены въ конецъ ³⁷⁸).

Новыя неустройства въ Ордѣ потребовали присутствія

---

³⁷⁵) Ник. Л. IV. 260 — 263. ³⁷⁶) *ibid.* V. 20. ³⁷⁷) П. С. Р. Л. IV. 110.
³⁷⁸) Ник. Л. V. 23—26.

Эдигея, и онъ спѣшилъ оставить Россію. Но Василій уже чувствовалъ, какъ слабѣетъ Орда, и перемѣнилъ тонъ, не оказывалъ прежняго уваженія ни посламъ, ни гостямъ Татарскимъ, не платилъ дани исправно, отзываясь разореніемъ Россіи (ркучи, что ся улусъ истомилъ), не ѣхалъ болѣе къ Царю съ поклономъ, не посылалъ и бояръ, и какъ ни упрекалъ его въ томъ чрезъ письмо свое Эдигей, съ горестью вспоминая о его бояринѣ Феодорѣ Кошкѣ, котораго и нравы, и дѣла, и дума къ Ордѣ были, по словамъ его, добры, какъ ни убѣждалъ слушать старцевъ и спрашивать: «какъ ся прежде дѣяло», совѣтуя исправиться, «ино бы напасти улусу не учинилося, а крестьяне бы не погибли»³⁷⁹), Василій пересталъ унижаться предъ Ханами. Если онъ и ѣздилъ въ 1413 году въ Орду, то единственно потому, что тогда Ханскій престолъ занималъ, дружелюбный ему, сынъ Тохтамыша, Зелени-Салтанъ³⁸⁰), а Эдигей былъ даже изгнанъ.

Такимъ образомъ, Василій былъ скорѣе союзникомъ, чѣмъ давникомъ Орды, да и союзникомъ не всегда вѣрнымъ. Обладая удивительнымъ тактомъ, онъ умѣлъ извлечь изъ Хановъ всѣ необходимыя для себя выгоды и угадалъ, когда можно дать новый характеръ своимъ сношеніямъ съ ними. Связь съ Ордою сдѣлалась такъ слаба, что Іоаннъ III безъ труда и опасности могъ разорвать ее въ 1480 году.

Московское Княжество стояло уже на высокой степени могущества; предѣлы его распространились далеко на сѣверовостокъ; Князья всѣ были покорны; иго Монгольское не угнетало по прежнему; граница Литовская была обезопасена; Василю оставалось упрочить дѣло отца т. е. новый порядокъ престолонаслѣдія, лишивъ

³⁷⁹) Собр. Гос. Гр. и Д. II. № 15. П. С. Р. Л. IV. 110 и 111. Ник. Л. V. 26 и 27. ³⁸⁰) Ник. Л. V. 43 и 44.

братьевъ послѣдней надежды на престолъ. Василіи зналъ хорошо волю отца своего и смыслъ оговорки, сдѣланной имъ въ духовномъ завѣщаніи: а по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего Князя Василья и т. д.³⁸¹), и потому, еще въ 1406, съ согласія дяди, Владиміра Андреевича, и братьевъ, Петра и Андрея, назначилъ преемникомъ себѣ сына своего Іоанна³⁸²), а когда смерть похитила его въ 1417 году, перемѣнилъ въ 1423 году духовное завѣщаніе въ пользу другаго сына своего Василія³⁸³). По эта мѣра кажется не слишкомъ нравилась Константину и Георгію Димитріевичамъ. Первый, болѣе пылкій, еще въ 1420 году обнаруживалъ явное упорство признать племянника старѣйшимъ себя — и мы видѣли опалу, которая его постигла; второй, болѣе хитрый и осторожный, ограничился тѣмъ, что не присоединилъ своего имени къ именамъ братьевъ, безъ труда согласившихся подтвердить волю В. Князя, и, затаивъ злобу въ сердцахъ, рѣшился отыскивать свое право по смерти Василія Димитріевича. Но дѣло Василія было сдѣлано! Князя, бояре, Духовенство и народъ давно привыкли смотрѣть на его малолѣтнаго сына, какъ на истиннаго наслѣдника престола, и право его сдѣлалось неоспоримо.

КНЯЖЕНІЕ

ВАСИЛІЯ ВАСИЛІЕВИЧА ТЕМНАГО.

Княженіе Великаго Князя Василія Василіевича представляетъ намъ послѣднюю борьбу понятій удѣльной системы съ понятіями новыми, возникшими изъ политики Калиты и его преемниковъ, борьбу, ознаменованную

³⁸¹) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 34. ³⁸²) *ibid.* № 39. ³⁸³) *ibid.* № 41.

ожесточенною дѣятельностью представителей древняго права старѣйшинства, неуваженіемъ къ святости договоровъ и ревностной готовностью народа, Духовенства и бояръ утвердить престолъ за Василиемъ Василиевичемъ и сохранить новыи порядокъ вещей.

Едва сѣлъ Василій на Великомъ Княженіи Московскомъ, какъ дядя его Георгій объявилъ свои притязанія на оный и, только уstraшенный войсками племянника, предводимыми Князьями Пестромъ и Андреемъ Димитріевичами, и гнѣвомъ, присланнаго къ нему для заключенія вѣчнаго мира, митрополита Фотія, согласился передать дѣло на судъ Хаускій³⁸⁴). Впрочемъ, соперники до самаго 1431 года жили въ мирѣ и даже въ 1428 подтвердили его договорной грамотой, по которой В. Князь обязался не вмѣшиваться въ удѣлъ дяди, Галичь и Вятку, а Георгій — не принимать къ себѣ на службу его Князей служебныхъ, подъ опасеніемъ лишенія ихъ вотчинъ³⁸⁵).

Отправились они къ Хану только въ 1432 году³⁸⁶), послѣ розмирія, бывшаго у нихъ въ 1431 году³⁸⁷). Торжествомъ своимъ въ Ордѣ Василій былъ обязанъ уму боярина своего Ивана Дмитріевича, такъ хорошо умѣвшаго польстить Князьямъ ордынскимъ, въ особености Андару и Мицбулату, что они единодушно ударили челомъ Хану Махмету, прося у него Княженія Василю Василиевичу³⁸⁸). Ханъ исполнилъ ихъ желаніе и даже готовъ былъ подвергнуть его соперника величайшему униженію, именно: заставить его вести коня подъ племянникомъ. — Но великодушіе Василя спасло его, а предста-

³⁸⁴) Ник. Л. V. 82—85. ³⁸⁵) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 43. и 44.

³⁸⁶) Ник. Л. V. 409 и П. С. Р. Л. III. 111. ³⁸⁷) Ник. Л. V. 98. ³⁸⁸) *ibid.* 108—111.

тельство Князя ордынскаго Ширипъ - Тягиня доставило ему Дмитровъ съ волостями. Василій Василіевичъ возвратился въ Москву съ посломъ Царевымъ, Мансырь — Уланомъ, который и «садилъ его, какъ сказано въ лѣтописи, «на Великое Княженъе у Пречистые у золотыхъ дверей» т. е. въ храмъ Успенія Богоматери ³⁸⁹). Впрочемъ скоро Князь Галицкій, подстрекаемый измѣнникомъ — честолюбцемъ, бояриномъ Иваномъ Дмитріевичемъ и собственными дѣтьми, изъ коихъ Василій Косой былъ жестоко обиженъ Великой Княгиней Софіей Витовтовной ³⁹⁰), напалъ врасплохъ на В. Князя и разбилъ его на голову, въ 20 верстахъ отъ Москвы близъ Клязьмы ³⁹¹). Василій Василіевичъ бѣжалъ въ Кострому, а Георгій водворился на Московскомъ престолѣ и спѣшилъ заключить договорныя грамоты съ Князьями Можайскими, которыхъ Василій не задолго передъ тѣмъ общалъ пожаловать, если добудетъ своей вотчины ³⁹²). Они цѣловали къ Георгію крестъ: «не канчивоти безъ него, ни ссылатися съ его «братаничемъ со Княземъ съ Васильемъ, ни съ инымъ «ни съ кѣмъ, а целованіе къ нему (Василію) сложити «и быти съ нимъ (Георгіемъ) на него заодинъ и блюсти подъ пимъ и подъ его дѣтьми всего его Великаго «Княженъя и чѣмъ благословилъ его отецъ и чѣмъ по«жаловалъ Богъ и Царь» ³⁹³). Подобный же договоръ былъ заключенъ съ Княземъ Рязанскимъ Іоанномъ Теодоровичемъ, который далъ слово не только не ссылатися съ Великимъ Княземъ, но и не принимать въ свою вотчину ни его, ни бояръ, которые ему служатъ ³⁹⁴). Георгій преслѣдовалъ племянника и въ самой Костромѣ и, только по ходатайству любимца своего, боярина Морозова, далъ ему въ удѣлъ Коломну ³⁹⁵). Но преданность

³⁸⁹) Ник. Л. V. 111. ³⁹⁰) *ibid.* 112 и 113. ³⁹¹) *ibid.* 114. ³⁹²) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 46. ³⁹³) *ibid.* № 47. ³⁹⁴) *ibid.* № 48. ³⁹⁵) Ник. Л. V. 114.

народа Василию принудила Георгія уступить ему престолъ; ибо почти вся Москва переселилась въ Коломну. Онъ даже обязался письменнымъ договоромъ не принимать до живота дѣтей своихъ большихъ, Князя Василья, да Князя Димитрія (враждебныхъ Великому Князю), и возвратить городъ Дмитровъ съ ярлыками Ханскими, въ замѣнъ чего получилъ Сурожикъ, Лучинское, Шепковы, Шачебалъ, Ликурги и нѣкоторыя Костромскія волости³⁹⁶). Не долго соблюдалъ Георгій данную клятву. Въ 1434 году, вступивъ въ союзъ съ дѣтьми своими, онъ началъ новую войну съ В. Княземъ и принималъ участіе въ побѣдѣ на рѣкѣ Кусѣ³⁹⁷). Василій хотѣлъ наказать его оружіемъ; но, разбитый на голову въ области Ростовской, былъ принужденъ бѣжать въ Новгородъ³⁹⁸). Союзникъ его, Князь Можайскій Іоаннъ Андреевичъ, передался на сторону его враговъ. Едва достигнувъ власти, Георгій умеръ въ слѣдствіе жестокаго недуга. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи, писанномъ, какъ справедливо замѣчаетъ Карамзинъ, за долго до его смерти, онъ назначилъ дѣтямъ слѣдующіе удѣлы: Василию — Звенигородъ и волости Угожь, Плѣснь, Тростну, Негучу и другія, также нѣсколько Московскихъ селъ; Димитрію старшему — Рузу и волости Замосье, Кремичну, Фоминское; Димитрію меньшему — Галичъ, Вышгородъ, Истыю, Истерву. Вятка была предоставлена въ общее владѣніе³⁹⁹). Василій Косой занялъ было мѣсто отца на престолѣ Великокняжескомъ; но братья объявили ему: «аще не возхотѣ Богъ, да княжить отецъ нашъ, а тебѣ и сами не хотимъ»⁴⁰⁰) и вслѣдъ за симъ призвали Василія Василіевича, пробиравашагося въ Орду. Онъ возвратился и заключилъ съ Димитріемъ Шемякою миръ, предоставивъ ему по договору Ржевъ и Угличъ, а

³⁹⁶) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 49 и 50. ³⁹⁷) Ник. Л. V. 116. ³⁹⁸) *ibid.* 117.

³⁹⁹) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 51. ⁴⁰⁰) Ник. Л. V. 118.

себѣ взявъ Звенигородъ, удѣлъ Василя Косаго. Отношенія между ними были опредѣлены такъ, что В. Князь обѣщалъ «держать Дмитрія въ братствѣ и во чти безъ «обиды, какъ держалъ отецъ его Василій Дмитріевичъ «брата своего молодшего Юрья Дмитріевича»⁴⁰¹). Василій Косой хотѣлъ было поддержать свое право оружіемъ, но, видя всюду неудачи, смирился и далъ клятву держать Княженіе брата своего старѣйшаго Василя честно и грозно, не искать подъ нимъ Великаго Княженія — Москвы, даже не брать его, хотя бы и Татары стали давать ему оное, жить въ Москвѣ, по душевной грамотѣ Дмитрія Донскаго, и довольствоваться, пожалованнымъ ему въ удѣлъ, Дмитровомъ съ волостями. Въ 1436 году В. Князь, подкрѣпляемый многими союзниками, уничтожилъ послѣднюю попытку Василя Косаго овладѣть престоломъ, разбивъ его въ рѣшительной битвѣ при Скорятинѣ, взявъ въ плѣнъ и ослѣпивъ безчеловѣчно⁴⁰²). Дмитрій Шемяка, только что выпущенный В. Княземъ изъ темницы, вступилъ съ нимъ (Василіемъ Василіевичемъ) въ дружественныя сношенія⁴⁰³), но измѣнилъ, какъ только свѣдалъ, что онъ, въ несчастной битвѣ съ Татарами, подъ Суздалемъ, сдѣлался плѣнникомъ Улу-Махмета. Не успѣвъ продолжить плѣнъ В. Князя, ибо Татары отпустили Василя за выкупъ въ 200,000 р., онъ увѣрилъ Князя Тверскаго Бориса и Можайскаго Іоанна, что Василій хочетъ предать землю Русскую Татарамъ, а самъ сѣсть въ Твери, и, составивъ партію изъ его недоброжелателей, рѣшился захватить его въ монастырѣ Живоначальной Троицы. Коварный замысль удался. Не взирая на святость мѣста, злодѣи схватили В. Князя, отвезли въ Москву, ослѣпили и потомъ сослали въ Угличъ⁴⁰⁴).

⁴⁰¹) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 52, 53, 54, 55. ⁴⁰²) Ник. Л. V. 120 и 121.
⁴⁰³) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 56, 57, 58, 59. ⁴⁰⁴) Ник. Л. V. 202—205.

Дѣти его были призрѣны Князьями Рязанскими, Ивановъ, Семеномъ и Дмитріемъ, которые бѣжали съ ними въ Муромъ. Вѣрный союзникъ его, Василій Ярославичъ Князь Боровскій, и вѣрные бояре, Оболенскіе и Феодоръ Басенокъ, искали убѣжища въ Литвѣ⁴⁰⁵). Попытка ихъ освободить Василю не имѣла успѣха: они были разбиты воеводами Шемяки при устьяхъ Мологи⁴⁰⁶). Наконецъ, настойчивость владыки Рязанскаго, будущаго Митрополита Московскаго, Іоны доставила Василю свободу. Дмитрій назначилъ ему для жительства Вологду. Но, получивъ свободу и вслѣдъ за тѣмъ благословеніе Трифона, Игумена монастыря Кириловскаго, на Великое Княженъ⁴⁰⁷), Василій рѣшился добывать его. Тверь сдѣлалась сборнымъ пунктомъ многочисленныхъ его приверженцевъ. При содѣйствіи Князя Боровскаго, Князей Рязанскихъ, Оболенскаго, Феодора Басенка, множества Князей, воеводъ и дѣтей боярскихъ, даже двухъ Царевичей Татарскихъ, Трегубъ Кайсыма и Ягува, возвратилъ Василій Василевичъ утраченное достоинство. Воевода его Плещеевъ безъ труда овладѣлъ Москвою. Дмитрій Шемяка и Іоаннъ Можайскій бѣжали въ ужасѣ сначала въ Галичъ, а потомъ въ Чухлому и Каргополь. Собственные бояре ихъ оставили и толпами переходили на службу Московскую къ Василю.

Духовенство, отъ имени всѣхъ Епископовъ, Архимандритовъ, настоятелей, всего иночества и священства, обратило къ Дмитрію свое пастырское, увѣщательное слово, въ которомъ напомнило ему всю тщету усилій его отца и брата, раскрыло предъ его глазами картину бѣдъ, причиненныхъ имъ отечеству, и цѣлую цѣпь его преступныхъ дѣяній. Его небреженію и неуправленію съ братомъ приписывало оно кровопролитіе и разореніе Россіи

⁴⁰⁵) Ник. Л. V. 206 и 207. ⁴⁰⁶) *ibid.* 208. ⁴⁰⁷) П. С. Р. Л. IV. 146.

отъ Татаръ, плѣненіе В. Князя подѣ Суздадемъ и самое продолженіе Татарскаго господства въ Россіи. За его неоднократное клятвopеступленіе и вѣроломство, ставя его на одномъ ряду съ Каиномъ и Святополкомъ, оно умоляло его изъяснить Великому Князю чистое покаяніе, обѣщало и свое ходатайство, но въ заключеніе грозно присовокупляло слѣдующее: «И аще не обратишися къ Богу и къ своему брату старѣйшему, къ Великому Князю, съ чистымъ покаяніемъ и, по Спасову словеси, чюжъ будешь отъ Бога и отъ Церкви и отъ Православныхъ Христіанскія Вѣры, и части не имаша съ вѣрными, и въ конечную погибель да пойдеша съ прежними оными бо-гомерзкими еретики временно же и будущее». Равно Святители отказывали въ своемъ благословеніи и молитвахъ и всякому, кто будетъ помогать ему на В. Князя⁴⁰⁸).

Шемяка, видя отвсюду поднимающуюся на себя грозу, спѣшилъ, вмѣстѣ съ Іоанномъ Андреевичемъ Можайскимъ, заключить договорную записку съ Михаиломъ Андреевичемъ Верейскимъ и Василиемъ Ярославичемъ Боровскимъ о томъ, чтобы имъ бить челомъ В. Князю о принятіи ихъ (Димитрія и Іоанна), своей братаи молодой, въ любовь и въ докончанье и о пожалованіи ихъ вотчинами, при чемъ Шемяка уступалъ В. Князю Угличъ, Ржевъ и Бѣжецкій Верхъ, а Іоаннъ — Алексинъ, Козельскъ и Лисинъ⁴⁰⁹).

Но въ томъ же 1448 году Шемяка пытался возвратитъ престолъ. Тогда Митрополитъ Іона, окружною грамотою ко всему народу и сановникамъ, убѣждалъ всѣхъ отложиться отъ Димитрія и покориться В. Князю, грозя прекратитъ Христіанское богослуженіе въ мятежной странѣ и затворитъ всѣ Божіи церкви⁴¹⁰).

⁴⁰⁸) Акт. Ист. I. № 40. ⁴⁰⁹) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 67. ⁴¹⁰) Акт. Ист. I. № 43.

Димитрій, послѣ неудачнаго нападенія на Кострому, снова смирился и вслѣдъ за тѣмъ, въ 1450 г., снова возсталъ. Тогда В. Князь выслалъ огромное войско, предводимое бояриномъ Оболенскимъ, дабы окончательно уничтожить соперника. Близъ города Галича произошла злѣйшая сѣча, которою замкнулась цѣпь междуусобныхъ брапей. Вся пѣшая рать Димитрія была истреблена, лучшие воеводы его взяты въ плѣнъ; самъ онъ искалъ спасенія въ бѣгствѣ и удалился въ Новгородъ⁴¹¹). Слѣдствія этой ожесточенной, двадцатилѣтней борьбы двухъ родовъ Московскаго дома были самыя благодѣтельныя для Москвы. Доказавъ приверженность бояръ, Духовенства и народа къ В. Князю Московскому, доставивъ ему несомненное могущество и всеобщее уваженіе къ его силѣ, утвердивъ навсегда престолъ за его домомъ и притомъ по низходящей линіи, она послужила въ тоже время и источникомъ приобрѣтеній для Москвы. Удѣлъ Георгія Димитріевича и его дѣтей мало по малу въ слѣдствіе сей борьбы вошелъ весь въ составъ Государства Московскаго. А по окончаніи ея Василиій Темный присоединилъ къ Москвѣ даже удѣлы Можайскій и Боровскій, не смотря на дружбу, заключенную съ ихъ Князьями, Иоанномъ Андреевичемъ и Василиемъ Ярославичемъ въ 1448 г.⁴¹²), и на вѣрную службу послѣдняго. Равнымъ образомъ и Вятчане, дѣятельно помогавшіе Шемякѣ, и по удаленіи его не престававшіе нарушать крестное цѣлованіе къ В. Князю и грабить его вотчину Сысолу, Вымъ и Вычегду, сопровождая все это жестокостями неслыханными, и не слушая пастырскаго увѣщанія умнаго Митрополита Юны⁴¹³), и Вятчане, говоримъ, были наконецъ покорены оружіемъ воеводъ Московскихъ, Князей,

⁴¹¹) Ник. Л. V. 216 и 217. ⁴¹²) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 68—72.
⁴¹³) Акт. Ист. I. 261.

Юанна Юрьевича и Дмитрія Ряполовскаго ⁴¹⁴). Города Орловъ и Котельничъ были взяты съ бою, а остальные добровольно покорились В. Князю и были приведены къ цѣлованію ему. Шемяка, преслѣдуемый проклятіями строгаго Митрополита Іоны ⁴¹⁵), влачилъ остатокъ дней своихъ въ Новгородѣ и погибъ 17 Іюля (по другимъ Іюня) 1453 года *со травы* ⁴¹⁶). Подъячій Василій Бѣда, который привезъ эту вѣсть В. Князю, былъ пожалованъ въ дьяки (и оттолѣ бысть дьякъ) ⁴¹⁷).

Съ этихъ поръ Князья стали искать особеннаго покровительства Москвы, чему примѣръ видимъ въ Іоаннѣ Феодоровичѣ Рязанскомъ, который, умирая, предоставилъ опеку надъ своимъ малолѣтнимъ сыномъ Василюмъ и всѣмъ своимъ удѣломъ Великому Князю Василю Василіевичу. По смерти отца, юный Василій былъ взятъ на воспитаніе въ Москву, а въ Рязань назначены намѣстники Московскіе.

Устремляя всю свою дѣятельность на борьбу съ дядей и двоюродными братьями, Василій долженъ былъ на время упустить изъ виду Новгородъ и смотрѣть сквозь пальцы на его радушную готовность служить убѣжищемъ безразлично и ему, и его врагамъ. Въ 1434 году онъ даже далъ Новгородцамъ миръ по старинѣ, обязался уступить имъ волости ихъ въ Бѣжецкомъ Верхѣ, на Ламскомъ Волокѣ и на Вологдѣ, и обѣщаль прислать бояръ своихъ для учиненія развода этихъ земель, но не торопился исполненіемъ данныхъ условій; по словамъ лѣтописи, ни бояръ не присылалъ, ни отчины Новгородской шигдѣ имъ не отвелъ, ни исправы не учинилъ. А между тѣмъ въ 1437 г. онъ требовалъ отъ нихъ *чернаго бору*. Вообще, онъ былъ строгъ къ Новгороду только

⁴¹⁴) Ник. Л. V. 285. ⁴¹⁵) Арт. Арх. Эксп. I. Дополн. № 372. ⁴¹⁶) П. С. Р. Л. III. 141. IV. 126 и 132. ⁴¹⁷) Ник. Л. V. 278.

въ тѣ минуты, когда оружіе его торжествовало надъ врагами. Такъ, въ 1441 г. онъ разгромилъ волости Новгородскія, подкрѣпляемый Псковичами, и уступилъ только моленію посольства Новгородскаго, въ которомъ находился и владыка Евфимій, согласившись остановить губительный мечъ свой за 8000 р. Новыя измѣны и въ особенности честь, оказанная Новгородцами клятвопреступному Шемякѣ — не смотря на всѣ увѣщанія Митрополита Юны ⁴¹⁸), были причиною того, что въ 1456 году воеводы Василия, Стрига и Басенокъ, били рать ихъ подъ Русою ⁴¹⁹). На этотъ разъ Новгородцы заплатились не только серебромъ, но и утратой нѣкоторыхъ льготъ своихъ. Договоръ, заключенный ими съ В. Княземъ Московскимъ и его сыномъ, котораго Василій сдѣлалъ соправителемъ, содержалъ условія, бросающія, такъ сказать, тѣнь на самостоятельность Новагорода и бывшія предвѣстниками его близкаго паденія. Новгородцы, отступившись В. Князьямъ земель, прибрѣтенныхъ ими въ Ростовской и Бѣлозерской областяхъ, обязались платить черную дань, не утаивать виръ и пошлинъ, отмѣнить вѣчевыя грамоты, замѣнить печать городскую Великокняжескою, не вмѣшиваться въ междоусобія Княжескія, не принимать къ себѣ ни Князя Можайскаго, ни Юанна Димитріевича Шемякина, ни матери его, ни зятей ея, ни другихъ лиходѣевъ Великихъ Князей ⁴²⁰). Все это убѣждаетъ насъ, что уже Василій Василіевичъ думалъ объ ограниченіи древнихъ льготъ Новгородскихъ и о возможности сравненія его правъ съ правами другихъ городовъ. Но это дѣло судьба предназначала его великому преемнику, въ школѣ отца почерпнувшему уроки мудрости государственной.

⁴¹⁸) Акт. Арх. Эксп. I. Дополн. № 372. ⁴¹⁹) П. С. Р. Л. IV. 132.

⁴²⁰) Акт. Арх. Эксп. I. № 58.

Василіи Темный обнаружилъ столько твердости въ теченіи всего своего Княженія и такъ смѣло встрѣчалъ и отражалъ всякій разъ вторженія въ Россію Татаръ, что вѣроятно, онъ успѣлъ бы совершенно разорвать цѣпи нашего рабства, если бы не это несчастное междоусобіе, которое заставляло его сосредоточить всѣ свои силы внутри Государства. Такъ думали и его современники. Въ посланіи Духовенства къ Шемякѣ (1448 г.) читаемъ слѣдующее: «А что Татарове во Христіанствѣ живутъ, а что вся чинить все твоего же дѣла съ твоимъ братомъ старѣйшимъ съ Великимъ Княземъ неуправленца, и тѣ слезы Христіанскіе вси на тобѣ же. А котораго часа съ своимъ братомъ старѣйшимъ съ Великимъ Княземъ управшися во всемъ чисто по крестному цѣлованью, ино мы ся въ томъ имаемъ, что тогожь часа Князь «Великій Татаръ изъ земли вопъ отилеть»⁴²¹). Дѣйствительно, Василій, еще не разрывая связей своихъ съ Ордою, продолжая даже платить ей дань, не раболѣпствовалъ болѣе предъ Ханами. Обязанный отчасти и достоинствомъ Великокняжескимъ Хану Улу-Махмету, онъ, вмѣсто благодарности, вытѣснилъ его въ послѣдствіи изъ предѣловъ Россіи своими войсками, когда онъ вздумалъ утвердиться въ Бѣлевѣ, и смѣло встрѣтилъ его въ 1446 г. подъ Суздалемъ, когда Махметъ, водворившійся тѣмъ временемъ въ Казани, рѣшился наказать его. Ни жестокое пораженіе подъ Суздалемъ, ни тяжкій плѣнъ, ни огромный выкупъ — въ 200,000 р.⁴²²), не умалили и не охладили ревности В. Князя Московскаго къ борьбѣ съ Татарами. Только при внезапномъ нападеніи Царевича Седи-Ахмата съ Княземъ ордынскимъ Едигеромъ, онъ не осмѣлился самъ встрѣтить Монголовъ, а укрѣпивъ городъ, изъ коего выгналъ самъ и вывезъ

⁴²¹) Акт. Ист. I. № 40. ⁴²²) П. С. Р. I. IV. 125.

все свое семейство, выслалъ противъ Татаръ Князя Ивана Звенигородскаго. Впрочемъ, Провидѣніе спасло Москву отъ разоренія. Татары удалились, предавъ огню одни посады⁴²³). Въ 1459 г., при новомъ ихъ вторженіи, ихъ принудилъ удалиться изъ предѣловъ Россіи юный соправитель В. Князя, сынъ его Іоаниъ. Не смотря однако на все это, Василій еще сохранялъ тѣнь покорности Ордѣ, платя ежегодно ордынскій выходъ, котораго и требовалъ у всѣхъ Князей удѣльныхъ. Но какъ слаба была уже связь съ Ордою, это видно изъ того, что единственной точкой соприкосновенія съ нею была дача ордынскаго выхода, и изъ того, что *зналъ Орду*, по выраженію договорныхъ грамотъ того времени, одинъ Великій Князь Московскій изъ всей обширной отрасли Князей Московскаго дома⁴²⁴). Тоже преимущество продолжали сохранять и старшіе Князя въ родѣ Князей Тверскихъ и Рязанскихъ⁴²⁵). Всѣ же остальные, младшіе Князя удѣльные, давно потеряли это право. Пренія понятія о владычествѣ Татаръ такъ извратились, что въ службѣ у Василя находилось два Царевича Татарскихъ, которые много содѣйствовали его возстановленію на престолѣ предковъ. Служба ихъ была столь вѣрна, что они даже поднимали оружіе на своихъ соотечественниковъ въ 1449 г., защищая отъ нихъ владѣнія Московскія⁴²⁶).

Василію Темный, понимая, что его преемнику остается до Единодержавія одинъ только шагъ, рѣшился доставить ему и всѣ средства, необходимыя для скорѣйшаго утверженія онаго, и потому назначилъ вмѣстѣ съ Великокняжескимъ достоинствомъ, собственнымъ жребіемъ на Москвѣ, т. е. третью всѣхъ пошлинъ и неотъемлемой

⁴²³) П. С. Р. Л. IV. 147. ⁴²⁴) См. договоры Князей въ Собр. Гос. Гр. и Д. I. напр. № 45. ⁴²⁵) *ibid.* № 127 и 128. ⁴²⁶) Ник. Л. V. 216.

принадлежностью каждаго В. Князя Московскаго — селами Добрятинскимъ и Васильцевымъ, — удѣлъ самый обширный, именно: Коломну, Владиміръ, Переяславль, Кострому, Галичь, Устюгъ, землю Вятскую, Суздаль, Нижній Новгородъ, Муромъ, Юрьевъ съ Великою Солью, Боровскъ, Суходоль, Калугу и множество сель Московскихъ. Остальные дѣти получили удѣлы незначительные въ сравненіи съ Іоанновымъ: Георгій — Дмитровъ, Можайскъ, Серпуховъ и нѣсколько Московскихъ сель (въ числѣ которыхъ была и Кучка). Андрей Большой — Угличь съ Устюжною, Рожаловымъ, Кистьюмою, Бѣжецкимъ Верхомъ и Звенигородомъ. Борисъ — Ржевъ, Волокъ и Рузу. Андрей Меньшій — Вологду съ Кубеною и Заозерьемъ. Великой Княгинѣ были даны въ пожизненное владѣніе Ростовъ съ тѣмъ, чтобы Князья Ростовскіе продолжали вѣдать и при ней, что вѣдали при Василіѣ, и Нерехта, а въ полную собственность купля ея: городокъ Романовъ и Усть-Шексны ⁴²⁷).

ГОСУДАРСТВОВАНИЕ

ІОАННА III ВАСИЛІЕВИЧА.

Княженіе Іоанна III представляетъ послѣдній, рѣшительный моментъ возвышенія Москвы, представляетъ рѣшеніе великой задачи, предложенной Іоанномъ Калитой, поддержанной Симеономъ Гордымъ, развитой Димитріемъ Донскимъ и доведенной почти до конца двумя Василіями. Геніальныя планы Калиты созрѣли. Оставалось нанести послѣдній ударъ волѣ Новгородской, довершить собираніе земли Русской и отшатнуться отъ Орды, не говоримъ

⁴²⁷) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 86 и 87.

свергнуть иго ; ибо оно не существовало. Оставалось обновить дѣятельность Москвы , сдѣлавъ ее средоточіемъ Государства , а не Княжества , — первенство заѣмъ господствомъ , Москву разродить въ Россію .

И все это совершилъ Іоаннъ III .

Воспитанный среди важнѣйшихъ дѣлъ государственныхъ отцемъ своимъ , который былъ политикъ хитрый и властолюбивый , самъ одаренный отъ природы геніальнымъ тактомъ выбирать благоприятное время , надежныя средства и даровитыхъ людей , Іоаннъ выразилъ въ политикѣ своей благоразуміе , постепенность и ловкую умѣренность , неизвѣстныя его отцу .

Чувствуя настоятельную необходимость соединенія Россіи въ одно цѣлое , безъ чего было невозможно ея благосостояніе и возвышеніе на степень державы сильной и самостоятельной , Іоаннъ не одобрялъ слишкомъ рѣшительныхъ мѣръ отца своего и считалъ возможнымъ совершить великое дѣло сокрушенія удѣловъ средствами болѣе мирными : тѣснымъ сближеніемъ съ Князьями удѣльными посредствомъ договорныхъ грамотъ , постепеннымъ требованіемъ умѣренныхъ вознагражденій за свое покровительство и прекращенія всякихъ сношеній съ своими врагами , убѣжденіемъ Князей , умиравшихъ бездѣтными , отказать ему всѣ свои владѣнія , возстановленіемъ отца противъ дѣтей , съ цѣлью самому сдѣлаться наслѣдникомъ раздраженнаго Князя , иногда и самовольнымъ присоединеніемъ къ Москвѣ тѣхъ удѣловъ , гдѣ не могло быть сопротивленія . Къ явному же нарушенію правъ личной свободы Князей удѣльныхъ Іоаннъ прибѣгалъ тогда лишь , когда не видѣлъ возможности достигнуть своей цѣли другимъ образомъ .

Однимъ изъ первыхъ дѣйствій государственной дѣятельности Іоанна было водвореніе въ Рязани юнаго Василия , воспитаннаго , по волѣ отца , въ Москвѣ , и скрѣ-

плєніє взаимной дружбы узами болѣе прочыими, бракомъ съ нимъ сестры В. Князя, Анны ⁴²⁸).

Нѣсколько ранѣе былъ заключенъ договоръ съ Княземъ Тверскимъ, Михаиломъ Борисовичемъ. Иоаннъ отказывался за себя, за братьевъ и за все свое потомство отъ притязаній на *Домъ Святаго Спаса, отчину Князей Тверскихъ, Тверь и Кашинъ*, требуя не принимать къ себѣ и не сноситься съ дѣтьми Князей Шемяки, Можайскаго и Боровскаго, ни съ инымъ братомъ В. Князя, который ему «загубить». Однимъ изъ условій было также помогать безъ хитрости, если по грѣхамъ найдетъ Царь съ ратью. Внесено было и старинное условіе, имѣвшее значеніе не болѣе какъ одной мертвой, уже незнаменательной, формы, — что Михаилу не искать отчины В. Князя, Москвы и Великаго Новагорода ⁴²⁹).

Не менѣе выгодный для обѣихъ сторонъ договоръ былъ заключенъ Великимъ Княземъ съ Михаиломъ Андреевичемъ Верейскимъ въ 1463 г. ⁴³⁰). Но не долго была безкорыстна эта дружба племянника и дяди. Уже въ 1465 году ⁴³¹), Князь Верейскій, вѣроятно уступая настойчивому требованію В. Князя, отдалъ ему пожалованіе отца его, В. Князя Василя, Вышгородъ «съ волостями, путями и селы». И конечно, въ своей развѣнной грамотѣ Иоаннъ не даромъ старался выставить на видъ слѣдующія слова: «а ты мой брате тое мое отчины отступился мнѣ *самъ* со веѣмъ съ тѣмъ, какъ ты былъ пожаловалъ отецъ мой Князь Великій, да и язъ Князь «Велики», желая показать, что онъ не искалъ этого пріобрѣтенія. Но не въ такихъ дѣлахъ можно было вѣрить Иоанну III! Въ 1482 году Иоаннъ взялъ съ Михаила грамоты на владѣніе по смерти его Бѣлымъ-Озеромъ съ

⁴²⁸) Ник. Л. VI. 2. ⁴²⁹) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 88 и 89. ⁴³⁰) *ibid.* № 90 и 91. ⁴³¹) *ibid.* № 92 и 93.

волостями⁴³²), а въ 1484, пользуясь мнимою виною сына Михайлова Василя и его бѣгствомъ въ Литву⁴³³), принудилъ Князя Верейскаго признать себя по новому договору наслѣдникомъ и всей его вотчины т. е. Ярославца, Бѣлаозера и Вереи, которую прежде захватилъ было за вину Василя Михайловича, но потомъ возвратилъ отцу его для пожизненнаго владѣнія. Несчастнѣйшій Михаилъ обязался прекратить всякія сношенія съ сыномъ, котораго В. Князь считалъ крамольникомъ⁴³⁴). Въ своей духовной грамотѣ Князь Верейскій подтвердилъ еще разъ эту волю свою и предоставилъ Іоанну, котораго называлъ своимъ Господиномъ и Государемъ, уже обѣщанную вотчину со всѣмъ, что къ ней потягло, и свой жребій на Москвѣ, чѣмъ благословилъ его отецъ Князь Андрей Дмитріевичъ. Михаилъ позволилъ себѣ только одно: наградить нѣкоторыхъ изъ вѣрнѣйшихъ бояръ, какъ напр. Ромодановскаго и Пушечникова — волостями своими⁴³⁵). Такимъ образомъ удѣлъ Верейскій прикпулъ къ Москвѣ. Василій Михайловичъ, сынъ послѣдняго Князя Верейскаго, жившій изгнанникомъ въ Литвѣ, хотя и получилъ въ послѣдствіи, но собственному желанію, позволеніе вступить въ службу къ Государю Московскому⁴³⁶), однако не вѣзжалъ болѣе въ Россію.

Стремясь къ собранію земли Русской въ одно цѣлое, Іоаннъ не спускалъ глазъ съ удѣловъ родныхъ своихъ братьевъ и рано обнаружилъ твердое намѣреніе присоединить ихъ отчины къ своимъ, уже обширнымъ, владѣніямъ.

Такъ, въ 1472 г., не довольствуясь одними селами, которыя завѣщалъ ему, умирая, родной его братъ Юрій,

⁴³²) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 113 и 114. ⁴³³) Ист. Гос. Рос. Кар. VI. 113. пр. 288. ⁴³⁴) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 118. ⁴³⁵) *ibid.* № 121. ⁴³⁶) *ibid.* II. № 22.

и пользуясь неопредѣленностью его духовной грамоты, въ которой ни слова не упоминалось о Дмитровѣ, Можайскѣ и Серпуховѣ⁴³⁷), захватилъ Іоаннъ весь его удѣлъ и принудилъ братьевъ, Андрея Углицкаго и Бориса Волоцкаго признать оный особыми договорами неотъемлемою собственностью его, сына и соправителя его, Великаго Князя Іоанна Іоанновича и всѣхъ дѣтей, которыхъ Богъ ему дастъ, и не домогаться его (удѣла) никакою хитростью⁴³⁸).

Понимая, что участь удѣла Юріева должны испытать рано или поздно и всѣ прочіе удѣлы, и убѣдившись въ непреклонной твердости Іоанна, братья его старались по возможности оградить себя отъ насилій и обезоружить грознаго брата изъявленіемъ ему покорности.

Такъ, Борисъ Волоцкій, идя на дѣло своего Господина и брата старѣйшаго, какъ самъ выражался, и опасаясь найти въ этомъ дѣлѣ смерть, молилъ Іоанна, «Осподаря «своего, жаловать и печаловаться его сыномъ Θεодоромъ, «Княгинею и остальными дѣтьми, какъ Богъ ему положитъ на сердце»⁴³⁹). Правда, Борисъ жилъ самъ до 1492 г., и дѣти его Θεодоръ и Іоаннъ наслѣдовали ему въ управленіи его удѣломъ; но и они сдѣлали большія уступки В. Князю, сначала промѣною Коломенскихъ сель своихъ на Тверскія, въ 1497 г.⁴⁴⁰), а потомъ отказомъ въ пользу В. Князя, по духовному завѣщанію Іоанна Борисовича, 1503 г., Рузы и половины Ржева⁴⁴¹). Точно также и Андрей Меньшій, для предупрежденія всякихъ недоумѣній и ссоръ, по смерти своей сдѣлалъ (въ 1481 году) главнымъ наслѣдникомъ своимъ Іоанна, предоставивъ ему взять изъ своей казны сумму въ 30,000 рублей, задолженную въ разныя времена и въ разныхъ случа-

---

⁴³⁷) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 96. ⁴³⁸) *ibid.* № 97 и 99. ⁴³⁹) *ibid.* № 105. ⁴⁴⁰) *ibid.* № 129. ⁴⁴¹) *ibid.* № 132.

яхъ, особенно при платежѣ ордынскаго выхода, и присоединить къ В. Княженію Московскому: Вологду, Кубену, Заозерье, по смерти матери и Иледамъ съ Обнорой, Комелой, Волочкомъ, Бахтогой, Ухтомкой, Сямой и Янгосаромъ съ другими мѣстами, а дѣтямъ В. Князя отказавъ разныя драгоценности и сверхъ того Василию Іоанновичу село Тонипское. Братьямъ же онъ отдалъ только Андрею — Раменейце и Борису — село Ясенеvское у Москвы⁴⁴²).

Изъ всѣхъ братьевъ Іоанна самымъ опаснымъ для него соперникомъ былъ Андрей Большой Углицкій. Крѣпко преданный старинѣ, поддерживаемый нѣжно любившею его матерью Маріею, въ послѣдствіи инокиней Марѳой, онъ не могъ спокойно смотрѣть, какъ Іоаннъ правдой и неправдой дѣлался наслѣдникомъ всѣхъ выморочныхъ удѣловъ, примышлялъ цѣлыя области и не дѣлился ими съ братьями и какъ искоренялъ право вольнаго перехода бояръ отъ одного Князя къ другому, право, утратившее впрочемъ свой смыслъ и приносившее въ то время уже не пользу, а вредъ Государству, и потому онъ обнаруживалъ явное недоброжелательство къ Іоанну⁴⁴³), нарушалъ заключенный съ нимъ договоръ и неохотно признавалъ его собственностью удѣлы выморочные. Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ В. Князя, угрожаемаго съ сѣвера непрочной вѣрностью Новгородцевъ, съ запада коварною Литвою и съ юговостока Ордою, онъ соединился въ 1479 г. съ Борисомъ Волоцкимъ и стоялъ цѣлое лѣто въ Великихъ Лукахъ, «думаячи въ Литву или въ Новгородъ Великій»⁴⁴⁴).

В. Князь, не желая ослаблять себя враждою съ брать-

⁴⁴²) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 112. ⁴⁴³) Ист. Гос. Рос. VI. гл. III. 90 и 91. ⁴⁴⁴) Лѣтописецъ содержащій въ себѣ російскую Исторію отъ 852—1598 г. изд. въ Москвѣ 1781 г. стр. 157.

ями въ ту минуту, когда Ахматъ шель грозно на Россію, готовъ былъ удовлетворить безпокойнаго Андрея Калугой и Алексинымъ и послалъ къ нему для увѣщанія красно-рѣчиваго Святителя Ростовскаго Вассіана: но Андрей уступилъ единственно убѣжденіямъ матери и даже согласился подать В. Князю помощь противъ Ахмата, за что Іоаннъ наградилъ его Можайскомъ. По смерти матери (1484 г.), Іоаннъ сталъ оказывать явную недовѣрчивость къ братьямъ. Такъ, въ 1486 г., завоевавъ Тверь, онъ спѣшилъ заключить съ ними договоръ, которымъ обязалъ клятвенно: не вступаться въ его примыслы, удѣлы, Верейскій, Дмитровскій, Вологодскій и Тверскій, и не сноситься ни съ Литвою, ни съ измѣнникомъ Тверскимъ, В. Княземъ Михаиломъ Борисовичемъ, ни съ Новымгородомъ, ни со Псковомъ⁴⁴⁵). А въ 1491 г. Іоаннъ рѣшилъ, что пора примкнуть къ Москвѣ и Княжеству Углицкому, объявилъ Андрея измѣнникомъ за отказъ выслать воеводъ своихъ на помощь Менгли-Гирею противъ Царей Сейдъ-Ахмата и Шигъ-Ахмата, припомнилъ всѣ его старыя вины и, возложивъ на него въ собственномъ дворцѣ своемъ тяжелыя цѣпи, какъ на преступника государственнаго, заточилъ дѣтей его въ Переяславль, а вѣрнѣйшихъ бояръ разослалъ по городамъ. Удѣлъ его былъ присоединенъ къ Москвѣ⁴⁴⁶).

Пятью годами ранѣе этого событія сокрушилъ Іоаннъ самостоятельность Твери, которая хотя и не могла быть опасна для него, но, сохраняя видъ Княжества независимаго и притомъ Великаго, не согласовалась съ новымъ порядкомъ вещей и была какъ бы живымъ противорѣчіемъ вводимаго единовластія.

В. Князь Тверскій, Михаилъ Борисовичъ, не довѣрляя

⁴⁴⁵) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 423 и 425. ⁴⁴⁶) Ист. Гос. Рос. Карамзина VI. 128 и 129.

изъявленію дружбы В. Князя и видя, какъ падаютъ удѣлы, какъ Новгородъ теряетъ свои льготы, вообще какъ далеко простираетъ свои виды Іоаннъ, рѣшился наконецъ оградить себя союзомъ съ врагомъ Москвы, Казимиромъ, Королемъ Польскимъ и В. Княземъ Литовскимъ, и отправилъ къ нему грамоты, какъ говоритъ лѣтопись, «поднимая его войною на Ивана Васильевича»⁴⁴⁷). Іоаннъ, свѣдавъ о такой неправдѣ Князя Тверскаго, соединился съ братьями и подступилъ къ Твери. Михаилъ принужденъ былъ торжественно передъ посломъ В. Князя Московскаго сложить крестное цѣлованіе къ Казмиру и впредь безъ его думы и вѣдома не заключать договоровъ и не ссылатся ни съ Казмиромъ, ни съ его дѣтьми, ни съ кѣмъ, кто ни будетъ Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, а также не принимать къ себѣ и не ссылатся съ лиходѣями В. Князя, дѣтьми Князей Можайскаго, Галицкаго и Боровскаго, и ни съ кѣмъ, кто закрубитъ Іоанну⁴⁴⁸). Но, узнавъ въ слѣдующемъ году изъ перехваченнаго письма Михаила къ Казмиру о тайныхъ сношеніяхъ его съ Литвою, Іоаннъ спѣшилъ лишить Княжество Тверское его самобытности. Онъ поднялъ, по выраженію Псковской лѣтописи, всю Русскую землю и всю силу Новгородскую, соединился съ братьями и, подступивъ къ Твери 8 Сентября 1486 года, 10-го зажегъ всѣ посады; а 11-го къ нему уже явились изъ города Князья и бояре и били ему челомъ, прося принять ихъ къ себѣ на службу. Михаилъ бѣжалъ въ Литву; братья его (но не родные, ибо онъ не имѣлъ родныхъ братьевъ) и другіе родственники, во главѣ которыхъ стоялъ дядя Михаилъ Холмскій, спѣшили съ Епископомъ Вассіаномъ Тверскимъ въ лагерь Іоанна, а народъ охотно отворилъ городскія ворота. Іоаннъ, по при-

⁴⁴⁷) П. С. Р. Л. IV. 156. ⁴⁴⁸) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 119.

веденіи жителей къ присягѣ, вѣтриль управленіе Тверью старшему сыну своему Іоанну⁴⁴⁹). Князьямъ Ярославскимъ приспѣло разставаніе или прошеніе, какъ говоритъ лѣтописецъ⁴⁵⁰), съ ихъ отчинами еще въ 1483 году: онѣ были присоединены къ Москвѣ «печалованіемъ» дьяка В. Князя Алексѣя Полуехтовича⁴⁵¹). А въ 1474 г. и Ростовскіе Князья уступили окончательно свой удѣль Іоанну, довольствуясь честью быть у него на службѣ⁴⁵²). Іоаннъ признавалъ независимость одной Рязани, гдѣ княжилъ зять его Василій Іоанновичъ, который умеръ въ 1483 г., оставивъ свой удѣль двумъ сыновьямъ, Іоанну и Феодору. В. Князь Московскій заключилъ съ первымъ, какъ В. Княземъ Рязанскимъ, дружественный договоръ⁴⁵³). Въ послѣдствіи братья, вѣроятно опасаясь властолюбивыхъ замысловъ Іоанна, заключили и между собой договоръ, во всемъ сходный съ тѣми, какіе заключались В. Князьями Московскими съ удѣльными, включивъ одно весьма любопытное для насъ условіе: «А не «будеть у мене детей (говорилъ Іоаннъ Рязанскій), и «миѣ Великому Князю Великимъ Княженемъ благословити тебя своего брата; а не будетъ у тебя (Феодора) «детей, и тебе моему брату своей отчины не отдати ни «которою хитростью мимо меня В. Князя»⁴⁵⁴). Но это условіе не было соблюдено. Удѣльный Князь Рязанскій Феодоръ отказалъ послѣ себя, какъ то видно изъ завѣщанія самого Іоанна, дядѣ т. е. В. К. Московскому — свой удѣль, состоявшій изъ Старой Рязани съ Перевитскомъ и *жребіемъ* на Рязани, въ городѣ и въ посадѣ. Едва ли можно думать, что такой отказъ былъ добровольный.

---

⁴⁴⁹) П. С. Р. Л. IV. 156. ⁴⁵⁰) *ibid.* 148 и 149. ⁴⁵¹) Лѣт. сод. Рос. Ист. отъ 852—1598 г. стр. 140 и 141. ⁴⁵²) Ист. Гос. Рос. VI. пр. 293. ⁴⁵³) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 115 и 116. ⁴⁵⁴) *ibid.* № 127 и 128.

Съ котораго времени дѣлилась Рязань на жребіи, не знаемъ. Думаемъ, что это устройство было подражаніемъ Московскому (чему подтвержденіемъ служить и договоръ обоихъ Князей Рязанскихъ, скопированный можно сказать съ договоръ Московскихъ); можетъ быть Князя Рязанскіе, вводя этотъ обычай въ своей отчипѣ, также руководствовались мыслью о единствѣ, подобно Іоанну Калитѣ, и надѣялись тѣмъ продолжить ея самостоятельность своего удѣла. Не смѣемъ выдавать этого за несомнѣнную истину, но заключаемъ по аналогіи съ Москвою.

Теперь обратимся къ тому, какъ утратилъ свою вольность и льготы, освященія вѣками, Великій Новгородъ.

Чувствуя, что огромныя уступки, сдѣланныя ими Василию Темному, не удовлетворяютъ Князей Московскихъ, и что скоро пробьетъ послѣдній часъ ихъ воли, Новгородцы думали объ устраненіи опасности. Но такія мысли одушевляли одно юное поколѣніе, желавшее сохранить льготы Ярослава и права вольности, присвоенныя ихъ предками по малодушію Князей или въ години бѣдствій народныхъ. Старики же, убѣжденные, что поздно думать о преградахъ Москвѣ, и утомленные бурными соображеніями вѣча, нерѣдко воздвигавшими кровавыя междоусобія, видѣли въ господствѣ Московскомъ конецъ всѣмъ неустройствамъ. Въ такомъ положеніи были дѣла въ началѣ Княженія Іоанна. До 1470 г. все было тихо. Новгородцы отстраивали и украшали свой городъ новыми храмами, съ покорностью переносили гнѣвъ Божій, посланный на нихъ страшный моръ⁴⁵⁵), и благоговѣнно воздвигали храмъ Св. Симеону Богопріимцу (въ Звѣринцѣ) за избавленіе отъ губительной болѣзни. Митрополитъ Московскій писалъ къ нимъ милостивыя посланія, пригла-

⁴⁵⁵) П. С. Р. Л. IV. 132.

шалъ ихъ владыку Юу въ Москву, а самихъ призывалъ къ дѣламъ милосердія, прося ихъ милостыни на искупленіе Гроба Господня отъ цевѣрныхъ⁴⁵⁶), изрѣдка удерживалъ только отъ незаконнаго присвоенія церковныхъ имуществъ⁴⁵⁷). Но то была тишь передъ бурей. Уже въ послѣднее время жизни владыки Юны, въ Новгородѣ обнаружались смуты и явное сопротивленіе властямъ, поставленнымъ отъ Іоанна. Іоаннъ думалъ чрезъ пословъ своихъ образумить Новгородцевъ; но они на зло ему отправили въ Москву боярина Василя Анашина, который не произнесъ ни одного покорнаго слова и, на вопросъ В. Князя о исправленіи Новгорода, спокойно отвѣчалъ, что ему о томъ не приказано⁴⁵⁸). Не смотря на то Іоаннъ, не помышлявшій еще о скоромъ покореніи Новгорода, продолжалъ увѣщавать Новгородцевъ, требовалъ одного уваженія къ своему имени, называлъ Новгородъ своей отчиной и обѣщалъ жаловать его. Это еще болѣе раздражало гордые умы Новгородцевъ. Впрочемъ, миръ видимо поддерживался. Волненія открылись по смерти владыки Юны. Его протодіакону и ризничему Теофилу выпалъ жребій быть Архіепископомъ⁴⁵⁹). Граждане благоразумные спѣшили выхлопотать ему опасъ отъ Великаго Князя и Митрополита для пріѣзда въ Москву на поставленіе.

Но партія безпокойныхъ, возбуждаемая честолюбивою вдовою бывшаго посадника, Исака Борецкаго, Марѳою, и предводимая сыномъ ея Дмитріемъ, также посадникомъ, взволновала вѣче, предложила передаться Казимиру и отъ руки Митрополита западно-русскаго, а не Московскаго, принять себѣ владыку. Тщетно люди, доброжелательствовавшіе Юанцу, вооружались противъ такой измѣны,

⁴⁵⁶) Акт. Ист. I. № 78. ⁴⁵⁷) *ibid.* № 2. ⁴⁵⁸) *ibid.* № 280. стр. 513.
⁴⁵⁹) П. С. Р. Л. IV. 235 и 236.

противъ такого неслыханнаго соблазна, тщетно представляли они, что ими искони владѣли Князья Рюрикова дома, предки Юанна; голосъ ихъ былъ заглушаемъ неистовыми криками безсмысленной, подкупленной черни: «за Короля хотимъ!»⁴⁶⁰⁾

Тщетно и Митрополитъ Филиппъ убѣждалъ не имѣть съ Латиными сообщенія и давалъ полное согласіе вмѣстѣ съ В. Княземъ на пріѣздъ Θεοφιλα въ Москву простымъ инокомъ и на отъѣздъ его въ бѣломъ клобукъ⁴⁶¹⁾. Съ Казимиромъ былъ заключенъ договоръ отъ имени всего Новгорода и нареченнаго на владычество Θεοφιλα⁴⁶²⁾. Казимиръ обязался имѣть на Городицѣ намѣстника Вѣры Греческой, бороться В. Новгородъ своею радю Литовскою отъ Князя Московскаго, согласился на всѣ ограниченія, какимъ подвергалась власть Княжеская въ Новѣгородѣ, и далъ клятву не отнимать у нихъ Вѣры Греческой Православной и не воздвигать въ ихъ землѣ церкви Римскихъ. Свѣдавъ объ измѣнѣ Новгорода, Юаннъ не сталъ медлить ни минуты, соединился съ Князьями удѣльными, поднялъ Псковичей и выступилъ въ походъ. Въ двукратной сѣчѣ при рѣкѣ Шелонѣ потерпѣли Новгородцы поражение отъ воеводъ Московскихъ, Данила Холмскаго и Θεοдора Давыдовича⁴⁶³⁾. Главные зачинщики мятежа, въ томъ числѣ и Димитрій Борецкій, были взяты въ плѣнъ (во второй битвѣ — 14 Юля 1471 г.) и казнены по повелѣнію Юанна; менѣе виновные сосланы въ Москву. Устрашенные Новгородцы отправили къ Юанну посольство съ челобитіемъ о мирѣ. В. Князь, отчасти не желая разомъ сокрушать вольность Новгородскую, отчасти уступая ходатайству Митрополита Филиппа, который за мѣсяць до

⁴⁶⁰⁾ Ник. Л. IV. 17—20. ⁴⁶¹⁾ Акт. Ист. I. № 280 и 281. ⁴⁶²⁾ Акт. Арх. Экс. I № 87. ⁴⁶³⁾ П. С. Р. Л. IV 433. Ник. Л. VI. 26 и 27.

Шелонской побѣды молилъ его: «пожаловать отчину свою «В. Новгородъ, если они (Новгородцы) имуть ему челомъ «бити, и поудержать мечь свой, да не прольется кровь «Христіанская между людьми его»⁴⁶⁴), — дать миръ Новгороду, взявъ съ него только, какъ бы за издержки войны, сумму въ 15,500 р., распределенную для уплаты на 4 срока, и принудивъ отступиться ему и его сыну всѣхъ земель Двинскихъ, которымъ, для большей вѣрности, была составлена опись по судейскимъ спискамъ. Обѣщая Новгородцамъ руководствоваться въ дѣлахъ суда, управленія и сбора податей старинными правилами, Иоаннъ требовалъ отъ нихъ: держать Княженіе его честно и грозно, никакою хитростью не передаваться Литвѣ, быть имъ отъ нихъ, В. Князей Иоанна Васильевича и Иоанна Иоанновича, неотступнымъ ни къ кому, не принимать лиходѣевъ В. Князя и, «избирая на владычество по «старинѣ владыки, опрочъ Москвы нигдѣ не ставити»⁴⁶⁵). Вслѣдъ за симъ Теофиль дѣйствительно былъ поставленъ въ Москвѣ, 15 Декабря 1471 года. Но съ этихъ поръ Иоаннъ сталъ явно думать о nokореніи Новгорода. Такъ, въ 1476 г., являсь въ Новгородъ съ миромъ⁴⁶⁶), онъ 9 недѣль производилъ свой грозный судъ на Городищѣ надъ первѣйшими боярами, въ числѣ коихъ былъ и второй сынъ Марѣи посадницы, Феодоръ. Между тѣмъ партія, приверженная Иоанну, готовила ему торжество въ Новгородѣ. Въ 1477 г. пріѣхали въ Москву послы, подвойскій Назарій и вѣчевый дьякъ Захаръ, и назвали Иоанна своимъ Государемъ⁴⁶⁷). Иоаннъ послалъ въ Новгородъ требовать объясненія: какого государствованія хотятъ они? Отвѣтъ данный народомъ на вѣчѣ послу его былъ слѣдующій: «Мы съ тѣмъ не посылавали, то по-

⁴⁶⁴) Акт. Ист. I. № 282. ⁴⁶⁵) Акт. Арх. Экс. I. № 90, 91, 93, и 94.

⁴⁶⁶) Ник. Л. VI. 62. П. С. Р. Л. IV. 251. ⁴⁶⁷) Ник. Л. VI. 71.

«сылали бояря, а народъ того не вѣдаетъ»⁴⁶⁸). Здѣсь видимъ явное, прямое указаніе на существованіе въ Новѣгородѣ 2 партій: за и противъ Іоанна. Іоаннъ не думалъ отказываться отъ чести быть Государемъ Новгорода и оружіемъ рѣшился утвердить свое государственіе. Соединясь съ родными братьями и Князьями удѣльными, не отвергнувъ помощи и Татарскаго Царевича Даниара, жившаго въ Россіи, вооруживъ Псковичей, Іоаннъ двинулъ это грозное ополченіе на Новгородъ. Когда несмѣтныя рати его облегли Новгородъ, а все посады, монастыри и деревушки обратились въ станы его полковъ, Новгородцы взяли за мысль уладить дѣло миромъ. Открылись переговоры. Іоаннъ велъ ихъ чрезъ бояръ своихъ и объявилъ, что хочетъ въ Новѣгородѣ такого же Государства, какъ и на Москвѣ, т. е. вѣчовому колоколу не быть, посаднику не быть, а волостямъ и селамъ быть, какъ и въ Низовской землѣ. Горько было согласиться на такія условія. Долго отстаивали Новгородскіе бояре свои льготы, наконецъ согласились. Просили они В. Князя поцѣловать крестъ къ В. Новгороду; Іоаннъ отвѣчалъ: не быть сему цѣлованію, и даже отказалъ въ крестномъ цѣлованіи своего намѣстника. Наконецъ, иѣкогда Великій Новгородъ упалъ до того, что счелъ милостью В. Князя, когда бояре вымолили у него: услышать изъ собственныхъ его устъ, что онъ отложилъ на нихъ гнѣвъ свой и даруетъ имъ судъ по старинѣ, отказывается отъ вывода въ землю Низовскую, отъ позва на Москву, освобождая ихъ отъ службы Низовской⁴⁶⁹). Особенная милость его также была, что, отчисляя въ свою пользу половину всѣхъ волостей монастырскихъ, онъ отказался отъ половины владычныхъ. 13 Января Архіепскопъ и бояре цѣловали крестъ къ боярамъ В. Князя въ его станѣ у

⁴⁶⁸) Лѣт. отъ 852—1598 г. стр. 155. ⁴⁶⁹) Ник. Л. VI. 95.

Троицы въ Паозерьи, 15-го — былъ приведенъ къ присягѣ и весь Новгородъ, взята ихъ укрѣпленная между собою грамота за 57 печатями и уничтожено вѣче. Намѣстникомъ Новугороду былъ назначенъ Иванъ Стрига. 29 Января происходилъ торжественный въѣздъ Іоанна въ городъ. — Марѳа посадница была заточена въ Нижній Новгородъ; главнѣйшіе недоброжелатели В. Князя также были удалены. Годъ спустя, и Архіепископъ Теофилъ былъ взятъ, по повелѣнію Іоанна, подъ стражу и приужденъ дать на себя отреченную грамоту, въ которой сознавался, что безразсудно и опрометчиво дерзнулъ на управленіе святой, соборной и апостольской Церкви, и молилъ всѣхъ Россійскихъ Архіепископовъ и самого Митрополита Геронтія простить ему его дерзновеніе и грубость и недостаточность ума, говоря, что онъ оставляетъ Архіепископію, чувствуя себя неспособнымъ «пасти словесныхъ овецъ стада Христова»⁴⁷⁰). Мѣстомъ заточенія Теофилу служилъ Чудовъ монастырь. Искоренія древній духъ вольности въ Новгородцахъ, Іоаннъ переселялъ нерѣдко огромное число семей ихъ въ глубь Россіи.

Но, покоряя Новгородъ, сокрушая удѣлы, Іоаннъ безъ сомнѣнія не мало слѣдовалъ въ этихъ случаяхъ совѣтамъ супруги своей, гордой Гречанки, послѣдней отрасли Палеологовъ, Софіи. Выданная за В. Князя Московскаго хитрымъ и расчетливымъ Пацою, который, при ея помощи, надѣялся, хотя и тщетно, утвердить въ Россіи правила Флорентійскаго Собора и сверхъ того извлечь для себя изъ тѣснаго союза съ Москвою еще другія выгоды, Софія принесла съ собою въ Россію идею о царскомъ величіи, о пышности двора Византійскаго. Іоаннъ III, слѣдуя ея внушеніямъ, окружилъ себя блескомъ и величіемъ, которые затмили Князей удѣльныхъ.

⁴⁷⁰) Акт. Арх. Экс. I. № 378.

Рожденный «съ манерами царскими»⁴⁷¹⁾, которыя онъ сохранилъ и во всю жизнь, женатый на гордой Принцессѣ, воспитанной въ правилахъ двора Византійскаго, Иоаннъ естественно *долженъ* былъ стремиться къ утверженію Единодержавія, уничтожать все, что замедляло развитіе его великаго плана — сдѣлать Россію Государствомъ Монархическимъ.

Въ тоже время бракъ съ Греческой Царевной сблизилъ Россію съ Европою. Въ Москвѣ явились послы Нѣмецкаго Императора, Датскаго Короля, Венеціанскаго Дожа и Волошкаго воеводы. Послы Московскіе отправились къ дворамъ западныхъ Вѣнценосцевъ.

Софію же, по свидѣтельству современниковъ, имѣемъ мы право считать виновницей свободы Россіи и сверженія постыднаго ига. Не хотя быть данницею Орды, она убѣдила Иоанна разорвать всякую связь съ Ордою, и повѣрить этому не трудно.

Укажемъ въ общихъ чертахъ, не вдаваясь въ излишнія подробности, ходъ дѣятельности Иоанна въ отношеніи къ Татарамъ. При немъ Царство Казанское, граничившее съ его владѣніями, было сильно. Онъ понималъ опасность этого сосѣдства и съ самаго начала своего Княженія старался ослабить его частыми походами, что и удалось ему. Въ 1470 г. уже Царь Казанскій Ибрагимъ, утраченный походами братьевъ В. Князя, особенно Юрія, Князей Ивана Юрьевича, Ивана Стриги и Ряполовскаго, добилъ В. Князю челомъ на всей его волѣ⁴⁷²⁾. Еще болѣе были успѣхи 1488-го года. Воеводы Московскіе взяли Казань, низвели съ престола Царя Алегамы и дали ей, отъ имени самого В. Князя, новаго Царя, преданнаго Москвѣ, Ахметъ-Аминя. Иоаннъ рас-

471) Bergeron. Voyage de Contarini. chap. VIII. 472) П. С. Р. Л. IV. 149.

поряжался Казанью, какъ своей отчиной, казилъ крамольныхъ улановъ, а Царя Алегама съ семействомъ заточилъ въ Вологду и Карголоумъ на Бѣлѣозерѣ⁴⁷³). Этими рѣшительными мѣрами обезопасилъ себя Юаннъ съ востока. Оставалось покончить дѣло съ Золотой Ордой. Слѣдуя политикѣ осторожной, Юаннъ приступилъ не вдругъ къ этой трудной задачѣ. 10 лѣтъ жилъ онъ въ мирѣ съ Ахматомъ; но въ 1472 г. не побоялся выставить противъ него свою рать, когда узналъ о его вторженіи. Одинъ видъ Русскаго войска и одно имя Юрія Василіевича брата В. Князя, грозы Татаръ, заставили Ахмата, по словамъ лѣтописца, удалиться изъ Россіи⁴⁷⁴). Но Юаннъ еще отерочилъ свободу Россіи, еще сносился съ Ахматомъ чрезъ своихъ киліичевъ, *кормилъ*⁴⁷⁵) и самъ на Москвѣ Татарскихъ пословъ, однако былъ далекъ отъ мысли ѣхать съ поклономъ самому въ Орду, даже острилъ мечъ противъ Хана. Судьба послала ему союзника въ Ханѣ Крымскомъ Менгли - Гирей, который, ненавидя и Литву, и Золотую Орду, предложилъ ему еще въ 1474 году свои услуги чрезъ посла Азибабу, — предложеніе принятое съ изъясненіемъ живѣйшей радости при дворѣ Московскомъ. Беклемишевъ отправленъ былъ Юанномъ въ Крымъ и утвердилъ любовь и дружбу между новыми союзниками⁴⁷⁶). Въ 1480 г. вступилъ на службу къ Юанну Крымскій Царевичъ Нордоуматъ, братъ Менгли-Гирея. Въ этомъ же году и пригодилась служба обоимъ братьевъ Москвѣ; ибо Ахматъ, желая воспользоваться раздоромъ Юанна съ братьями, рѣшился напомнить Россіи времена Батия, заключилъ съ Казимиромъ союзъ, чтобъ имъ обоимъ напасть въ одно время на Русскую землю, и двинулся къ берегамъ Оки. Юаннъ, оставивъ

---

⁴⁷³) П. С. Р. Л. IV. 156. ⁴⁷⁴) *ibid.* 150 и 151. ⁴⁷⁵) *ibid.* 151. ⁴⁷⁶) Пик. Л. VI. 53 и 54.

сына у Серпухова, самъ пошелъ къ Коломиѣ; но узнавъ, что Ахматъ отъ береговъ Дона свернулъ по направленію къ Литовской границѣ, дабы скорѣе соединиться съ Казимиромъ и напасть на Русь со стороны беззащитной, далъ повелѣніе и сыну и брату, Андрею Меньшему, спѣшить къ Калугѣ и стать на лѣвомъ берегу рѣки Угры; а самъ возвратился въ Москву для совѣта съ Духовенствомъ и боярами. Общее желаніе Духовенства и народа было вступить въ открытую войну съ Ахматомъ. Медленность и нерѣшительность Іоанна возбудили общій ропотъ. Наконецъ, онъ оставилъ Москву, сдѣлавъ распоряженія на счетъ укрѣпленія городовъ, примирившись съ братьями при помощи Духовенства и родной матери своей и убѣдивъ ихъ спѣшить къ берегамъ Угры, прибылъ въ Кременецъ и началъ отсюда управлять движеніями войскъ своихъ, уже стоявшихъ на берегу рѣки Угры въ виду Ахмата⁴⁷⁷). Зная осторожность своего Государя, не любившаго вообще прибѣгать къ оружію, Святители, стоявшіе тогда во главѣ Русской Церкви, убѣждали его краснорѣчивѣйшими грамотами не оставить отечества въ опасности, не явиться бѣглецомъ и съ твердымъ упованіемъ на Бога поднять мечъ противъ невѣрныхъ. «Отложи страхъ, писалъ ему Вассіанъ, престарѣлый, всѣми уважаемый Святитель, и возмогаи о Господѣ въ державѣ крѣпости Его. Не суть боги ихъ, яко Богъ нашъ. Господь мертвить и живить: онъ дастъ силу твоимъ воинамъ»⁴⁷⁸). Такъ, все Россійское Духовенство въ своемъ соборномъ посланіи Іоанну на Угру (въ Ноябрь 1480) писало: «Надѣяніе имѣемъ на Всемилющаго Бога и его Пречистую Богоматерь, и на великаго Архистратига Михаила, еже помощи ему вамъ на супостать вашихъ на поганныхъ языкъ и покорити ихъ

477) П. С. Р. Л. IV. 153. 478) Ист. Гос. Рос. Кар. VI. гл. III. стр. 96

«подъ нозѣ ваши»⁴⁷⁹). Однако Иоаннъ не отважился на битву съ Ахматомъ; по выраженію лѣтописца, слѣдуя совѣту «сребролюбцевъ богатыхъ и брюхатыхъ, предателей Христіанскихъ и царовниковъ бесерменскихъ», онъ велѣлъ отступить отъ береговъ Угры, но оробѣвшее воинство его обратилось въ бѣгство⁴⁸⁰). Въ свою очередь Ахматъ отъ того ли, что опасался воинской хитрости со стороны Русскихъ, или отъ того, что боялся погибнуть безъ помощи Казимира, который не могъ исполнить даннаго слова, потому что земля его сдѣлалась позорищемъ междоусобіи и подверглась разоренію отъ Менгли-Гирея (одна Подоля впрочемъ была разгромлена имъ), или же наконецъ получивъ вѣсть о разореніи своихъ улусовъ Нордоулатомъ и бояриномъ Ноздроватымъ, однимъ словомъ, Ахматъ ударился въ бѣгство, не будучи никѣмъ преслѣдуемъ. Вскорѣ онъ былъ изгнанъ изъ своихъ улусовъ Княземъ Ногайскимъ Ивакомъ и погибъ подобно Мамаю отъ ножа убійцъ⁴⁸¹). Ахматъ былъ нашъ послѣдній повелитель. Лѣтописецъ, послѣ всѣхъ описанныхъ нами событій, восклицаетъ: «Тако избави Богъ русскую землю отъ поганыхъ!» Конечно, при Иоаннѣ III, собственно говоря, иго не существовало для насъ: зависимость Россіи отъ Ахмата была самая слабая; доказательствомъ служитъ то, что Иоаннъ 9 лѣтъ не посылалъ въ Орду дани. Но тѣмъ не менѣе мы должны 1480 годъ считать началомъ нашей *полной* свободы, прекращеніемъ послѣднихъ связей съ повелительной Ордой. Еще долго надлежало Россіи бороться съ Татарами, но не за свободу, а за безопасность границъ. Мысль о господствѣ надъ Россіей не смѣла болѣе приходиться имъ въ голову. Дача ордынскаго выхода, о которой и послѣ 1480 г. шла рѣчь во всѣхъ договорныхъ и духовныхъ

⁴⁷⁹) Акт. Ист. I. № 90. ⁴⁸⁰) П. С. Р. Л. IV. 154. ⁴⁸¹) *ibid.*

грамотахъ, имѣеть совершенно иной смыслъ, чѣмъ прежде. Это была сумма, назначенная на содержаніе Татарскихъ Царевичей, жившихъ въ Россіи, и на утверженіе вліянія Россіи на Казань, Крымъ и Астрахань. Какъ незначительна была эта сумма въ сравненіи съ прежнею, можно видѣть изъ сличенія завѣщаній Іоанна III и Дмитрія Донскаго.

Разгнѣванный на Литву за ея союзъ съ Ахматомъ, отчасти вѣроятно уступая настойчивости Литовскихъ бѣглецевъ Князей Воротынскихъ и Бѣльскихъ, Іоаннъ рѣшился по смерти Казимира поднять оружіе на его сына Александра, получившаго одинъ Литовскій престолъ. Главная то цѣль Іоанна была вѣроятно возвращеніе земель утраченныхъ Россіею въ прежнія времена. Тщетно Александръ хотѣлъ миромъ кончить споръ о *порубежныхъ дѣлахъ*. Воеводы Іоанна, изъ коихъ замѣчательнѣе Кн. Даниилъ Щеня, овладѣли Мценскомъ, Серпейскомъ, Опаковымъ, Вязьмой, Одоевымъ и многими городами по Угрѣ. Нѣкоторые изъ знаменитѣйшихъ плѣнниковъ были отправлены въ заточеніе; другіе — пожалованы, напр. Князь Вяземскіе сохранили свои отчины, обязавшись служить В. К. Московскому вѣрою и правдою. Наконецъ, миръ заключенный въ Москвѣ 17-го Января 1494 прекратилъ военныя дѣйствія, и Россія пріобрѣла отъ Литвы многіе города, прежде ей принадлежавшіе⁴⁸²). Вслѣдъ за тѣмъ Александръ сочетался бракомъ съ дочерью В. Князя Еленою. Но скоро принужденія его Елены къ Вѣрѣ Католической, гоненіе православныхъ въ Литвѣ и моленіе Кн. Бѣльскаго и двухъ изгнанниковъ, продолжительнымъ несчастіемъ искупившихъ вину предковъ, — Семена сына Іоанна Можайскаго и Василя внука Шемяки, моленіе о защитѣ единовѣрцевъ Литовскихъ убѣдили Іоанна поднять

⁴⁸²) П. С. Р. Л. 161—163.

еще разъ оружіе на Александра. Взятіе Дорогобужа, побѣда при Ведрощѣ и плѣнь знаменитаго Князя Острожскаго, вотъ главныя событія этой войны, оконченной въ 1503 году перемиріемъ на 6 лѣтъ. Утверждая на прочномъ основаніи Единодержавіе въ Россіи, торжествуя надъ врагами внѣшними, Іоаншъ долженъ былъ позаботиться о назначеніи себѣ наслѣдника по смерти первороднаго сына своего Іоанна (1490), дѣятельно помогавшаго отцу въ управленіи Государствомъ. Надлежало Іоанну рѣшить трудный вопросъ: кому будетъ принадлежать послѣ него престоль: сыну ли Василию, или внуку Дмитрію? Перваго поддерживали мать его Софія и многіе дѣти боярскіе; второй имѣлъ на своей сторонѣ знаменитыхъ бояръ Князя Ивана Юрьевича Патрекеева съ дѣтьми и Князя Семена Ряполовскаго. Заслуги этихъ мужей позволяютъ намъ догадываться, что не личные интересы, не низкій своекорыстный расчетъ руководилъ ими, а желаніе видѣть прочное утвержденіе въ Россіи порядка престолонаслѣдія въ низходящей линіи, съ такими усиліями введеннаго при содѣйствіи ихъ предковъ. Открылись интриги. Василій вмѣстѣ съ матерью подпаль гнѣву Іоанна: приверженцы ихъ, въ томъ числѣ и дякъ Гусевъ, написавшій Уложеніе (1497 г.), были казнены 26-го Декабря 1498 г.⁴⁸³). Іоаншъ торжественно вручилъ въ Успенскомъ Соборѣ 4-го Февраля внуку Дмитрію Княженіе Владимірское, Московское и всея Руси и произнесъ въ рѣчи своей къ Митрополиту Симону слова достопамятныя: «Отцы наши великіе Князи сыномъ своимъ *первымъ* давали великое Княжество, и язъ былъ сына «своего *перваго* Івана при себѣжъ благословилъ великимъ «Княжествомъ; божія такъ воля сталась, сына моего «Івана не стало в животе, а у него остался сынъ *первоі*

⁴⁸³) Ист. Гос. Рос. VI. 171.

«Дмитрей и язъ его ныне благословляю при себе и после «себя великимъ Княжествомъ Володимерскимъ и Московскимъ и Новгородскимъ.»⁴⁸⁴). И такъ, Іоанномъ руководила мысль о престолонаслѣдїи въ низходящей линїи. Впрочемъ, Іоаннъ скоро возвратилъ и супругъ, и сыну отпята почести; даже пожаловалъ Василию Новгородъ и Исковъ⁴⁸⁵). Гнѣвъ его обратился теперь на Патрекеевыхъ и Ряполовскаго. Онъ забылъ великость ихъ заслугъ государственныхъ и видѣлъ въ нихъ однихъ крамольниковъ. Не знаемъ, въ чемъ состояла крамола: можетъ быть обвиненїя, взнесенныя ими на Софію и Василю, были слишкомъ несправедливы или замыслы ихъ слишкомъ опасны; знаемъ одно, что Іоаннъ явилъ надъ ними примѣръ строгости ужасной: Ряполовскїи былъ казненъ!

Князя Ивана Юрьевича съ дѣтми спасло отъ смерти ходатайство Духовенства: имъ велѣно постричься въ монастыряхъ Троицкомъ и Бѣлозерскомъ⁴⁸⁶). Предположеніе Пр. Соловьева, что Іоаннъ хотѣлъ этимъ нанести рѣшительный ударъ боярству, усилившемуся въ ущербъ власти В. Князя, это предположеніе, говоримъ, имѣетъ также свое вѣроятїе.

Незавидна была и участь юнаго, вѣнчаннаго Дмитрія. Онъ былъ заключенъ въ темницу и содержимый въ великой нуждѣ умеръ уже въ 1509 году, умоляя дядю своего Василю Іоанновича въ своемъ духовномъ завѣщанїи помянуть его душу дачей его сель и деревень въ разные монастыри⁴⁸⁷).

Іоаннъ окончательно утвердилъ въ Россїи новый порядокъ вещей своимъ духовнымъ завѣщанїемъ, писаннымъ

⁴⁸⁴) Собр. Гос. Гр. и Д. П. № 25. Ник. Л. VI. 153. ⁴⁸⁵) Ник. Л. VI. 157. ⁴⁸⁶) Ник. Л. VI. 156. Ист. Гос. Рос. Кар. VI. 174. ⁴⁸⁷) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 147.

въ 1504 году. Сына своего старѣйшаго, Василия благословилъ онъ своею отчиною Великими Княжествами, чѣмъ его самого благословилъ отецъ и что ему далъ Богъ, т. е. почти всѣмъ Княжествомъ *собственно* Московскимъ (за исключеніемъ не многихъ городовъ), бывшими Княжествами Новгородскимъ, Тверскимъ, Нижегородскимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ, частью Рязанскаго, землями Двинскою, Пермскою и Вятскою и частью завоеваній Литовскихъ; другими словами, онъ отдалъ Василию почти все Государство, а остальнымъ дѣтямъ своимъ назначилъ удѣлы самыя незначительныя, разрозненныя притомъ владѣніями старшаго брата ихъ.

Юрій получилъ: Дмитровъ, Звенигородъ, Кашинъ, Рузу, Серпейскъ, Тухачевъ, Десну и нѣкоторыя волости съ селами. Дмитрій — Угличъ, Устюжну, Зубцовъ, Опоки, пол-Ржева, Опаковъ, Мѣсечскъ и др. Симеонъ Бѣжецкій Верхъ, Калугу, Козельскъ, Серенскъ, Людимскъ, Мстиславль и пр. Андрей — Верею, Алексинъ, Вышгородъ, Любутскъ и т. д. Можно сказать, что меньшіе дѣти Іоанна получили эти удѣлы только для кормленія, а не для того, чтобы пользоваться правами владѣтельныхъ и независимыхъ Князей. Напротивъ, Іоаннъ иредоставилъ одному Василию возможность быть владѣтелемъ самостоятельнымъ и единодержавнымъ. Онъ *одинъ* получилъ *право чеканить монету* въ своихъ областяхъ, Москвѣ и Твери, право наследовать въ выморочныхъ удѣлахъ братьевъ, право откупа, право сносясь съ Татарами, принимать ихъ Царевичей къ себѣ на службу и располагать ордынскимъ выходомъ. Братья Василия, ограниченныя правами частныхъ владѣльцевъ, были обезпечены впрочемъ въ неприкосновенности своихъ удѣловъ волей отца, чтобы Василию въ удѣлахъ братьевъ ни земель не покупалъ, ни закладней не держалъ. Каждый получилъ по особой казнѣ; а остальные, *что ни есть казенъ*, достались

Василію. Іоаннъ завѣщаль меньшимъ дѣтямъ держать брата старѣйшаго въ его, отца своего, мѣсто и слушать во всемъ, а Василію держать ихъ въ братствѣ, во чти, безъ обиды. А того, кто сталъ бы не слушать во всемъ сына его Василія, или подыскивать подъ нимъ и подъ его дѣтьми Великихъ Княжествъ, отступать отъ него, ссылатся съ кѣмъ нибудь явно или тайно на его лихо, или одиначиться (соединяться) съ кѣмъ нибудь на него — того лишаль онъ своего благословенія въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ⁴⁸⁸).

А чтобы Князья, особенно Юрій, не отказались повиноваться Василію, Іоаннъ велѣлъ при своей жизни Василію и Юрію, 16-го Іюня 1504 года, заключить между собою договоръ по общей уже намъ извѣстной формѣ т. е. о бытіи въ дружбѣ и согласіи, объ управленіи каждому своими землями по учиненному отъ отца раздѣлу, о непокупкѣ и незакладываніи одной стороною вотчинъ во владѣніяхъ другой, о вѣденіи Орды старшему, о дачѣ меньшимъ ордынскаго выхода и о судахъ. Договоръ былъ подписанъ Митрополитомъ Симономъ⁴⁸⁹).

Такимъ образомъ, Москва сдѣлалась главою Государства: подавивъ удѣлы, свергнувъ оковы постыднаго для Россіи рабства, даровавъ Россіи благодѣтельныя для нея начала Единодержавія, она соединила разрозненныя ея части въ одно стройное цѣлое; другими словами: она собрала Русскую землю. Первымъ собирателемъ былъ знаменитый Князь Московскій Іоаннъ Калита; послѣднимъ — Іоаннъ III. Впрочемъ, Іоаннъ III оставилъ тѣнь самостоятельности Пскову, Княжествамъ Рязанскому и Сѣверскому. Но и эти послѣдніе остатки удѣльной системы были уничтожены преемникомъ Іоанна — Василіемъ.

⁴⁸⁸) Собр. Гос. Гр. и Д. I. № 144. ⁴⁸⁹) *ibid.* № 133 и 134.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1.

ПОЛОЖЕНІЯ.

Для избѣжанія сухаго перечня результатовъ нашихъ критическихъ и историческихъ изслѣдованій, мы сочли лучшимъ представить эти результаты въ видѣ краткихъ положеній. Въ текстѣ нашего разсужденія, эти положенія развиты подробно, а въ настоящемъ мѣстѣ они будутъ служить только указаніемъ главнѣйшихъ пунктовъ нашего разсужденія. Впрочемъ, мы позволили себѣ внести въ наши положенія и такіе вопросы, которые, хотя не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ главному предмету нашего разсужденія, однако тѣмъ не менѣе связаны съ нимъ и были до сихъ поръ, по нашему убѣжденію, не совсѣмъ правильно рѣшаемы.

1. По мнѣнію Карамзина, Татары, подавивъ удѣльныхъ Князей, дали средство возвыситься Московскому дому и не позволили Литовцамъ, тогда уже сильнымъ, завоевать Московское Государство, — но это не справедливо: во 1-хъ, потому что наши Князья имѣли идею о

единствѣ сами, еще прежде Монголовъ: таковы были Ярославъ I, Владиміръ Мономахъ, Андрей Боголюбскій и др., во 2-хъ, эпоха Самозванцевъ показала, что мы могли сами сохранять единство даже въ болѣе затруднительное время.

2. Татары не только не содѣйствовали возвышенію Москвы и единству Руси, какъ то полагаетъ Карамзинъ, но даже часто противопоставляли Москвѣ другія Княжества и тѣмъ самымъ поддерживали дробленіе Руси.

3. По мнѣнію Каченовскаго, центральное положеніе Москвы содѣйствовало главнымъ образомъ ея возвышенію, но въ противномъ легко убѣдиться при простомъ взглядѣ на карту; Москва не имѣла даже выгоднаго положенія ни въ экономическомъ, ни въ политическомъ отношеніи, не бывъ расположена ни на берегу моря, ни по теченію судоходной рѣки и стоя по сосѣдству съ Татарами.

4. По мнѣнію г. Соловьева, причина возвышенія Москвы заключалась въ существовавшей тогда противоположности новыхъ и старыхъ городовъ — противоположности дока не доказанной и не вполне объясненной; съ другой стороны г. Соловьевъ, въ рѣшеніи вопроса о причинахъ возвышенія Москвы, показалъ односторонне значеніе Московскихъ бояръ, упустивъ изъ виду другое, и самое главное: личность Московскихъ Князей, и выставивъ такимъ образомъ бояръ на первомъ планѣ, какъ главныхъ поборниковъ возвышенія Москвы.

5. Полевой не рѣшилъ нашего вопроса ученымъ образомъ, какъ то видно изъ главнаго его положенія.

6. Полевой, желая оставаться послѣдовательнымъ, не справедливо уменьшаетъ заслуги Димитрія Донскаго и приписываетъ все вліянію Митрополита Алексея; — главнѣйшія событія его Княженія мы видимъ уже по смерти этого Святителя, а роль, которую занимали бояре, при

ходатайствѣ ихъ предъ Ханомъ за Димитрія, наводитъ всякаго на мысль, что Митрополитъ Алексѣй вѣроятно самъ много былъ обязанъ совѣтамъ опытныхъ бояръ.

7. По нашему убѣжденію, развитіемъ котораго служило все наше разсужденіе, *причину возвышенія Москвы должно искать въ личности ея Великихъ Князей*, хотя *орудіемъ* при достиженіи ихъ политическихъ цѣлей конечно *служили и побочныя обстоятельства*, которыя другими писателями были иногда возвышаемы до степени *причинъ*.

8. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ Пр. Погодина, что жизнь Данила Александровича Московскаго протекла неознаменованная никакими подвигами; — всю жизнь онъ провелъ въ благоразумной политикѣ противодѣйствовать честолюбивому Андрею Городецкому, и плодомъ его политики было первое и важное приобрѣтеніе Переяславля.

9. Къ мѣрамъ Іоанна Калиты удержать первенство за Москвою мы относимъ его распоряженіе касательно Москвы, которое, сколько намъ извѣстно, не обращало на себя вниманія изслѣдователей; — по завѣщанію Іоанна Калиты, Москва оставалась *общимъ* владѣніемъ *всѣхъ* его дѣтей, слѣдовательно котораго бы изъ нихъ Ханъ ни назначилъ Великимъ Княземъ, во всякомъ случаѣ тотъ былъ бы опять Великимъ Княземъ Московскимъ.

10. Договоръ Симеона Гордаго съ братьями былъ заключенъ въ Москвѣ, а не во Владимірѣ, какъ то утверждаетъ Каченовскій и его ученикъ г. Станкевичъ.

11. Димитрій Донской утвердилъ своимъ духовнымъ завѣщаніемъ престолъ Великокняжескій *за своимъ родомъ, въ низходящей линіи, по праву первородства*, и назначилъ себѣ въ наслѣдники *старшаго сына* своего Василия; но, *только для предупрежденія правъ Владиміра Андреевича*, онъ объявилъ наслѣдникомъ Василию, и притомъ единственно въ случаѣ его *бездѣтной кончины*, брата его Юрія.

12. Въ противность мнѣнію Карамзина и Пр. Погодина, мы утверждаемъ, на основаніи завѣщаній Василя I, что Нижегородское Княжество досталось ему и не легко и не скоро, — во всякомъ случаѣ не ранѣе 1424 года; между тѣмъ Карамзинъ и Пр. Погодинъ относятъ это событіе къ 1392 году.

Относительно годовъ присоединенія различныхъ Княжествъ къ Москвѣ, мы могли бы сдѣлать еще нѣсколько положеній, въ которыхъ развилось бы постепенное ея расширеніе, но мы для этой цѣли назначили второе приложеніе, гдѣ и указали подробно, какъ увеличивалась территория Москвы, съ каждымъ новымъ Княженіемъ.

2.

П Р И Р А Щ Е Н І Я М О С К В Ы *).

Мы имѣемъ полное право предполагать, что Княжество Московское состояло первоначально изъ одного только города: *Москвы*.

Даніилъ Александровичъ, первый изъ ея Князей, которыхъ дѣятельность намъ хорошо извѣстна, увеличилъ значеніе Москвы, утвердивъ 1301 года свое вліяніе на Княжество *Рязанское* и получивъ въ 1302 году по завѣ-

---

*) Предлагаемая статья о приращеніяхъ Москвы составлена нами на основаніи духовныхъ грамотъ В. Князей Московскихъ и при посрѣдствѣ мѣтописей и нѣкоторыхъ другихъ источниковъ. Назначеніе ея — служить объясненіемъ къ Картѣ, на которой мы старались по мѣрѣ возможности указать эти приращенія, и не только объясненіемъ, но и дополненіемъ; ибо скудость нашихъ настоящихъ познаній о древней Географіи Россіи не позволяеть намъ представить въ наглядномъ видѣ — на картѣ, всѣхъ городовъ, слободъ и селъ, входившихъ въ составъ Московскаго Княжества; такъ напр. приобрѣтенія Симеона Гордаго совершенно не могутъ быть указаны на картѣ.

щанію племянника Іоанна Димитріевича — *Переяславль Зальскій*, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ того времени.

Георгій Даниловичъ въ 1303 году прибрѣлъ *Можайскъ* отъ Смоленска, а въ 1307 г. утвердилъ за Москвою *Коломну*, утративъ господство въ Рязани.

Іоанну Даниловичу еще въ 1328 году принадлежали слѣдующіе города, волости и села: *Звенигородъ*, *Руза*, *Серпуховъ*, *Лопастна*, *Перемышль*, *Городенка*, *Мѣзья*, *Песочна*, *Похряне*, *Устьмерьска*, *Брошева*, *Гвоздна*, *Маковецъ*, *Лѣвичинъ*, *Скулневъ*, *Каневъ*, *Гжель*, *Горѣтова*, *Горки*, *Кремична*, *Фомиинское*, *Суходоль*, *Угожъ*, *Ростовци*, *Тростна*, *Негуча*, *Сѣверьска*, *Наруинское*, *Нивна*, *Темна*, *Голичичи*, *Щитовъ*, *Растовець*, *Тухачевъ*, *Сурожикъ*, *Мушкина Гора*, *Радонежское*, *Бѣли*, *Воря*, *Черноголовъ*, *Вохна*, *Дѣйково Раменье*, *Машевъ*, *Сѣлна*, *Гуслиця*, *Раменье*, что было за *Кпягиною*; села: *Астафьевское*, село на *Сѣверьцѣ* въ *Похрянскомъ* уѣздѣ, с. *Константиновское*, *Ориинское*, *Островское*, *Копотенское*, сельце *Микульское*, село *Малаховское*, *Напрудское* у города, *Великую слободу*, *Замошскую*, *Окатьеву*; села *Рюховское*, *Каменнское*, *Рузское*, *Бѣлжинское*, *Максимовское*, *Андреевское*, *Вяземское*, *Домонтовское*, село въ *Замошской слободѣ*, село *Семчинское*, *Талежское*, *Серпуховское*, *Колбасинское*, *Нарьское*, *Перемышльское*, *Битяговское*, *Труфановское*, *Ясиновское* (вѣроятно оно же называлось въ послѣдствіи *Ясенева* и было въ *Завѣщаніи Андрея Васильевича меньшаго, Князя Вологодскаго*, отказано брату его *Борису Волоцкому*), *Коломенское*, *Погатиновское*, слобода *Софроновская* на *Варѣ*, село *Михайловское*, *Луцинское*, *Радонежское*, *Дѣйгуинское*, *Тыловское*, *Ротожъ*, *Протасьевское*, *Аристовское*, и *Михайловское* на *Яузѣ*.

Въ продолженіе 12-лѣтняго Княженія своего, *Іоаннъ*

Калита прикупилъ множество сель въ разныхъ областяхъ. Такъ, во 2-мъ Духовномъ Завѣщаніи своемъ онъ говорить: «А опрочъ Московскихъ сель даю сыну своему «Семену: *села своя купленая*: село Аваковское въ Новѣ-городѣ на Улолѣ, другое въ Володимери Борисовское. «А что есмь кунилъ село Петровское, Олексинское, Видобричъ и Павловское на Масѣ, половину есмь купилъ, «а половину есмь смѣнялъ съ Митрополитомъ».

На Матвѣйцевское село вымѣнялъ онъ село Варварское и Мѣловское у Юрьева. Въ Ростовѣ куплено имъ село Богородицкое; у какого то Игумена Прокофья онъ купилъ селце на Кержачи, да еще Леонтьевское и Шарповское.

Галичъ, Угличъ (Углече поле, какъ его называютъ обыкновенно въ договорахъ и лѣтописяхъ) и Бѣлоозеро въ завѣщаніи Донскаго также названы *куплей* Калиты. Но такъ какъ Димитрій Донской первый располагалъ ими какъ полною собственностью, до него же они не шли въ раздѣлъ между Московскими Князьями, и такъ какъ Галичъ до самаго 1363 г. имѣлъ своихъ Князей не изъ рода Калиты, то мы считаемъ себя въ правѣ утверждать, что Іоаннъ Калита купилъ себѣ въ этихъ городахъ только *право известнаго* участія въ управленіи ими и въ сборѣ съ нихъ доходовъ. Куплей Іоанна Калиты названа также *Кистьма* въ Бѣжецкомъ Верхѣ — во 2-мъ завѣщаніи Василя Димитріевича.

Симеонъ Іоанновичъ Гордый получилъ въ благословеніе отъ тетки своей Княгини Анны: *Зячковъ* и купилъ въ Переяславлѣ село *Самаровское*, на Кержачи село *Романовское*, въ Юрьевской волости с. *Оршаковское*, во Владимірской Семеновское, на Костромѣ Александровское, въ Дмитровѣ какое то село у Ивана Дрюцкаго, наконецъ у Ивана Новосильскаго Заберегъ.

Въ завѣщаніяхъ *Іоанна Іоанновича*, сверхъ сель упоми-

наемыхъ въ духовныхъ грамотахъ Калиты и Симсона Гордаго встрѣчаемъ нѣсколько новыхъ имепъ, какъ напр. Середокоротна, село Малино, с. Холмы, с. Новое, Мещерка у Коломны, Истерву слободку, село на Рѣннѣ, с. Милциньское, с. Максимовское, с. Козловское, с. на Рокшѣ — Романовское и с. Афиньевское; однако мы не имѣемъ права считать ихъ примыслами Іоанна Іоанновича, потому что онъ самъ ихъ такъ не называетъ, не говоритъ, что это были его купли или чей нибудь даръ. За то изъ собственныхъ словъ Іоанна Іоанновича мы заключаемъ несомнѣнно, что ему достались мѣста Рязанскія «на сей сторонѣ (т. е. на лѣвой) Оки». А изъ соображенія того обстоятельства, что Іоаннъ изъ тѣхъ мѣстъ Рязанскихъ далъ Князю Володимеру *въ Лопастны мѣсто Новый городокъ* на усть Поротли, — съ договоромъ Князя Олега Рязанскаго и Димитрія Донскаго мы полагаемъ съ большой вѣроятностью, даже почти съ несомнѣнностью, что эти мѣста лежали отъ Коломны вверхъ по Окѣ на Московской сторонѣ и были: Новый Городокъ, Почень, Лужа, Верея, Боровскъ и еще другія, о коихъ Олегъ не упоминаетъ.

Димитрій Іоанновичъ Донской въ первые годы своего Княженія утвердилъ за собою купли своего дѣда: Галичь, Угличь и Бѣлоозеро, захватилъ Княжество Стародубское и привелъ въ зависимость отъ себя Княжество Ростовское. Въ 1381 году, договорной грамотой съ Великимъ Княземъ Рязанскимъ Олегомъ онъ упрочилъ за Москвою приобрѣтенія отца своего въ землѣ Рязанской, признавъ границею между обоими Княжествами рѣки Цну и Оку, но возвративъ Олегу мѣста за Окою на Рязанской сторонѣ, которыя прежде потягли къ Москвѣ именно: Почень (но это очевидно не тотъ Почень, о которомъ была выше рѣчь), Лопастну, уѣздъ Метиславль, Жадене городице, Жадемль, Дубокъ и Бродничъ. За то

Олеги уступилъ Московскому Князю: Талицу, Выползовъ, Такасовъ и согласился не вступаться въ куплю В. Князя: *Мещеру*. Изъ этого же памятника видно, что и Тула состояла за Димитріемъ; но вѣдалась, неизвѣстно почему, баскаками Ханскими, какъ было, при Царицѣ Тайдулѣ, сказано въ договорѣ.

Объявивъ себѣ наслѣдникомъ на Великокняжескомъ престолѣ старшаго сына своего К. Василья и заставивъ двоюроднаго брата своего Владиміра Андреевича признать его въ этомъ достоинствѣ, Димитрій тѣмъ самымъ объявилъ и *Владиміръ*, считавшійся доселѣ Маіоратомъ или Принципатомъ, какъ угодно, собственностію неотъемлемою своего рода. Благославляя Василія на *старѣйшій путь*, онъ отдалъ ему *Василцево* и *Добрятинскую борть* съ селомъ *Добрятинскимъ* (имена доселѣ не встрѣчавшіяся), Кочему, Комаревъ за берегомъ, Митинъ починокъ, Жироткины деревни; вѣроятно это были его промыслы. Самъ онъ называетъ своимъ прикупомъ села Елезаровское, Правотово и Красное въ Юрьевѣ и село Василевское въ Ростовѣ, починокъ за Вяткою, села Петровское, Фроловское, Елохъ, на Коломнѣ Самойлицевъ починокъ съ деревнями, Савельевскій починокъ, Микульское село, Бабышево, Ослебятевское. Сверхъ того мы встрѣчаемъ въ завѣщаніи Димитрія: Вышгородъ, Плѣснь, волости Можайскія: Исмею, Числовъ, Боянь, Берестовъ, Поротву, Колочу, Тутковъ, Пневичи съ Загорьемъ, Вышнее, Глиньско, Болонескъ, Коржанъ и Моишинъ Холмъ; Рудь, Городошевичи, Гремичи и Сутовъ. Калуга и Роца также принадлежали уже Донскому. Бояринъ его Федоръ Андреевичъ вытягалъ на общемъ *рѣшѣ* (сѣздѣ) у Смолнянъ, какъ сказано въ грамотѣ Димитрія: Товъ и Медынь. Находимъ также новыя имена: Берендѣева слобода, Вышегородъ (очевидно это другой), Лутосна, Побашъ, Звѣрковское село съ Соханскимъ починомъ и Сохна; къ

Бѣлуозеру потягло: Вольское, Шаготь; Кострома и волости ея также шли въ раздѣлъ по смерти Димитрія. Княгиня его получила между прочимъ примыслы его: Скирменовскую слободку съ Шепковымъ, Смоляные съ Митяевскимъ починкомъ. Сверхъ того Княгиня Федосья благословила Димитрія Судой на Бѣлѣ Озерѣ да Колашной, супругу его Евдокію Городкомъ да Волочкомъ. Вотъ приобрѣтенія сдѣланныя Москвою при Димитріѣ. Едва ли которое нибудь Княжество (развѣ Новгородское — да и оно впрочемъ зависѣло отъ Москвы) могло равняться по своей обширности съ Московскимъ!

Изъ договорныхъ грамотъ 1389 и 1405 года между В. Княземъ *Василіемъ Димитріевичемъ* и Княземъ Владимиромъ Андреевичемъ видно, что въ это время Москвѣ принадлежали уже: Ржевъ, Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и Лисинь.

Въ первомъ Духовномъ Завѣщаніи своемъ 1407 г. Василій называетъ своимъ примысломъ и куплей: Ухтюшку, с. Фоминоское, села Діаконовы, Федоровскія, Свобловскія на Устюжѣ, въ Отводпомѣ и на Сямѣ, въ Ростовѣ и въ Бѣжецкомъ Верхѣ; все это были села его бояръ. Въ Переславлѣ его примыслъ с. Вельское съ Родивоновскимъ, въ Москвѣ: Буйловское съ Алексѣевскою деревнею, с. Тимофѣевское на Яузѣ, въ Юрьевѣ Чагино, Савельевское с., Иварово, Карабузино; въ Новѣгородѣ Непейципо, въ Нижнемъ Алачискія села и Мангачь. О Нижнемъ Новѣгородѣ Василій говоритъ предположительно, ясно давая знать что онъ имъ еще не владѣлъ въ 1407 г.; равно и о Муромѣ. «А дастъ Богъ сыну моему Князю Ивану держати Новѣгородъ Нижній да Муромъ, ино Княгищѣ моеѣ изъ Новагорода половина пошлишъ Новгородскихъ да Курмышъ со всѣми селы и съ Алгашемъ.» Во 2-мъ завѣщаніи Василій упоминаетъ о примыслахъ своихъ въ Юрьевѣ: селахъ Пе-

тровскомъ и Алексинскомъ, о примыслѣ прадѣда своего, слѣд. Иоанна Калиты, *Кистьмь* и своемъ — Троицкой слободкѣ на Вользѣ (вѣроятно на Волгѣ), селахъ Белеутовскихъ (т. е. боярина Белеута) на Волоцѣ и въ Юрьевѣ слободѣ и Тутолминскихъ деревняхъ, что прикупилъ Григорій Горбищевъ. Также благословляетъ онъ сына *примысломъ* своимъ *Муроломъ*. Но Нижній еще не принадлежалъ ему, и только въ 1424 году онъ могъ смѣло сказать: «А сына своего Кн. Василья благословляю своими «примыслы: *Новымъгородомъ Нижнимъ со встмъ* и т. д.» Подъ этимъ выраженіемъ: *со встмъ* слѣдуетъ разумѣть: и Суздаль, и Городецъ, однимъ словомъ весь удѣлъ Князей Нижегородскихъ. Василій Димитріевичъ владѣлъ также Вологдой.

В. Князь *Василій Василевичъ* присоединилъ къ своимъ областямъ удѣлы, образовавшіеся въ В. Княжествѣ Московскомъ; но не всѣ, а только слѣдующіе: Звенигородскій, Галицкій, Можайскій и Боровскій. Такъ что по смерти его В. Княжество Московское заключалось почти въ тѣхъ же предѣлахъ, какъ и при отцѣ его. Все различіе только въ томъ, что на югѣ была присоединена часть Рязанскаго удѣла съ Ельцемъ и что Вятская страна съ городами Орловымъ, Котельничимъ и другими была взята Московскими воеводами 1459 г.; но это послѣднее пріобрѣтеніе не было довольно прочно. Новгородцы уступили В. Князю въ 1456 г. земли, накупленные ими въ областяхъ Ростовской и Бѣлозерской. Самый Ростовъ, хотя и сохранилъ своихъ Князей, однако находился въ полной зависимости отъ Москвы, такъ что Василій отказалъ его даже въ удѣлъ своей супругѣ.

Въ 1463 году, при В. Князѣ *Іоаннѣ III Василевичѣ*, печалованіемъ дьяка *Алексѣя Полуехтовича* присоединено къ Москвѣ Княжество Ярославское.

Въ 1472 г. Иоаннъ уничтожилъ удѣль Дмитровскій съ городами Можайскомъ, Серпуховымъ и Медынью, присоединивъ его по смерти брата своего Юрія Васильевича къ Москвѣ.

Въ 1474 г. Князья Ростовскіе уступили В. Князю окончательно свой удѣль: *Ростовъ*.

Въ 1478 г. былъ завоеванъ, или правильнѣе, просто присоединенъ, безъ кровопролитія, Великій Новгородъ со всѣми подвластными ему землями, и въ завѣщаніи своемъ Иоаннъ отказывалъ его сыну Василию съ городами: Иванъ-Городъ, Копорье, Орѣшекъ, Ладога, Куръгородъ, Порховъ, Кошкинъ городъ, Руса, Торжекъ, Холмъ, Буецъ, В. Луки, Ржева, съ землями Корельской, Заволоцкой съ Онегой, Каргополомъ, Поонежьемъ, Двиной, Вагой, Кокшенгой, Вельскимъ погостомъ, Холмогорами и со всей Двинской землей.

Въ 1481 г. по смерти Андрея Меньшаго былъ присоединенъ его удѣль — Вологодскій съ Кубеной и Заозерьемъ.

Въ 1485 г. по завѣщанію Михаила Андреевича Верейскаго и его удѣль съ Вереей, Вышгородомъ (впрочемъ онъ былъ уступленъ еще ранѣе — въ 1465, и Ярославцемъ примкнулъ къ Москвѣ.

Въ 1486 г. и Тверское Княжество вошло въ составъ Московскаго Государства, съ городами: Тверью, Старицей, Зубповымъ, Клиномъ, Опокой, Городенью, Буйгородомъ и Колпью.

Въ 1489 г. окончательно утверждено господство надъ Вяткой, и покорена земля Арская.

Въ 1491 г. удѣль Углицкій сдѣлался полнымъ достояніемъ Иоанна III.

Въ 1494 г. по миру съ Литвою, Россія приобрѣла: Вязму, Алексинъ, Тѣшиловъ, Рославль, Веневъ, Мстиславль,

Торусу, Серенскъ, Новосиль, Одоевъ, Воротыньскъ, Перемышль, Бѣлевъ.

Въ 1499 г. покорена Югра.

Въ 1503 г. по заключенному на 6 лѣтъ перемирію съ Литвою, Россія удержала за собою покорившіяся ей земли Черниговскую и Сѣверскую. По завѣщанію племянника своего Феодора Князя Рязанскаго, Іоаннъ наследовалъ Старую Рязань и Перевитскъ. Псковскую землю Іоаннъ отказываетъ въ завѣщаніи также какъ свою собственность. Но преемникъ его присоединилъ ее къ Москвѣ окончательно, уничтоживъ народное правленіе.

Василій же Іоанновичъ присоединилъ все Княжество Рязанское и Новгородъ-Сѣверское къ своимъ владѣніямъ.

Прилагаемая карта В. Княжества Московскаго составлена по Атласу Ахматова, но при пособіи Книги Большому Чертежу и статьи о древней Географіи Руси Пр. Погодина, вошедшей въ IV томъ его Изслѣдованій, Записокъ и Лекцій подъ заглавіемъ: Ярославово дѣленіе.

Примѣчаніе. Мы только тогда считали извѣстный городъ или Княжество пріобрѣтеніемъ извѣстнаго Князя, когда они присоединялись окончательно къ Москвѣ. На этомъ основаніи напр. Галичъ, Угличъ и Бѣлоозеро отнесены къ приращеніямъ Москвы при Димитріѣ Донскомъ; Ярославль и Ростовъ — при Іоаниѣ III. Уничтоженіе удѣловъ, образовавшихся въ самомъ Княжествѣ Московскомъ, мы не считаемъ приращеніями Москвы.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

В в е д е н і е	стр. 1.
---------------------------	---------

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Отдѣлъ I. Источники и пособія	5.
Отдѣлъ II. Критика новѣйшихъ изслѣдованій . .	15.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Историческое изслѣдованіе вопроса о причинахъ воз- вышенія Москвы	43.
Объ основаніи Москвы и ея исторіи до времени Князя Данила Александровича	48.
Княженіе Данила Александровича Московскаго.	53.
Княженіе Георгія Даниловича, Великаго Князя Московскаго.	56.
Іоаннъ Даниловичъ Калита, Великій Князь всея Руси.	63.
Симеонъ Іоанновичъ Гордый	80.
Княженіе Іоанна Іоанновича	84.
Княженіе Дмитрія Іоанновича Донскаго.	86.
Княженіе Василя Дмитріевича.	113.
Княженіе Василя Василовича Темнаго.	126.
Государствованіе Іоанна III Василовича.	138.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

П р и л о ж е н і я.

1. Положенія	162.
2. Приращенія Москвы	165.

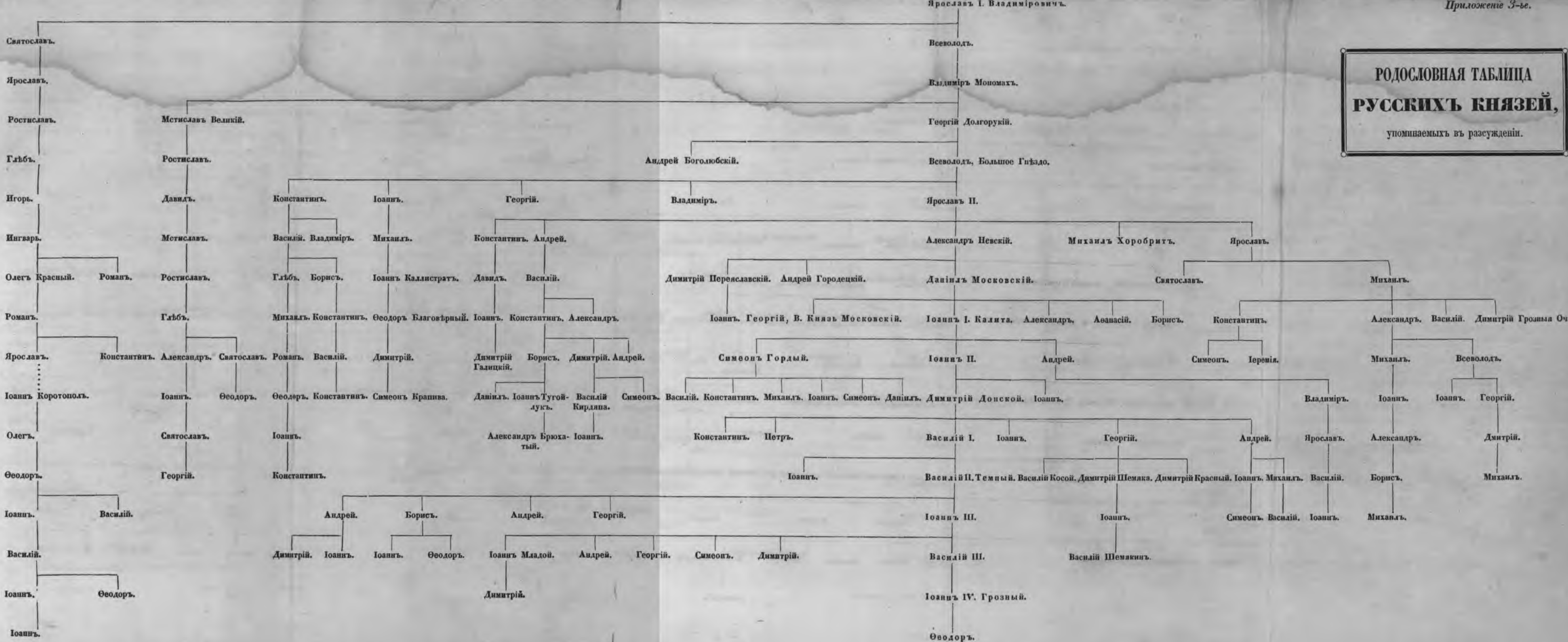
Въ концѣ разсужденія помѣщены 3. Родословная Таблица Русскихъ Князей, упоминаемыхъ въ разсужденіи, и къ приложенію 2-му Карта Великаго Княжества Московскаго съ показаніемъ его территоріальнаго разширенія отъ временъ Данила Александровича до Василя Іоанновича.

**РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА
РУССКИХЪ КНЯЗЕЙ,**

упоминаемыхъ въ разсужденіи.

КАРТА ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКАГО

с показаніем ея территориального раздѣленія
въ время Даниила Александровича
и Василия Ивановича

Московское Княжество

I	въ 1502 году при Данииле Александровиче
II	Терция Даниловича
III	Терция Даниловича
IV	Терция Иоанновича
V	Терция Иоанновича
VI	Терция Иоанновича
VII	Терция Василиевича
VIII	Терция Василиевича
IX	Терция Иоанновича

ГОРЬБ
№ 16
С. 12

~~20~~
3121 / 7 48

Всего 2/2.88

счит. в 200

127 250 =

200

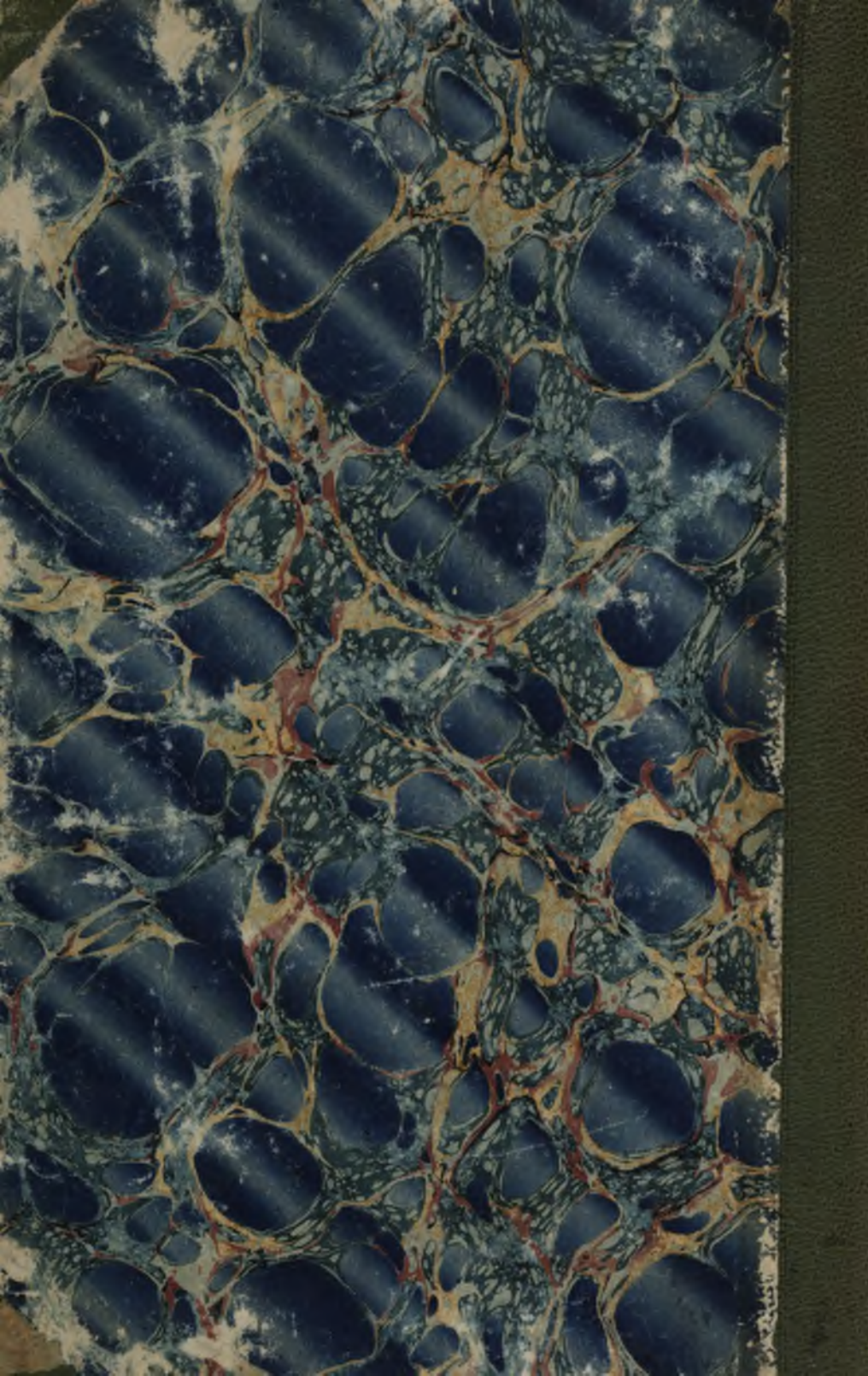
200
IV

ЦГПБ

им. Н. А. Некрасова

2 000000 962320

могъ легко сообщить любопытныя извѣстія о самомъ Великомъ Князѣ, о его владѣніяхъ и о свойствахъ Русскаго народа.

Сказаніе поэтическое, о которомъ мы говорили выше, есть *Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ*, помѣщенное въ 4-й книжѣ тома перваго *Сказаній Русскаго народа*, собранныхъ г. Сахаровымъ. Основа его и многія подробности очевидно историческія, и пренебрегать имъ отнюдь нельзя.

Въ числѣ нашихъ пособій мы должны упомянуть: 1) книжку первую *Архива Историко-Юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи*, издаваемого г. Калачовымъ. Москва. 1850. Здѣсь мы нашли двѣ статьи, имѣющія нѣкоторую связь съ нашимъ предметомъ: одну г. Бѣляева: *о Монгольскихъ чиновникахъ на Руси, упоминаемыхъ въ Ханскихъ ярлыкахъ*¹⁸⁾; другую Пр. Соловьева: *Князья Суздальскіе-Шуйскіе*¹⁹⁾. Съ вѣроятностью новаго мнѣнія Пр. Соловьева о происхожденіи Князей Суздальскихъ увеличивается и вѣроятность одного изъ нашихъ мнѣній. 2) Для уразумѣнія отношеній Тамерлана къ Тохтамышу, которые играютъ не совсѣмъ послѣднюю роль въ Исторіи Москвы, послужилъ намъ мемуаръ г. Шармуа, читанный имъ въ Собраніи Императорской Россійской Академіи Наукъ: *Expédition de Timour-i-Lenk ou Tamerlan contre Toqtamische khân de l'Oulouïs de Djoûtchy en 793 de l'Hégire ou 1391 de notre ère*²⁰⁾. Впрочемъ изслѣдованія г. Шармуа до насъ не вполне касаются; главное мѣсто ихъ въ Исторіи Востока. Для насъ важны нѣкоторые изъ его выводовъ и извлеченій изъ восточныхъ памятниковъ, какъ напр.: *Extrait de Quintessence des chroniques et des annales par Mou'hammed ben Mou'hammed d'Andrinople*²¹⁾, и еще: *Extraits du Présent de l'érudit et*

¹⁸⁾ Арх. Ист. Юр. свѣд. г. Калачова кн. I, Отд. 1, ст. 97 — 110.

¹⁹⁾ *ibid.* Отд. III, с. 19—21. ²⁰⁾ *Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences Sixième Serie t. III.* ²¹⁾ *ibid.* p. 505.

cadeau de l'homme instruit de l'Emir Abou-Mouthammed Mouszthafa fils de l'Emir Paçane Char. LXXXVIII. Règne de Timour et de ses enfants après lui ²²⁾).

Родословная таблица, присоединенная къ нашему разсужденію, составлена главнымъ образомъ на основаніи родословныхъ росписей Строева ²³⁾, но при пособіи Воскресенской Лѣтописи и родословныхъ нашего безсмертнаго Исторіографа ²⁴⁾.

Для составленія статьи о приращеніяхъ Москвы и географической карты съ указаніемъ постепенныхъ приращеній Московскаго Княжества служили намъ Духовныя Завѣщанія Князей при пособіи Атласа Ахматова, Книги Большому Чертежу или древней карты Россійскаго Государства, поновленной въ разрядѣ и списанной въ книгу 1627 года. Изд. 2-ое СПб. 1838; статей Пр. Погодина: Приращенія Москвы ²⁵⁾, и Ярославово дѣленіе ²⁶⁾, и двухъ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ: Сѣверный Архивъ: 1) *О постепенномъ увеличеніи Россійскаго Государства* ²⁷⁾ съ 1015 до 1682 года и 2) *Раздѣленіе и разныя области Россіи въ 1462 году при вступленіи на Московскій В. Княжескій престолъ Иоанна Васильевича, съ означеніемъ времени присоединенія удѣловъ и областей оныхъ.* Соч. С. К. ²⁸⁾. Впрочемъ достоинство двухъ послѣднихъ статей весьма не велико.

²²⁾ Mem. de l'Acad. Imp. des Sciences. Sixième Serie t. III, p. 504—505. ²³⁾ Ключъ къ Ист. Гос. Рос. стр. 19—45. ²⁴⁾ *ibid.* стр. 1—17. ²⁵⁾ Историко-критическіе Отрывки Пр. Погодина стр. 162—170. ²⁶⁾ См. IV томъ Изслѣдованій, Заблужденій и Лекцій Пр. Погодина. Москва. 1850. ²⁷⁾ Сѣверный Архивъ 1822. ч. 2. № 8, стр. 122. ²⁸⁾ *ibid.* 1824, ч. 9, № 5, стр. 268.